

63.3(2-1245)
К93

КУРОРТНЫЙ РАЙОН

Страницы истории

• Выпуск 6 •

ВОЗРАТИТЕ КНИГУ НЕ ПОЗЖЕ
обозначенного здесь срока

63.3(2-2СПб)
К93

КУРОРТНЫЙ РАЙОН

Страницы истории

Выпуск 6

АБОН! М.Г.АТ

154121/5

ГУК "ЦБС Курортного района"
Санкт-Петербурга

ОСТРОВ

Санкт-Петербург

2011

ЦЕНТРАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА
им. М. Зощенко
ГУК "ЦБС Курортного района" Санкт-Петербурга
197701, г. Сестрорецк,
ул. Токарева, 7 тел. 434-7157

УДК 908(470.23-25)
ББК 26.89(2-2Санкт-Петербург)
К 93

К 93 Курортный район. Страницы истории. Выпуск 6. - СПб.:
ООО «ИТД «ОСТРОВ», 2011. - 160 с., илл.

ISBN 978-5-903671-25-0

В очередной сборник статей по истории Курортного района вошли материалы по истории Сестрорецкого оружейного завода, продолжен рассказ о жителях Сестрорецка, публикация С.В. Евдокимова «Сестрорецк Михаила Кузьмина» открывает малоизвестную страницу в творчестве известного поэта, две статьи посвящены шедеврам дачной архитектуры Зеленогорска и Комарова, которые находятся на грани исчезновения или уже уничтожены.

УДК 908(470.23-25)
ББК 26.89(2-2Санкт-Петербург)

На обложке:

- 1-я стр. *Дача Вормана/А.А. Эргардта. Фото Е.М. Травиной*
2-я стр. *Верх. Заводоуправление Сестрорецкого оружейного завода.
Начало XX в. Из собрания С.В. Ренни*
*Низ. Заводоуправление Сестрорецкого инструментального
завода. 2011 г. Фото М.М. Браудзе*
3-я стр. *Улицы пос. Терийоки. Открытки начала XX в.*
4-я стр. *Верх. Цех сверл. 2011 г. Фото М.М. Браудзе*
Низ. Заводская электростанция. 2011 г. Фото М.М. Браудзе

© Авторы, 2011
© Библиотека им. М.М. Зощенко, 2011
© ООО «ИТД «ОСТРОВ», 2011

Л. И. Амирханов

Сестрорецкий Оружейный завод в первой половине XX века

Сестрорецкий оружейный завод, строительство которого началось в 1721 году, недавно отметил свое 290-летие. Затянувшаяся Северная война со Швецией и все более осложнявшиеся отношения с Англией, грозившие войной, требовали увеличения производства военного снаряжения и в первую очередь оружия. В 1712 году началось строительство Тульского оружейного завода, который вскоре приступил к изготовлению заряжавшихся с дула гладкоствольных ружей с кремневым замком – флузей. Но, учитывая грандиозные планы Петра, этого было недостаточно. К тому же перевозка боеприпасов и оружия, изготовленных на заводах Тулы и Урала, занимала много времени и не могла обеспечить в срок нужды армии.

Необходимость создания оружейного завода в непосредственной близости от новой столицы была очевидной. И тогда вспомнили о Карельском перешейке, богатом озерами, болотами и болотной рудой. В 1710 году сюда прибыла специальная комиссия офицеров с «наказанием» изыскать железные руды и составить карту местности. Однако военные заботы вынудили отложить на время изыскательские работы.

В 1714 году Петр I отдал распоряжение о сооружении на реке Сестре (по-фински Сивестарийоки, или Смородинная река, по-шведски Сюстербек) оружейного завода и плотины. Эта река позволяла создать плотину и искусственное водохранилище. Вода приводила в действие заводские станки. Строили завод мастера Олонецких заводов, переселенные сюда вместе со своими семьями. Для них построили 204 избы. Кроме того, в строительстве завода принимало участие большое количество приписных государевых крестьян и солдат.

Руководство строительством нового завода Петр поручил одному из своих сподвижников, голландцу Вильяму (Вильмму Ивановичу) Геннину, крупному специалисту «инженерного искусства». Администратор

горного дела» при Петре, он был определен вначале к Литейному двору, затем поступил в артиллерию офицером, в шведскую войну дослужился до чина полковника артиллерии, затем был комендантом Олонецких заводов.

Планировка В. Геннина была настолько рациональна, что сохранялась в основных чертах, несмотря на перестройки отдельных зданий, в течение двухсот лет. В плане завода четко прослеживается композиционный замысел, построенный на двух взаимно перпендикулярных осях, закрепленных Большой литейной и Дворцом Петра в одном направлении, Канцелярией и Кордегарией - в другом. По периметру здания были блокированы так, что образовывали сплошную ограду производственной площадки со зданием Канцелярии во главе и охраняемыми вышками по углам.

Поселок завода не был первоначально включен в его композицию, но застройка его сложилась так, что завод стал постепенно его композиционным центром. В связи с назначением Геннина впоследствии горным начальником в Сибирь, где он принимал участие в основании Екатеринбурга, а также построил ряд медных и железных заводов и крепостей, окончание строительства Сестрорецкого завода было поручено полковнику Вырубову, который в начале 1724 года закончил его полностью, о чем торжественно вручил Петру I соответствующий рапорт.

На протяжении XVIII и XIX веков сестрорецкий завод выполнял сложнейшие заказы, превратившись к началу XX века в один из центров производства огнестрельного оружия для русской армии.

Для Сестрорецкого оружейного завода XX век начался с почти детективной истории. Ее героем был австрийский барон, изобретатель Адольф Одколек. В конце 1900 года Главное Артиллерийское Управление (ГАУ) приняло предложение барона изготовить в России три ручных пулемета его системы. Инспектор оружейных заводов Бестужев-Рюмин направил начальнику Сестрорецкого Оружейного завода письмо, на основании которого 10 ноября 1900 года на заводе для австрийского изобретателя было отведено специальное помещение. А. Одколек к тому времени был уже известным в Европе человеком. Его станковый пулемет в 1890 году был куплен французской фирмой «Гочкис», а в 1899-м пулемет Одколека после некоторой доработки инженерами «Гочкиса» был принят на вооружение французской армии.¹

¹ В 1914 г. инженеры фирмы «Гочкис» провели серьезную модернизацию этой модели А. Одколека, которая вошла в историю стрелкового оружия как знаменитый «Гочкис» образца 1914 г.

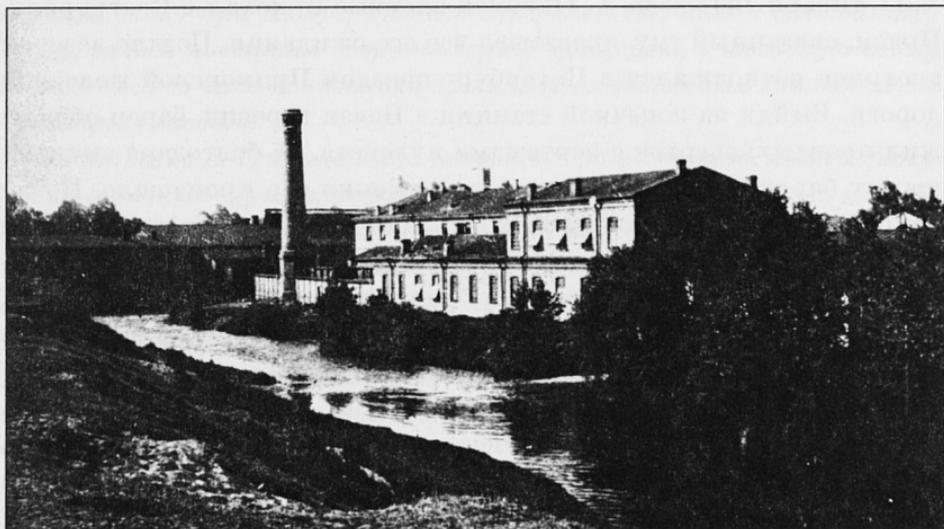
11 января 1901 года А. Одколек впервые приехал в Сестрорецк. Прием, оказанный ему, превзошел все его ожидания. Поздно вечером австриец возвращался в Петербург поездом Приморской железной дороги. Выйдя на конечной станции – Новая деревня, барон обнаружил пропажу: сверток с чертежами пулемета, но благодаря сытному ужину барон не мог вспомнить, где именно это произошло. После непродолжительных поисков с объявлениями в газетах и обещанием вознаграждения чертежи были найдены. Нашедшим, разумеется, совершенно случайно, оказался старший чертежник Сестрорецкого завода. «Очевидно, вознаграждение, выплаченное ему Одколеком, позволило заводу сэкономить определенную сумму, причитающуюся чертежнику за срочную и сверхурочную работу».²

Как бы то ни было, с этого времени на Сестрорецком заводе началась работа над первым для этого завода образцом автоматического стрелкового оружия. Она продолжалась больше года – до 23 марта 1902 года, когда последовало распоряжение ГАУ о прекращении работ. Пулемет А. Одколека так и не был изготовлен, несмотря на все усилия сестрорецких оружейников. Дело в том, что австрийский барон привез в Россию лишь идею создания пулемета и «принципиальные», то есть эскизные чертежи. Работа автоматики основывалась на отводе части газов из ствола, но конструкция пулемета была «сырой» – не отработана и не просчитана. Сестрорецким мастерам пришлось разрабатывать отдельные механизмы и конструкцию в целом. Достаточно сказать, что на первом экземпляре отверстие для отвода газов четыре раза переносилось с места на место по длине ствола, а на втором – боевая пружина шесть раз то усиливалась, то ослаблялась.

Неудача с австрийским пулеметом обошлась Сестрорецкому заводу в 8108 руб. 59 коп., израсходованных на материалы, инструменты, не считая расходов ГАУ на квартиру, дрова и прочее, предоставленные А. Одколеку. Тем не менее, завод получил некоторый положительный опыт, пригодившийся в дальнейшем.

Здесь необходимо пояснить терминологию. «Автоматической винтовкой» называется такая, в которой энергия пороховых газов используется не только для выбрасывания пули, но и для производства всех действий, необходимых для нового заряжания. Так как в этих винтовках заряжание производится не рукою стрелка, а пороховыми газами, то они имеют также название „самозарядных“; в них для производства каждого выстрела необходимо нажатие пальца на спусковой крючок; автоматические винтовки, в которых нажатие на спуск производит непрерывную

² Яковлев М. Н. История разработки первых систем автоматического стрелкового оружия для русской армии // Новый часовой. № 1. 1994. С. 15.

*Один из корпусов Сестрорецкого оружейного завода.
Начало XX в. Открытка из собрания С. В. Ренни*

стрельбу до полного израсходования всех патронов магазина или до прекращения нажатия на спусковой крючок, называются автоматами».³

Перевооружение русской армии в конце XIX века вызвало значительное, но временное увеличение числа рабочих Сестрорецкого Оружейного Завода. В 1890 году – 1053 человек, в 1892-м – 1184, в 1894-м – 1993, но уже в 1897-м – 1770 и в 1899-м – 1350.⁴ В составе новых кадров были высококвалифицированные токари, слесари-лекальщики, инструментальщики, пришедшие с петербургских заводов. По уровню своей общеобразовательной и профессиональной подготовки эти рабочие представляли собой наиболее развитую часть рабочего класса. Петербургские металлисты оседали в Сестрорецке, вливаясь в ряды потомственных оружейников, составлявших постоянные кадры заводских рабочих. Имея в виду этих рабочих, С. И. Мосин⁴ писал в ГАУ: «Идти на дальнейшее сокращение

³ Федоров В. Г. История винтовки. М. 1940. С. 110.

⁴ Сергей Иванович Мосин (1849–1902) известен, прежде всего, как изобретатель трехлинейной винтовки. При этом зачастую отмечается, что ее конструкция была настолько удачной, продержалась на вооружении русской и советской армии до 1940-х годов. Это не совсем так. В 1930 г. была проведена модернизация винтовки Мосина. В том числе была заменена так называемая отсечка-отражатель, служившая для «отделения патронов, подаваемых из магазинной коробки в ствольную, от отражения гильз (патронов) извлекаемых выбрасывателем из патронника». Это был один из основных элементов, которые привнес в свою конструкцию С. И. Мосин. После замены отсечки-отражателя на новую, более удобной конструкции называть трехлинейную винтовку обр. 1891/1930 г.

Сестрорецкий оружейный завод в начале XX в.

за счет пришлых мастеров невозможно, так как кадры оставляемых людей составляют лекальщики, калильщики, шлифовщики, токари и слесари, то есть такие люди, которые нужны заводу».

В этот период благодаря усилиям его командора С.И. Мосина завод получил новые станки и механизмы. Усовершенствования, принятые Мосиным, были направлены на замену ручных операций машинными. Они в значительной степени сократили затраты рабочего времени на выполнение многих операций, производительность труда выросла. Одновременно с этим, разумеется, были подняты нормы выработки и снижены расценки. Сам Мосин отмечал, что рабочим приходилось работать «с величайшим напряжением днем и ночью, во время большинства праздников».⁵

Уменьшение нарядов в первые годы XX века повлекло за собой сокращение количества рабочих и ухудшило положение оставшихся на заводах. Ижевский и Тульский заводы предполагали увольнение 3000 и 2500 человек соответственно. «С увольнением рабочих, – доносил в рапорте начальник Сестрорецкого завода, – им приходится положительно умирать с голода...». К началу 1903 года на Сестрорецком оружейном заводе осталось всего 1025 мастеровых.

винтовкой Мосина не совсем корректно. Интересно отметить, что фамилия Мосин тогда писалась с двумя буквами «с» – Моссин. Почему исчезла одна из них пока установить не удалось.

⁵ Рабочие оружейной промышленности в России и русские оружейники в XIX – начале XX в. Л. 1976. С. 64.

Русско-японская война привела к увеличению численности армии и заставила царское правительство выделить из чрезвычайных кредитов дополнительные ассигнования на изготовление оружия. Несмотря на реальность грядущей войны, в 1901–1903 годах численность рабочих на оружейных заводах сократилась, поэтому им потребовалось более чем полгода для того, чтобы набрать нужный темп в работе. С большим трудом Тульский и Сестрорецкий заводы выполнили дополнительный наряд и выпустили вместе 106 227 винтовок. Ижевский завод изготовил 98 546 винтовок вместо 103 190 штук.

Еще в ходе войны Военный совет поставил перед Главным артиллерийским управлением (ГАУ) вопрос о том, достаточно ли производительность казенных заводов для обеспечения потребности армии в случае большой и продолжительной войны. ГАУ предложило малоэффективные меры, которые, не прибегая к возведению новых построек, должны были бы увеличить производительность заводов.

Такая установка ГАУ по существу лишила начальников заводов возможности поставить вопрос о новой реконструкции подведомственных им предприятий в соответствии с возросшими требованиями времени и вынудила их ограничиться полумерами. В связи с таким ограничением начальники заводов высказали, прежде всего, пожелание произвести некоторую замену станочного парка. Только в Ижевске для мастерских, обрабатывающих детали винтовок, нужно было приобрести более 150 новых станков. Тульскому заводу, по мнению 9-го отделения ГАУ, требовалось около 700 станков, Сестрорецкому – 52 станка.⁶ В первую очередь следовало заменить оборудование и механизмы на Ижевском сталелитейном заводе. От его работы зависело снабжение других заводов черновыми ствольными и коробочными заготовками.

Начальники заводов, их помощники по технической части в конце Русско-японской войны поставили перед ГАУ вопрос об открытии специальных мастерских, в которых бы не только производился ремонт оборудования, но и изготавливались новые станки. Предложения заводов были поддержаны, и в конце 1906 года началось расширение механических мастерских. Это сыграло большую роль в обеспечении заводов станками собственного производства, особенно в Первую мировую войну.

Русско-японская война поставила финансы царского самодержавия на грань краха. «Дальневосточная авантюра царизма обошлась государственному казначейству более чем в 2,6 млрд руб. прямых расходов, а все потери народного хозяйства определились не менее чем в 4–5 млрд

⁶ Там же. С. 72.

руб. золотом. Для войны были использованы неприкосновенные запасы почти всех военных округов».⁷

Оружейные заводы начали вновь сокращать производство и увольнять рабочих. В 1908 году количество изготовленных винтовок на всех предприятиях уменьшилось до 64 509 шт. Созданная в 1908 году междуведомственная комиссия пересмотрела правила о частных заказах. Так, например, Тульский завод получил разрешение на изготовление револьверов по заказам непосредственно от воинских частей и других ведомств, не имеющих отношения к армии. Получал подобные заказы и Сестрорецкий завод.

Интересной была работа завода по переделке винтовок по системе Н. И. Юрлова. В начале XX века значительно увеличился состав различных подразделений русской армии - саперов, связистов, авиаторов, пулеметных команд. В связи со спецификой их боевых задач штатное вооружение нижних чинов - пехотная и драгунская винтовки - далеко не всегда были удобны из-за своих размеров и веса. Встал вопрос о создании легкого стрелкового оружия, которое бы не мешало, а способствовало решению специфических задач, решаемых этими подразделениями. Таким видом оружия стал карабин. На вооружении русской армии был принят карабин калибра 4,2 линии (10,7 мм), сконструированный по системе «Бердан № 2».⁸ Однако время требовало унификации оружия, поэтому было сделано несколько попыток переделать существующие винтовки калибра 3 линии (7,62 мм) в карабин. Однако все они были неудачны и дальше отдельных опытных образцов дело не пошло.

Успешной в этом направлении была работа Сестрорецкого оружейного завода, по переделке казачей и драгунской винтовок по системе Н. И. Юрлова (1862–1920).⁹ Николай Иванович Юрлов, будучи в чине капитана, еще работая в Комиссии для выработки образца мелкокалиберной винтовки, в 1894 году представил в Исполнительную комиссию по перевооружению армии свою систему. Комиссии распорядилась переделать 11 драгунских винтовок в карабины на Сестрорецком Оружейном заводе. Они предназначались для испытания баллистических свойств.

Переделка по системе Юрлова заключалась в следующем: ствол и укорачивался до размера 507 мм и в дульной части обтачивался на 0,01 дюйма, ставились новые прицел и мушка, тоньше делались приклад и цевье. Весил карабин 3 кг 227 гр. Заказ на изготовление 11 карабинов заводом

⁷ Шаццлло К. Ф. Россия перед первой мировой войной. М. 1974. С. 14.

⁸ См. Истории Сестрорецка и его окрестностей. Т. 2. стр. 90.

⁹ Николай Иванович Юрлов больше известен как военный администратор, автор ряда наставлений и описаний по содержанию и использованию трехлинейной винтовки, а также как автор ряда трудов по истории создания этой винтовки.

был выполнен, и 25 сентября 1895 года доставлен в Ораниенбаум, где делопроизводитель Комиссии для выработки образца малокалиберного ружья капитан Н. М. Филатов эти 11 карабинов получил. Николай Михайлович Филатов (1862–1935) после окончания Михайловской артиллерийской академии был направлен преподавателем стрелкового дела и артиллерии в Московское пехотное училище. В 1892 году он получил назначение в Ораниенбаум в Офицерскую стрелковую школу для работы в постоянно действующей Опытной комиссии по испытанию стрелкового оружия и ведения занятий по теории стрельбы. По предложению Филатова в 1905 году при Офицерской стрелковой школе был создан ружейный полигон, первым начальником которого он и был назначен. Под руководством Филатова полигон был превращен в крупный научно-исследовательский центр по оружейно-стрелковому делу, который тесно сотрудничал с Сестрорецким Оружейным заводом. На полигоне испытывались и дорабатывались почти все образцы стрелкового оружия того периода.

Несмотря на удачные испытания карабина Юрлова, продолжения не последовало и лишь в 1906 году ГАУ в связи со «встретившейся надобностью» вернулось к вопросу о карабине Юрлова. На этот раз речь шла о переделке 8738 винтовок для перевооружения нижних чинов Отдельного корпуса жандармов и об изготовлении новых карабинов на Ижевском оружейном заводе для вооружения пулеметных команд. Видимо, были сделаны определенные выводы по итогам событий 1904–1905 годов, называемых советской историографией первой русской революцией.

В связи с подготовкой к выполнению этого заказа помощник начальника Сестрорецкого оружейного завода по технической части генерал-майор Сависко представил свои соображения, в которых указал, что образец Н. И. Юрлова «...вполне практично спроектирован», но некоторые его особенности удорожают переделку и снижают надежность карабина. В самом деле, обтачивание ствола, предложенное Юрловым, дает незначительное уменьшение веса, но снижает прочность ствола, особенно в казенной части. А это крайне нежелательно в связи с введением новых патронов и соответственно с увеличением давления пороховых газов. Кроме того, изменение толщины ложи придется делать вручную, что значительно повысит стоимость работ.

Поэтому Сестрорецкий завод предложил два своих варианта: так называемые «вариант № 2 и № 3». Завод изготовил эти образцы, которые оказались тяжелее образца Юрлова на 200 грамм, что несколько уменьшало отдачу. Не вдаваясь в технические подробности, скажем, что вариант № 3 наиболее полно отвечал принципу взаимозаменяемости

частей - в условиях полевой ремонтной мастерской замена вышедших из строя частей не составляла особого труда.

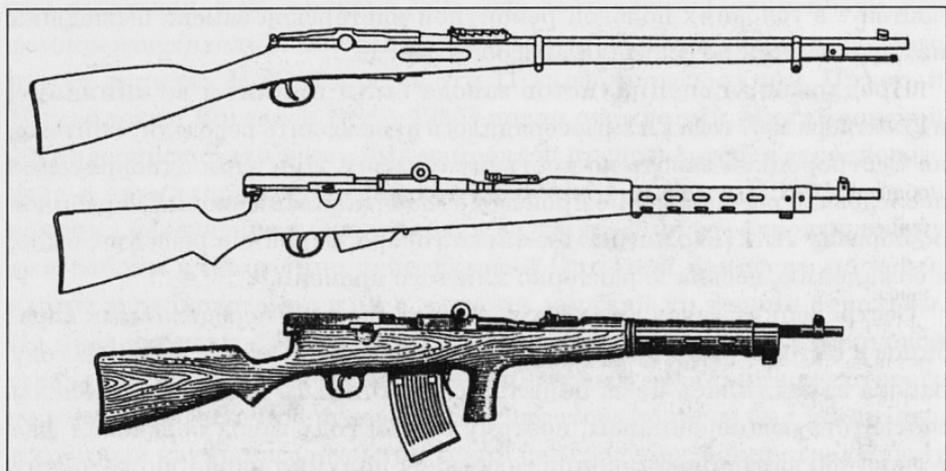
Предложения специалистов завода были приняты во внимание, и 21 октября 1907 года ГАУ распорядилось производить переделку винтовок на Сестрорецком заводе по третьему образцу. При этом одновременно последовало распоряжение производить изготовление новых карабинов по образцу № 1 (Юрлова). Это, мягко говоря, странное решение, было, к сожалению, весьма характерно для того времени.

Сестрорецкий завод уже 23 ноября отправил 150 переделанных карабинов в Петербургский окружной артиллерийский склад, но в 1908 году работа замедлилась из-за банальной причины - не были выделены соответствующие финансы, поэтому в этом году завод переделал еще только 150 карабинов. В конце года завод получил наряд, по которому планировалось закончить эту работу в течение трех лет. Причем выполнение этого заказа напрямую зависело от того, когда на завод поступят предполагаемые к переделке винтовки, а это происходило крайне неритмично.

12 июня 1909 года ГАУ сообщило, что «вследствие заявления Отдельного корпуса жандармов о необходимости вооружения нижних чинов автоматическим огнестрельным оружием (а к этому времени не было создано еще ни одного приемлемого образца) дальнейшая переделка винтовок в карабины для надобностей корпуса приостанавливается, и на завод будут доставлены лишь 972 винтовки. Тем не менее, еще до апреля 1913 года завод занимался переделками в карабины винтовок, поступавших из различных воинских частей. При этом были попытки принудить завод переделывать винтовки по первому образцу, но начальник завода генерал-майор Байцуров настойчиво доказывал нелепость этих попыток.

Немаловажным было и то обстоятельство, что пристрелку карабина образца № 1 проводили в 1895 году патронами с тупой пулей, а образец Сестрорецкого завода - патронами с увеличенным давлением пороховых газов и остроконечной пулей нового образца. Пристрелка велась на расстоянии 2000 шагов. Такую высокую дальнобойность для короткоствольного карабина следует отнести за счет исключительно высоких баллистических качеств прототипа - трехлинейной винтовки С. И. Мосина.

До Русско-японской войны среди некоторых авторитетных военных специалистов было распространено мнение о том, что автоматическое оружие не нужно. Так, известный военный деятель генерал М. И. Драгомиров, иронизируя по поводу автоматического оружия, говорил: «Если бы одного и того же человека нужно было убивать по несколько

*Автоматические винтовки, сверху вниз: Я. У. Рощепей (1905),
В. Г. Федоров (1907-1913), В. Г. Федоров (автомат, 1916)*

раз, то это было бы чудесное оружие. На беду для поклонников быстрого выпуска пуль человека довольно подстрелить один раз, и расстреливать его затем, вдогонку, пока он будет падать, надобности, сколько мне известно, нет»¹⁰.

Опыт Русско-японской войны со всей очевидностью показал несостоятельность таких взглядов. С конца 1904 года на Тульском оружейном заводе начались работы по налаживанию производства пулеметов системы Х. Максима. В 1906 года их было изготовлено уже 145 шт. Передовые русские офицеры и оружейные мастера (В. Г. Федоров, Ф. В. Токарев, Я. У. Рощепей, В. П. Коновалов и др.) по своей инициативе и при поддержке оружейного комитета ГАУ начали разрабатывать конструкции первых автоматических винтовок.

Первым предложил свой образец У. Я. Рощепей (1879-1958) бывший полковой кузнец Зегржского крепостного пехотного полка. Его винтовка имела неподвижный ствол и полусвободный затвор, открывающийся с замедлением. Образец отличался компактностью и простотой устройства. Магазин был рассчитан на пять патронов. И хотя образец Рощепей «не пошел в серию», некоторые его идеи получили применение не только в отечественных разработках. Так, модификации затвора, сконструированного Рощепеем, использовались в австрийском пулемете Шварцлозе и американской винтовке Педерсена.

В 1908 году начальник мастерской полковник С. А. Зыбин предложил создать комиссию по выработке автоматической винтовки на Тульском

¹⁰ Цит. по Рабочие оружейной промышленности в России и русские оружейники в XIX - начале XX в. Л. 1976. С. 73.

заводе. 14 марта Военный совет поддержал ходатайство С. А. Зыбина и принял постановление, обязывающее начальников Тульского, Ижевского и Сестрорецкого заводов «принять необходимые меры к возможно успешному выполнению задачи по выработке автоматической винтовки». Однако именно Сестрорецкий завод постепенно стал превращаться в базу, на которой изготавливались опытные образцы автоматического оружия. Сюда были прикомандированы мастер Я. У. Рощепей, сотник Ф. В. Токарев, капитан В. Г. Федоров.

Здесь, на Сестрорецком заводе, уже велись работы по разработке нескольких образцов автоматического оружия. Завод обладал прекрасными кадрами оружейников, и, кроме того, завод находился недалеко от Петербурга, а значит от ГАУ и Ораниенбаумской высшей офицерской стрелковой школы. Здесь проходили практику слушатели Михайловской Артиллерийской академии.

Талантливый изобретатель Владимир Григорьевич Федоров (1874–1966) в одной из своих книг очень интересно и подробно рассказывал, как создавалось в России автоматическое оружие.

«В декабре 1905 года мной был составлен первый чертеж переделки 3-линейной винтовки в автоматическую. Сущность конструкции, относящейся к системе автооружия с подвижным стволом, заключалась в добавлении наружной коробки или вернее короба, а также новой ложки, причем в этот короб помещался старый механизм нашей винтовки – ствол со ствольной коробкой и затвором, которые получали движение при выстреле назад; сбоку под рукояткой затвора к неподвижному коробу была прикреплена особая наклонная пластина, скользя по которой, затвор автоматически открывался и, отцепленный от ствольной коробки под влиянием приобретенной живой силы и остатка давления пороховых газов, отбрасывался назад. К механизму надо было добавить две возвратные пружины: одну для ствола со ствольной коробкой, расположенную внизу, и другую для затвора, расположенную сзади. Спусковой механизм пришлось изготовить новый.

Означенный проект был передан на заключение Ружейного полигона, причем его начальник дал благоприятный отзыв и журналом за № 11 от 10 января 1906 г. у нас было приступлено к первой попытке разработать автоматическую винтовку. Оружейный отдел ассигновал на эту разработку 500 рублей, которые были переведены на Ружейный полигон, где имелась небольшая оружейная мастерская. В мое распоряжение был назначен особый слесарь В. А. Дегтярев¹¹ из рабочих Тульского оружейного

¹¹ Василий Алексеевич Дегтярев (1879–1949), а не «Дектярев», как написано в некоторых изданиях.

завода, отбывавший воинскую повинность в Стрелковой школе и только что зачисленный оружейником по окончании службы в указанную выше мастерскую; здесь я впервые познакомился с этим выдающимся по своим способностям и талантам оружейным конструктором, бывшим в то время еще только молодым слесарем. Далее мне не раз придется упоминать о Дегтяреве, так как вся моя дальнейшая конструкторская деятельность прошла при совместной работе с ним как в Ораниенбауме на Ружейном полигоне, так и на Сестрорецком оружейном и на других заводах, здесь же я только упомяну, что с самого начала наших работ я нашел в Дегтяреве исключительно способного и при том преданного своему делу работника, живо интересующегося всеми новостями оружейного дела и в особенности конструкциями автоматического оружия. Первые образцы опытных винтовок были всецело изготовлены руками В. Дегтярева, причем им было лично внесено в разрабатываемые системы много новых усовершенствований и улучшений».¹²

Однако работы с первым образцом положительных результатов не дали. В 1907 году Федоров начал разрабатывать новый образец, в котором он отказался от громоздкой ствольной коробки, а сцепление затвора со стволом осуществлялось посредством «двух боковых симметрично расположенных боевых личинок». Однако как писал В. Г. Федоров: «... в том новом деле, которое нам пришлось проводить при том малом опыте, который имелся в то время относительно разработки автоматического оружия, нам пришлось сталкиваться с различными затруднениями почти в каждой детали».¹³

Федоров отмечал, что перенос разработки автоматической винтовки с Ружейного полигона на Сестрорецкий завод был абсолютно оправдан, так как завод имел больше средств «в отношении инструментария, квалифицированных рабочих и станочного оборудования». Однако завод был как бы сам по себе, а изобретатели, работавшие на заводе, сами по себе. Завод предоставлял только оборудование, станки, рабочую силу. Но по-другому и быть не могло, ведь каждый изобретатель старался держать свои разработки более-менее в секрете. Некоторые из изобретателей постоянно жаловались на завод, но, по мнению Федорова, это было лишь «обыкновенным желанием изобретателей приписать медленность работ по проектированию своих винтовок» другим лицам, но никак не себе.

Весной 1911 года винтовка Федорова была представлена Комиссии и подвергнута комиссионным испытаниям на стрельбище бывшей Петроградской патронной поверочной комиссии. Результаты стрельбы

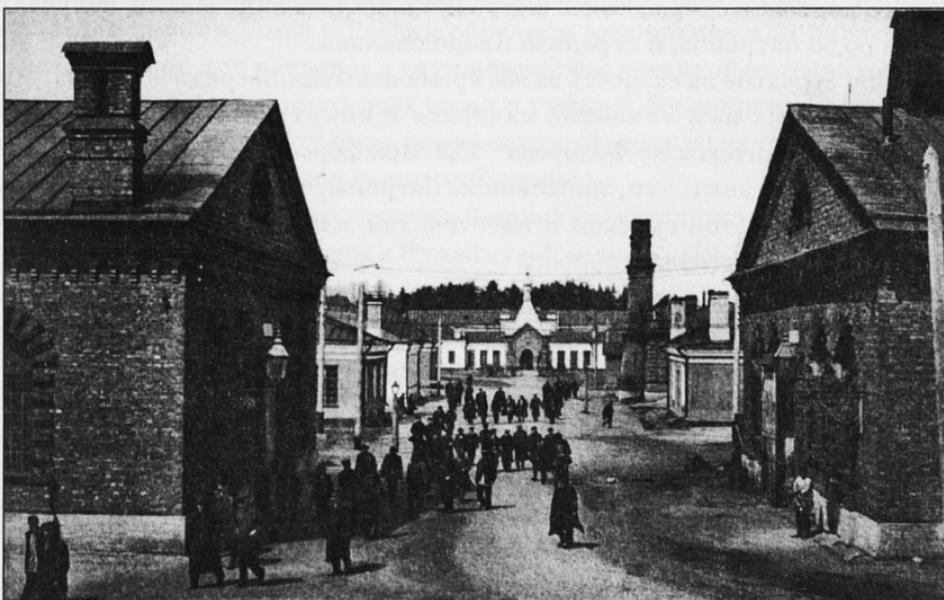
¹² Федоров В. Г. Оружейное дело на грани двух эпох. Л. 1938. С. 122

¹³ Там же С. 128.

Сестроп. Оруж. Заводъ. Зд. Приемной Комиссии.
Usines d'armes de Sestroretzk.

Здание приемной комиссии. Начало XX в. Из собрания С.В. Ренни

Заводской двор. Начало XX в. Из собрания С.В. Ренни

показали, что винтовка хорошо выдержала все положенные программой испытания, причем на 3225 выстрелов при нормальных условиях она дала 2,49% задержек, а при форсированных, то есть при загрязнении, запылении, усиленных зарядах задержек было 6,8%. Ввиду таких положительных результатов комиссия признала необходимым заказать Сестрорецкому оружейному заводу десять экземпляров для следующего полигонного испытания.

В ноябре того же года автоматическая винтовка Федорова была выдвинута на соискание Михайловской премии, которая присуждалась один раз в пять лет бывшим слушателям Артиллерийской академии.

Опытные десять экземпляров винтовки Федорова Сестрорецкий завод смог изготовить только к лету 1912 года, причем за это время в конструкцию винтовки был внесен ряд изменений, касавшихся в основном повышения надежности действия отдельных механизмов и, в частности, предохранителя.

Испытания винтовок проходили в начале сентября 1912 года. Наиболее интересными оказались испытания «на скорость стрельбы». Стрельба из автоматических винтовок Федорова велась параллельно с 3-линейной винтовкой следующим образом: двум стрелкам давались автоматические винтовки, двум другим - 3-линейные и по 60 патронов на винтовку. Стрельба производилась лежа, и при этом записывалось время, в которое выстреливались все 60 патронов - для каждой винтовки отдельно. После этого винтовки охлаждались и стрелки менялись винтовками, получали еще по 60 патронов, и стрельба продолжалась.

При стрельбе на скорость за все время испытаний среднее число пуль, выпускаемых из 3-линейной винтовки в минуту, получилось равным девяти, из винтовок же Федорова - 15,4. При форсированных испытаниях (запыленные винтовки, запыленные патроны, сухие винтовки, а также смазанные густой смазкой и вместе с тем запыленные) все винтовки Федорова действовали хорошо.

Затем по постановлению комиссии винтовки были подвергнуты испытанию на заржавление. Предварительно из пяти винтовок было сделано по 50 выстрелов, и затем одна винтовка была вытерта насухо, промазана влажной губкой и поставлена в «помещение». По истечении недельного срока получилось «оржавление личинок и нижней поверхности затвора, но при стрельбе 50 выстрелами не было ни одной задержки. Две другие винтовки, нормально смазанные, были выставлены на два дня под дождь - при 50 выстрелах из одной винтовки получилось одно «утыкание» и одна осечка, из другой - один недоход затвора. Пятая винтовка была опущена на дно пруда на 24 часа и после этого, опять же при 50 выстрелах, была всего одна осечка и один недоход затвора.

В своем заключении начальник Стрелковой школы донес, что автоматические винтовки Федорова работают надежно, и что необходимо немедленно приступить к изготовлению 100 экземпляров для войскового испытания.

В конце 1912 года Сестрорецкий завод приступил к «составлению» рабочих чертежей и изготовлению заказанных ему винтовок. Одновременно Федоров занимался проектированием нового патрона меньшего калибра - 6,5 мм - и переделкой своей автоматической винтовки под патрон новой конструкции. В сентябре 1913 года Федоров представил комиссии два экземпляра винтовок для нового патрона. Сущность и принципы действия новой винтовки остались без изменений за исключением некоторых нововведений, в частности затвор был сделан из цельного куска металла, а не паяным из двух частей, магазин принят не выступающий, с шахматным расположением патронов, с измененным подающим механизмом в виде коленообразной широкой пластинчатой пружины со ступенчатым подавателем. Штык был принят клинковый.

На испытаниях при нормальных условиях было выпущено 3200 выстрелов и получилось 38 задержек. При форсированном испытании было сделано 200 выстрелов при 41 задержке.

Комиссия признала, что винтовка Федорова калибра 6,5 мм успешно выдержала испытания, и особо было отмечено, что «означенная винтовка является первым у нас в России образцом автоматической винтовки, разработанной для патронов с улучшенной баллистикой со значительно большим давлением пороховых газов и гильзой без закраин».

Сестрорецкому заводу было поручено изготовить 20 малокалиберных автоматических винтовок системы Федорова.

Весной 1913 года рабочие чертежи 3-линейной автоматической винтовки Федорова были представлены в Ружейную Комиссию. Интересно отметить, что, утверждая эти чертежи, комиссия заявила, «что ответственность за правильность нанесенных размеров должна лежать на В. Федорове и начальнике Инструментальной мастерской Сестрорецкого завода Дунаевском», подписи которых стояли на чертежах. Начальник ГАУ Д. Кузьмин-Караваев это мнение комиссии не утвердил, наложив резолюцию: «О какой ответственности говорит комиссия? Если допустить, что завод изготовит винтовки по неверным чертежам, то за такое явление подлежат служебной ответственности не только заводские деятели, но и члены комиссии вместе с начальником Управления, утвердившим журнал, и их хата не с краю».¹¹

¹¹ Федоров В. Г. Указ. соч. С. 158.

В.А. Дегтярев

Ф.В. Токарев

Но главным достижением В.Г. Федорова в этот период справедливо считается создание автомата, который являлся промежуточным типом оружия между винтовкой и ручным пулеметом.

В 1913 году, наконец, началась реконструкция Сестрорецкого завода. Для этого Военный Совет выделил 1 400 000 рублей. В соответствующем предписании указывалось на то, чтобы все строительные работы производились без предварительного составления смет, а приобретение механических средств хозяйственный комитет осуществлял всеми экстренными способами. Однако работы велись крайне медленно.

7 июля, то есть за три недели до объявления войны, получила силу закона «Большая программа по усилению армии». Реконструкция оружейных заводов находилась в начальной стадии. Однако массовое изготовление новых винтовочных деталей, выпуск в большом количестве запасных частей к револьверам и пулеметам, налаженное производство станков, измерительного инструмента и различных приспособлений создавали благоприятные условия для перехода к усиленным работам в условиях повышенных требований на стрелковое оружие.

Однако в реальной жизни все оказалось гораздо сложнее. Сказывалась и всеобщая инерционность всей военной государственной машины. Так, начальник ГАУ

*Автомат
системы
В.Г. Федорова.
1916 г.*

в июле отдал распоряжение о принятии всех мер к началу выхода готовых пехотных винтовок, но Сестрорецкому заводу соответствующее предписание об организации выпуска винтовок в количестве 60 000 шт. было направлено лишь 19 сентября. В результате оружейные заводы все вместе за весь 1914 год изготовили лишь 89 824 винтовки. Острая нехватка оружия заставили закупать станки и оборудование в Англии и Америке.

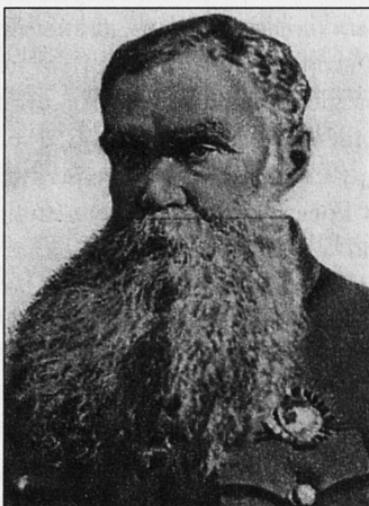
11 и 12 февраля 1915 года Военный Совет ассигновал Тульскому, Ижевскому и Сестрорецкому заводам 11 683 000 рублей на проведение самых неотложных работ по повышению производительности труда. Требовалось выйти на уровень изготовления 33 000 винтовок в месяц. На Сестрорецком заводе в январе 1914 года работало 2195 рабочих, а в середине 1916-го – 5500. Производство винтовок достигло высшего уровня к январю 1917 года, когда промышленные ресурсы государства были уже на грани истощения.

Хотя разразившаяся война и послужила толчком к развитию всех видов вооружения, на автоматические винтовки она не оказала существенного развития в силу того, что развитие автоматического оружия шло главным образом по линии развития пулеметов. Позднее В. Г. Федоров писал: «Единственным выходом при тех условиях, которые имелись в Царской России, могла быть только переделка моей автоматической винтовки. Ее нужно было переделать в тип оружия, приближающийся до некоторой степени к пулемету, а именно в тип ручного ружья-пулемета, как было первоначально названо это оружие».¹⁵

В 1916 году доработанная автоматическая винтовка Федорова первым из русских образцов получила боевое применение. Ее назвали

В. Г. Федоров

Н. М. Филатов

¹⁵ Цит. По Болотин Д. Н. Советское стрелковое оружие. М. 1990. С. 23

автоматом и приняли для частичного вооружения армии. Автоматами и автоматическими винтовками Федорова была вооружена одна из рот 189-го Измаиловского полка, которая, пройдя специальную подготовку в Оранienбауме, в декабре 1916 года была отправлена на фронт. Это было первое в мире воинское подразделение, вооруженное легким автоматическим оружием. Однако опыт военных действий показал, что автомат Федорова имеет ряд существенных недостатков. Во-первых, это оружие оказалось слишком «нежным», то есть при частичном запылении или загрязнении автоматы отказывали в действии. Во-вторых, оказалось, что «только первые пули при непрерывной стрельбе из автомата попадают в цель, а затем весь снап траекторий отклоняется от цели и стрельба становится бесполезной». Кроме того, превышая винтовку по массе, автомат не выдерживал режима огня ручного пулемета, так как имел обычный винтовочный, быстро перегревающийся ствол.

Автомат Федорова был сконструирован под японский патрон калибра 6,5 мм. Это обуславливалось рядом причин. Японский патрон был близок по своим данным к патрону, предложенному к своему автомату Федоровым в 1913 году. Этот патрон разрабатывался как совершенно новый патрон к новому оружию. Японский патрон, будучи меньше и несколько слабее русского патрона, с успехом мог быть применен в автоматическом оружии, позволяя сделать его более компактным, легким и живучим. В России тогда имелось значительное количество японских патронов, так как во многих воинских частях состояли на вооружении японские винтовки Арисака, особенно на Северном фронте. Использование этих патронов, а не налаживание производства новых было, конечно, более оправдано с экономической точки зрения.

Автомат Федорова работал по принципу использования отдачи при коротком ходе ствола. Ударно-спусковой механизм куркового типа позволял вести как одиночный, так и автоматический огонь. Питание патронами происходило из сменяемого коробчатого магазина на 25 патронов.

По мнению некоторых авторитетных специалистов, появление автоматических винтовок было несколько преждевременным, так как боевые качества магазинных винтовок отвечали всем требованиям, предъявляемым тогда к пехотному оружию, а их конструктивные возможности были далеко не исчерпаны.¹⁶

Немаловажное значение имел вопрос о снабжении стрелков боеприпасами стрелков, вооруженных автоматическими винтовками. Ведь

¹⁶ Жук А. В. Винтовки и автоматы, м. 1987. С. 84.

каждый из них мог иметь при себе не больше 180–200 патронов (это более 5 кг), но даже при скорострельности магазинных винтовок этот боезапас мог быть израсходован за несколько минут. Автоматические же винтовки требовали еще большего расхода, что при существовавших тогда размерах и массе создавало бы большие затруднения, и не было экономически выгодным. В те времена можно было только «лучшим стрелкам, обладающим спокойствием, хорошей выдержкой, дисциплиной... дать и более совершенное оружие, то есть автомат. Хороший стрелок не выпустит даром своих патронов и не останется без них в нужную минуту».¹⁷ В силу этого многие разработки не получили дальнейшего развития.

Интересные разработки автоматического оружия на Сестрорецком заводе были предложены в разные годы (1908, 1910, 1913, 1914) В. Ф. Токаревым (1871–1966). Федор Васильевич родился в семье донского казака станицы Егорлыкской. В 1891 году окончил военно-ремесленную школу в Новочеркасске и с 1896 года преподавал там оружейное дело. В 1900-м окончил юнкерское казачье училище в Новочеркасске. С автоматическим оружием Токарев впервые познакомился в офицерской стрелковой школе в Ораниенбауме, где учился с 1907 года. Конструкторская деятельность Токарева началась с переделки 3-линейной винтовки Мосина в автоматическую. С 1921 года Токарев работал на Тульском оружейном заводе. Слава изобретателю принес знаменитый пистолет «ТТ», разработанный в 1930-е годы.

После событий февраля 1917 года правительство оказалось бессильным удержать производство на прежнем уровне. Срабатывала и пропаганда, выводившая людей на стачки и призывавшая к забастовкам. Начался процесс быстрого распада экономики, и в первую очередь он коснулся государственных заводов. Разработки нового оружия в Сестрорецке прекратились. В 1918 году В. Г. Федоров и В. А. Дегтярев были командированы в Ковров (ныне Владимирская обл.). Здесь, на чугунолитейном заводе, они уже в 1920 году наладили производство автоматов системы Федорова. Во многом это удалось благодаря тому опыту, который изобретатели приобрели на Сестрорецком Оружейном заводе.

Первый же Декрет Советского правительства «О мире» объявил войну величайшим преступлением против человечества и призвал народы всех воюющих стран начать переговоры о заключении мира. В связи с этим Совет Народных Комиссаров 9 декабря 1917 года обратился к рабочим рекомендацией прекратить производство оружия и перейти

¹⁷ Федоров В. Г. Эволюция стрелкового оружия. М. 1939. ч. 2, С. 61.

к изготовлению предметов мирного обихода. В соответствии с этим на Сестрорецком заводе появилась демобилизационная комиссия. От неё требовалось определение запасов оставшегося сырья и определение тех видов продукции, которые могли бы выпускаться заводом.

Для Сестрорецкого завода это означало полное изменение профиля, освоение совершенно новых технологий, что было весьма не просто осуществить в условиях царившей в стране разрухи, острого недостатка сырья и топлива.

План демобилизации завода разработал В. П. Коновалов - талантливый инженер и изобретатель. Он более 27 лет отдал Сестрорецкому заводу, работая сначала помощником механика, а затем старшим механиком. После Февральских событий 1917 года Коновалов стал помощником начальника завода по технической части. Он конструировал и руководил изготовлением различных сложных станочных приспособлений, облегчавших производство изделий, разрабатывал чертежи необходимых заводу станков. В мастерских завода имелось 11 типов станков системы Коновалова.

Учитывая, что заводу, удаленному от центра страны, любое сырье и топливо всегда обходилось дорого, план демобилизации завода, составленный В. П. Коноваловым, предусматривал организацию производства только таких изделий, которые не требовали для своего изготовления большого количества металла и энергии или имели сбыт в пределах Петроградской губернии. Поэтому взрывательная мастерская завода полностью подлежала эвакуации, а её помещение ее переоборудовалось для ремонта автомобилей. Образцовая мастерская, помимо выпуска различного мерительного инструмента, должна была перейти к массовому производству железнодорожных счетчиков для паровозов. Предполагалось также организовать производство сверл, слесарного инструмента, жестиной и оцинкованной посуды для домашних нужд, а также ножей, вилок, конторской и школьной мебели и других видов мирной продукции.¹⁸

Выполнение этого плана началось уже в декабре 1917 года с изготовления железнодорожных счетчиков системы Гаусгельтнера, спиральных сверл, а также специальных станков для их фрезерования. Такие станки были впервые сконструированы и построены на заводе еще в 1914 году. Теперь предусматривалось широко применить сверлофрезерные станки при организации массового производства сверл, крайне необходимых восстанавливаемому хозяйству республики. Одновременно заводу пришлось выполнять небольшие заказы на ремонт

¹⁸ Сестрорецкий инструментальный завод имени Воскова. Л., 1968. С. 216.

сельскохозяйственных орудий. Ещё одним новым видом деятельности стал ремонт железнодорожных вагонов. Это был ответ рабочих Сестрорецкого завода на обращение 23 января 1918 года Совета Народных Комиссаров к Петроградскому союзу металлистов по поводу разрухи на железнодорожном транспорте

Заводской комитет, следуя решению состоявшейся 22-27 января 1918 года VI конференции фабрично-заводских комитетов Петрограда о национализации промышленности, постановил ликвидировать должность начальника завода и «...взять на себя руководство всеми как административными, так и хозяйственными делами завода».¹⁹ Было создано «коллегиальное демократическое» правление, в состав которого входили: директор-распорядитель, товарищ (заместитель) директора-распорядителя по технической части, коммерческий директор, техник-механик и секретарь. Кроме того, в правление вошли три представителя от заводского комитета, призванные следить за осуществлением рабочего контроля и составлявшие так называемую рабочую группу правления.

Первым «демократическим» директором завода был назначен военный инженер-технолог И. М. Храбров, его товарищем (помощником) по технической части - инженер-механик В. П. Коновалов.

В это время обстановка в стране значительно осложнилась в связи с начавшимся наступлением германских войск на Петроград.

По решению правительства в марте 1918 года началась эвакуация Сестрорецкого завода и других петроградских заводов на восток, в Поволжье и на Урал. Предстояло в очень сложных условиях хозяйственной разрухи эвакуировать заводское оборудование и материалы, убедить рабочих в необходимости перевода предприятия в глубокий тыл. Это было сделать нелегко, так как далеко не все хотели покидать привычные места. Зачастую приходилось терпеливо разъяснять оставшимся рабочим цели эвакуации и ее необходимость. Рабочие ряда мастерских колебались. Настроение на заводе было тревожным. В эти дни завком обратился к рабочим завода с призывом встать выше личных интересов и посмотреть на эвакуацию с точки зрения государственной. «Пусть каждый подумает, что делать, - говорилось в воззвании, - а долг и совесть каждого свободного гражданина укажет ему путь, как поступить и в интересах государства, а также и в своих личных».²⁰

Это обращение подействовало, и с 4 по 27 марта 90% всего оборудования было демонтировано и частью водным путем на баржах, частью по железной дороге направлено в другие города страны. В Сестрорецке оставались

¹⁹ ЦГА СПб Ф. 4648. Оп. 1. Д. 2. Л. 4.

²⁰ ЦГА СПб Ф. 4648, Оп. 1. Д. 2-а. Л. 50

только мастерские, пригодные для работ мирного характера и ремонта винтовок. Если в ноябре 1917 года на заводе было более 3000 станков и работало 5500 рабочих, то теперь оставалось не более 300 станков и 1400 рабочих.²¹ Завод занимался в основном производством жестяной посуды для армии и ремонтом винтовок. Однако и в это трудное время изобретатели В. П. Коновалов и Я. У. Рощепей пытались продолжить опытные работы по изготовлению новых образцов винтовок. Этому было посвящено специальное заседание заводского комитета: «Рассмотрев детально просьбу изобретателя автоматической винтовки т. Рощепей и представленные по сему вопросу документы ГАУ и мнение комиссии по изобретениям, заводской комитет находит возможным разрешить Рощепею продолжить работу по изобретению и усовершенствованию его винтовки в течение 3 месяцев».²²

С каждым месяцем обстановка в стране становилась все напряженнее. К концу лета 1918 года охватившая страну Гражданская война лишила Петроград важнейших продовольственных, сырьевых и топливных районов. Из-за отсутствия сырья и топлива бездействовало около 40% промышленных предприятий. Простаивал и Сестрорецкий оружейный завод. Запасы деталей для ремонта винтовок были исчерпаны еще весной. Число квалифицированных рабочих – специалистов оружейного дела значительно уменьшилось, так как многие из них ушли на фронт, разъехались по деревням.

В сентябре 1918 года через соответствующие инстанции на Сестрорецкий завод поступило распоряжение – возобновить ремонт винтовок с таким расчетом, чтобы из 30 000 получаемых для ремонта винтовок можно было собрать и сдать в течение месяца 20 000 исправных. Дело в том, что в распоряжении ГАУ имелось свыше 150 000 неисправных винтовок и завод вскоре начал оказывать действительную помощь Красной Армии, ремонтируя полученные из ГАУ винтовки. А в октябре 1918 года, получив несколько станков, он возобновил выпуск и новых винтовок. Уже в ноябре их было выпущено 964. В количественном отношении выпуск был, конечно, невелик, если учесть, что до эвакуации завод изготавливал свыше 600 винтовок в день, но, главное, работа эта возобновилась.

Одновременно завод не оставил без внимания и выпуск мирной продукции. 17 декабря 1918 года на совместном заседании технического комитета завода, завкома и представителей мастерских было решено вновь организовать изготовление сверл в инструментальной мастерской, пополнив ее станками из других мастерских. Учитывая то, что

²¹ ЦГА СПб Ф. 1642, Оп. 4. Д. 24. Л. 8.

²² Там же Оп. 1. Д. 12. Л. 82. Однако данных о завершении работ по разработке новых винтовок найти не удалось.

к концу 1918 года положение на фронтах гражданской войны несколько улучшилось, коллегиальное правление завода возбудило ходатайство о возвращении эвакуированных станков и механизмов.

Важную роль в деле мобилизации рабочих на трудовые подвиги играл завком завода. Функции его в это время значительно изменились. После организации коллегиального правления деятельность его была направлена на повышение производительности труда, укрепление трудовой дисциплины, экономию сырья, топлива, материалов, разрешение продовольственного и топливного вопросов. 6 октября 1918 года, вскоре после принятия решения о возобновлении на заводе ремонта винтовок, завком обратился к рабочим с призывом: «Все к станкам! На страх и смерть врагам должна встать вся пролетарская Россия, и на территории всей страны должны задымить рабочие трубы и зашуметь станки. Только в поднятии производительности, строгой пролетарской дисциплины сознание и долг каждого из нас. Работать не за страх, а за совесть – вот тот залог победы нашей революции».²³¹

В начале 1919 года в Петрограде из-за отсутствия сырья и топлива закрылось 45 заводов. На грани был и Сестрорецкий завод, но пока он существовал за счёт средств, отпущенных на реэвакуацию и восстановление мастерских. Огромную роль в том, что завод продолжал работать, сыграла дешёвая электроэнергия, которую вырабатывали водяные турбины. Уже в марте 1919 года завод смог отремонтировать 11 000 винтовок.

В мае 1919 года свой первый поход на Петроград начали части генерала Юденич. Сестрорецкий завод находился в зоне военных действий, и под этим предлогом ГАУ с осени 1919 года перестало давать заводу заказы. Вновь появилась угроза закрытия завода. Тем не менее, усилиями завкома и администрации завод удалось отстоять. Однако из 1150 рабочих, насчитывавшихся на нем в январе 1919 года, было разрешено оставить 700 рабочих для производства предметов боевого снаряжения. Одновременно 300 рабочих были направлены на другие заводы, где в связи с увеличением заказов на патроны ощущалась острая нужда в специалистах.

Несмотря на то, что Сестрорецкий завод продолжал работать, он по-прежнему не был обеспечен заказами. Поэтому на заводе приняли решение попытаться самостоятельно установить связи с воинскими частями, в которых могло иметься неисправное оружие. Так, в сентябре 1919 года был получен заказ от штаба 7-й армии на ремонт 20 000 винтовок, 1000 карабинов и 50 000 котелков из жести, 2000 ведер

²³¹ ЦГА СПб Ф. 4648, Оп. 1, Д. 2, Л. 133об.

для походных кухонь, 5000 ведер для кавалерии, 20 000 кружек, 10 000 чайников и 5000 жестяных тарелок.

5 октября 1919 года был получен срочный заказ от комиссара 10-й стрелковой дивизии И. И. Лепсе²¹ на изготовление 50 ударников для пулемета «Максим». Обещая быстро его выполнить и выражая готовность всегда прийти на помощь Красной Армии, оружейники писали: «... Если потребуется, к станку встанет завком, коммунистическая ячейка завода и все сознательные пролетарии, заказ вам будет выполнен. Кроме этого, и впредь завод всегда к услугам Красной Армии».²⁵ Заказ был выполнен за пять дней вместо двух недель, предусмотренных планом. Осенью 1919 года в день завод ремонтировал до 250 винтовок.

Наступившая в конце 1919 года передышка на фронтах позволила вновь сделать попытку перепрофилировать Сестрорецкий завод на производство мирной продукции. Производственный план завода на 1920 год помимо изготовления трехлинейных винтовок, принадлежностей и запасных частей к ним и т. п., предусматривал также изготовление сверл и лекал. Заводу предстояло заниматься и восстановительными работами, ремонтом станков и различных приспособлений. Однако уже вскоре стало ясно, что возобновить производство лекал невозможно, пока ряд станков образцовой мастерской не будет возвращен из Златоуста. Не хватало и лекальщиков, так как многие из них находились на фронтах Гражданской войны, а часть старых мастеров ушла на пенсию. Все это помешало заводу выполнить программу по мирной продукции. Но полугодовая программа ремонта станков и винтовок Сестрорецким заводом была выполнена в 1920 году на 100%.

В марте 1920 года Петроградский губернский продовольственный комиссариат обратился к сестрорецким рабочим с просьбой взять на себя ремонт товарных вагонов для формируемых в Петрограде маршрутных продовольственных поездов. Коллектив завода, не имея соответствующей производственной базы, но, располагая опытными специалистами, немедленно взялся за эту работу. Необычный заказ был выполнен в срок, не снижая темпов очень важных работы по ремонту и изготовлению винтовок.

Особенно увеличилось производство их в период наступления войск барона Врангеля в Крыму и во время войны с Польшей на западе. Видимо, ситуация на заводе оставляла желать лучшего, если 18 мая 1920 года правление Сестрорецкого завода обратилось к рабочим со следующим призывом: «Товарищи! Для скорейшей ликвидации польской опасности,

²¹ И. И. Лепсе (1889–1929) – рабочий-металлист. В годы Гражданской войны комиссар 10-й и 11-й дивизий 7-й армии, защищавшей Петроград.

²⁵ ЦГАИПД Ф. 1680. Оп. 3. Д. 1. Л. 4.

несущей нам помимо угрозы порабощения и смерть от голода, необходимо напряжение всех сил не только Красной армии, а и красного тыла.

Наши товарищи умирают за нас на юге, неужели же тыл нанесёт им удар в спину увеличением разрухи? Военная промышленность, транспорт - средства победы, они в ваших руках. Вы - воины промышленной армии, используйте их для победы. Позор лентяям - они дезертиры труда. Слава честному рабочему! Держите крепче промышленное оружие; чем больше вагонов, чем больше изделий - тем скорее победа, хлеб, здоровье и счастье. Изгоняйте без пощады лодырей из своей среды - они наши враги, своей ленью они увеличивают страдания ваши и если делают это сознательно - не лучше белогвардейцев.

Честные и сознательные, помните, что ваша обязанность не только трудиться самим, но и заставлять работать других. Лозунг рабочего должен быть: „Выдержка, дисциплина и труд“.²⁶

«Сестрорецкие оружейники вместе со всем рабочим классом страны показывали образцы трудового героизма». Однако наряду с этим на заводе встречались случаи халатного отношения к работе, были и прогульщики. 31 июля 1920 года на общем собрании коллектива коммунистов было решено за каждый пропущенный по неуважительной причине рабочий день заставлять виновного отрабатывать бесплатно день на общественных работах. А в октябре на заводе была образована комиссия по борьбе с трудовым дезертирством, в которую входили представители завкома, бюро коллектива коммунистов и только что созданного отдела по рабочим вопросам. Все эти меры постепенно способствовали укреплению дисциплины, повышению производительности труда.

Шла вторая половина 1920 года. Гражданская война близилась к концу. Заказы на ремонт оружия резко сократились. К тому же изготовление винтовок в это время активно шло на Ижевском заводе, которому в свое время Сестрорецкий завод помог станками и квалифицированными кадрами, и на Ковровском. Здесь военное производство создавалось исключительно силами сестроречан. В самом же Сестроречке положение завода становилось неопределенным. Он выполнял случайные заказы - ремонтировал сельскохозяйственные машины и инвентарь, железнодорожные вагоны, иногда изготовливал приспособления и штампы для петроградских заводов, в ограниченных количествах производил детали для винтовок. Вопрос о будущем завода нужно было решать радикально.

Понимали это и сами рабочие. Под руководством мастера инструментальной мастерской И. К. Анцуса еще с октября 1920 года на заводе

²⁶ ЦГА СПб Ф. 1642, Оп. 1, Д. 352, Л. 38.

приступили к организации производства челноков для швейных машин. До революции их поставляла населению России известная фирма «Зингер», производившая швейные машины. Для изготовления челноков на заводе было приспособлено три станка и изготовлено около 15 приспособлений.

15 декабря 1920 года два первых челнока успешно прошли испытания и были представлены в Москву в Центральное правление артиллерийских заводов, которое утвердило заводу план массового изготовления челноков - 100 000 в год.

Одновременно с организацией челночного производства Центральное правление решило также восстановить на Сестрорецком заводе производство инструмента. Для этого следовало вернуть из Златоуста станки и оборудование образцовой мастерской, эвакуированные туда ещё в 1918 года. Кроме того, восстанавливалась также «сверловая» мастерская. Однако при осуществлении этой программы встретились большие трудности. Только в августе 1921 года началось восстановление образцовой мастерской, станки и имущество которой продолжали прибывать из эвакуации до конца года. Причем 40% оборудования вообще не вернулось, а многие из прибывших станков находились в очень плохом состоянии. Поэтому начать производство мерительного инструмента на заводе в 1921 году оказалось невозможно.

Производство же сверл удалось наладить. В сверловой мастерской из 57 имевшихся станков работали 26, и мастерская давала от 250 до 300 сверл в смену. Всего же из 1967 станков, имевшихся в мастерских завода, в октябре 1921 года работало всего лишь 412. Основной продукцией завода в 1921 году продолжала оставаться военная - производство запасных частей и принадлежностей к винтовкам, а также машинок для снаряжения пулеметных лент.

После окончания осенью 1922 года Гражданской войны Сестрорецкий завод продолжал поиски путей перехода к производству мирной продукции. Наряды, поступавшие из Центрального правления артиллерийских заводов, были таковы, что всё еще не позволяли ни определить точный профиль завода, ни установить постоянную номенклатуру изделий.

В докладной записке председателя правления завода, отправленной в Севзапвоенпром в июне 1922 года, указывалось, что завод может заниматься изготовлением точного мерительного инструмента и сверл, а также начать производство ножей, челноков, различных сельскохозяйственных орудий, охотничьих ружей, всяких замков и т. д.

Наконец, 19 ноября 1922 года Главное управление военной промышленности приняло постановление, определившее дальнейшую судьбу завода. «Производство ружей на заводе прекратить и оборудование передать

на другие заводы. Развить в 4-месячный срок до максимума производство: свёрл, метчиков, плашек, развёрток и мерительного инструмента, загрузив завод до возможного максимума, а также развить в 6-месячный срок производство челноков к швейным машинкам до 1000 шт. В месяц для означенного производства перебросить с петроградских заводов и Тульского оружейного имеющиеся свободные станки, оборудование и материалы. Разгрузить завод от всех работ несоответствующих квалификаций их оборудованию, как, например, вёдра, ножи, вилки, замки, штыки и перебросить изготовление их на другие заводы. Поручить Торговому отделу выяснить возможность закупки за границей углеродистой стали (около 3000 пудов в год), необходимой для производства свёрл».²⁷

Становилось ясно, что будущее завода – производство инструмента. Этому способствовал ряд причин. Еще в дореволюционные годы на заводе параллельно с изготовлением винтовок усиленно развивалось производство мерительного и режущего инструмента. Уже в 1914 году на заводе было хорошо освоено производство сверл, находивших большой сбыт на рынке. Созданная на заводе образцовая мастерская не только полностью обеспечивала потребность своего завода в точном мерительном инструменте, превосходившем по своему качеству заграничный, но и снабжала им частично Тульский и Ижевский оружейные заводы. Сестрорецкие лекальщики славились на всю страну. Для собственных нужд завод производил микрометры, штангенциркули, гладкие и резьбовые калибры, лекальные угольники и линейки. Коллектив завода имел также большой опыт в конструировании и изготовлении специальных станков для нужд ружейного и инструментального производств.

В 1923 году выпуск военной продукции на заводе заметно сократился. Коллектив завода больше внимания начинает уделять освоению различного специального инструмента для нужд петроградской промышленности. Одновременно разворачивается производство слесарно-монтажного инструмента, потребность в котором была чрезвычайно высока в связи с восстановлением многочисленных разрушенных предприятий.

Освоение новой продукции потребовало переоборудования большей части станков и изготовления новых специальных приспособлений. Большой работой стала замена отдельных операций ручного труда машинными.

7 марта 1923 года Сестрорецкому заводу по ходатайству коллектива завода было присвоено имя С. П. Воскова.²⁸ А 24 апреля 1923 года, изменилась система управления заводом. Отныне вместо коллегиального

²⁷ ЦГА СПб Ф. 1642, Оп. 5, Д. 14, Л. 1.

²⁸ Подробнее см. Курортный район. Страницы истории. Выпуск 2.

управления вводилось единоначалие. Председатель бывшего правления завода И. И. Яковлев и его заместитель Е. А. Ляус назначались управляющим завода и его заместителем соответственно.

1924 год стал переломным в развитии завода. В декабре здесь вместо многих мастерских было создано четыре производственных цеха, в которых сосредоточивалось изготовление инструмента по основным производственным специальностям завода: лекальное дело, измерительный, режущий и монтажный инструмент. Этим достигалось уменьшение штата, сокращение транспортных расходов, упрощались контроль и отчетность.

Однако такая коренная перестройка производства была связана с большими трудностями, с различными организационными неполадками. Недостаточное и несвоевременное финансирование завода ГУВПОм и Севзапвоенпромом вызывало рост задолженности завода. Завод постоянно испытывал нехватку нужного ему металла и других материалов и не мог вовремя выполнять заказы. Все это приводило к тому, что завод был убыточным предприятием. Так, в 1923/24 хозяйственном году убытки по производству невоенной продукции составили 455 937 руб. Вместе с тем происходившие в 1923/24 г. на заводе изменения сопровождались заметным оживлением производственной активности рабочих, инженерно-технических работников и служащих. С каждым днем в заводской комитет поступало все больше ценных предложений, направленных на повышение производительности труда и экономию средств.

Большую роль в движении рационализаторов и изобретателей играли производственно-экономические кружки, получившие распространение в тот период. На Сестрорецком заводе они впервые появились в октябре 1924 года. Сначала их деятельность контролировала специально созданная производственная комиссия, а 17 сентября 1926 года, кроме того, была создана техническая комиссия «для суждения о пользе того или иного предложения и целесообразности проведения их в жизнь».²⁰ В ноябре 1924 года кружки имелись уже почти при всех цехах и отделах, а весной 1925 года их преобразовали в производственные совещания. Учитывая основную задачу завода - расширение производства инструмента и снижение его себестоимости - производственные совещания искали возможность уменьшения накладных расходов и количества брака, а также улучшения качества изделий и т. п.

К 1925 году инструмент, выпускаемый Сестрорецким заводом, стал прочно завоевывать рынок. Количество рабочих на заводе к этому времени

²⁰ Сестрорецкий инструментальный завод имени Воскова. Л. 1968. С. 228.

выросло до 1760 человек. Значительно расширяется производство сверл, налаживается крупносерийный выпуск штангенциркулей различных типов, резьбовых и гладких калибров, увеличивается номенклатура монтажного инструмента. Правда по-прежнему хромала дисциплина — приходилось вести настоящую войну с прогулами, опозданиями и другими нарушениями.

В августе 1925 года управляющий заводом обратился к рабочим, служащим и всему техническому персоналу с призывом бороться за уплотнение рабочего дня, более правильное использование квалифицированной силы и умелое руководство производством.

В это время завод стал переходить на хозрасчет. Каждая мастерская получала задание по выпуску продукции в денежном выражении с включением всех предположительных затрат для его выполнения. Важная роль отводилась системе экономического поощрения руководителей цехов и отделов. Введение хозрасчета повысило уровень руководства производством, облегчило борьбу с проявлением бесхозяйственности на отдельных участках, с убыточной работой некоторых цехов и позволило успешно наращивать выпуск инструмента. Программа I квартала 1926 года по инструменту впервые была выполнена на 110%.

На заводе непрерывно велась работа по улучшению качества выпускаемой продукции. Значительный вклад в это дело внесла заводская лаборатория, которая внимательно изучала дефекты в самом производстве, главным образом в термической обработке инструментов, и способы устранения их. Под контролем лаборатории находилось также качество поступавшего на завод сырья. 26 марта 1926 года в технико-производственном отделе Севзаппромбюро прошло совещание, признавшее Сестрорецкий завод приспособленным во всех отношениях к развёртыванию на нём массового производства инструментов.

Некоторым тормозом в развитии инструментального производства являлось то, что завод по-прежнему подчинялся Государственному оружейно-пулемётному тресту, несмотря на то, что военная продукция в 1927 году составляла всего 5%. Это не позволяло заводу получать большие заказы на инструмент, тем не менее, завод постоянно расширял номенклатуру выпускаемых изделий. В 1927–1928 годах завод приобрёл 28 новых импортных станков и 23 отечественных. С других заводов поступили 86 старых станков. В этот период товарная продукция выросла на 49,5%.

В эти годы несколько тружеников Сестрорецкого завода получили звание Героя труда. Оно было установлено 27 июля 1927 года решением ЦИК и СНК СССР и присваивалось лицам, имевшим заслуги в области

Инженерно-технический персонал Сестрорецкого завода. 1930 г.

производства, научной деятельности, государственной и общественной службы, проработавшим не менее 35 лет.³⁰ 11 июня 1928 звание Героя Труда было присвоено конструктору И. К. Анцусу за ряд важных усовершенствований и изобретений. 4 февраля 1929 года это же звание присвоили двум выдающимся изобретателям Сестрорецкого завода – П. А. Кондратьеву и Н. А. Сафонову.

В 1930 году завод перешел в ведение Всесоюзного государственного инструментального треста, и с этого времени единственным видом его продукции становится инструмент, крайне необходимый отечественным заводам. Используя минимальные денежные средства, полученные в счет капиталовложений, коллектив завода продолжал перестройку производства, начатую еще в 1924–1925 годах.

Раньше изготовление инструмента на заводе основывалось на применении труда высококвалифицированных рабочих. Мерительный и режущий инструмент изготавливался без деления на операции. Как правило, рабочий более низкого разряда делал только заготовку, весь же комплекс последующей обработки выполнял один высококвалифицированный рабочий.

Переход к массовому и крупносерийному производству инструмента потребовал внести существенные технологические изменения. Здесь заводу пригодился его опыт организации массового производства трехлинейной винтовки образца 1891 года. Цеха начинают специализироваться на изготовлении определенных изделий, производится декартификация работ и широкое распространение получает расчленение труда.

³⁰ Присвоение этого звания было прекращено в связи с Указом президиума Верховного Совета СССР от 27 декабря 1938 года «Об установлении высшей степени отличия – звания Героя Социалистического труда».

ВЫПУСК УЧЕНИКОВ СЛЕСАРЕЙ УНИВЕРСАЛОВ ШКОЛЫ ФЗУ З-ДА ИМ. ВОСКОВА

апрель 1935 г.

*Выпуск слесарей-универсалов школы ФЗУ
Сестрорецкого завода. Апрель 1935 г*

С целью дальнейшего повышения производительности труда в 1930 году на заводе создается заготовительный цех, где сосредоточили централизованную разрезку металла на заготовки. Вводится в строй также цех гальванопокрытий, где осваивается процесс хромирования, которое имеет огромное значение при изготовлении мерительного инструмента.

В 1931–1932 годах почти все производство инструмента на заводе, в том числе и мерительного, ставится на технологический «прямоток» с использованием, как правило, рабочих низких разрядов. Старые квалифицированные кадры при этом переходят на работу в качестве мастеров, наладчиков, приемщиков и инструкторов.

Оснащение рабочих мест специальными приспособлениями и модернизация действующего станочного парка позволили коллективу завода без дополнительных капиталовложений широко использовать имеющееся универсальное оборудование на массовом производстве инструмента.

В годы первой пятилетки³¹ завод освоил десять новых видов продукции, что позволило сократить импорт инструмента более чем на 4 золотых рублией.

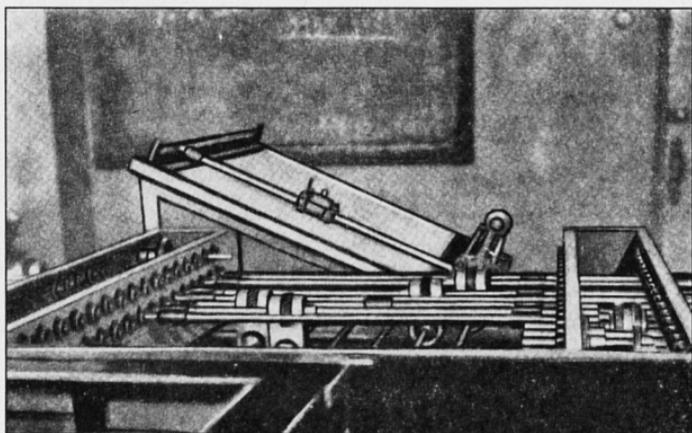
³¹ Первый пятилетний план развития народного хозяйства был рассчитан на 1928/29–1932/33 гг.

*Работники завода на занятиях
в Сестрорецкой школе для взрослых. 1937 г.*

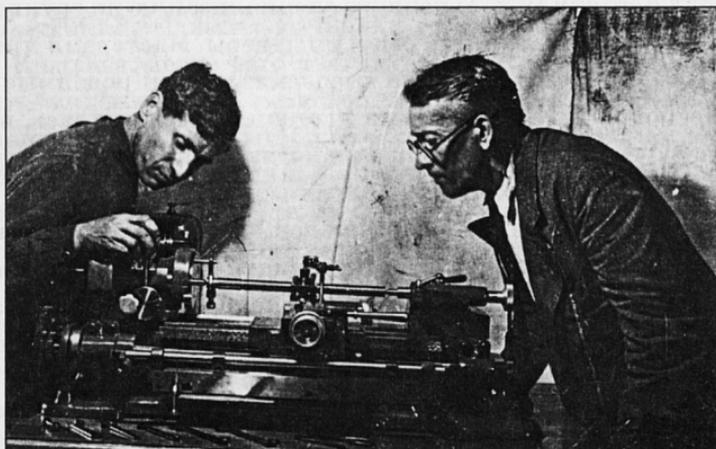
1930-е годы прошли под знаком модернизации производства. Только в 1935 году на завод поступило отечественных и импортных станков на общую сумму в 367 000 руб. Новые станки предназначались главным образом для нового, станкостроительного цеха и цеха пневматических патронов.

Завод рос и расширялся. В годы второй пятилетки созданы литейный цех, новая заводская лаборатория, сооружены новая мощная водоочистная станция и трансформаторная подстанция. Была реконструирована водопроводная сеть и начато строительство нового термического цеха.

*Машина
для интегрирования дифференциальных уравнений, изготовленная Сестрорецким заводом по заказу АН СССР*

*Один
из заводских
рациона-
лизаторов
А.Д. Кошелев*

Однако завод по-прежнему испытывал большой недостаток рабочей силы. Несмотря на все попытки решить эту проблему, быстрый рост производства опережал темпы подготовки квалифицированных специалистов.

Главным источником пополнения рабочей силы была школа фабрично-заводского ученичества (ФЗУ), основанная еще в 1921 году. Школа готовила слесарей-лекальщиков, токарей-лекальщиков, токарей-инструментальщиков, кузнецов и фрезеровщиков. В 1927 году школа получила новое оборудование кабинетов и мастерских. Обучение в ней продолжалось два года. На первом году обучения учащиеся осваивали программные работы по слесарному, кузнечному, фрезерному и токарному делу, на втором

«Кадры решают все». 1932 г.

году проходили дальнейшую специализацию по группам. Преподавали в школе опытные педагоги и инженеры. Мастерами производственного обучения были кадровые высококвалифицированные рабочие завода. Несмотря на то, что школа постоянно расширялась, и увеличивалось число ее выпускников, она не могла удовлетворить потребности цехов в квалифицированных рабочих.

Значительная часть рабочих повышала свою квалификацию на различных курсах, или обучалась индивидуально на рабочих местах с помощью прикрепленных специалистов. В ноябре 1931 года при заводе открылся вечерний инструментальный техникум. Многие бывшие учащиеся ФЗУ продолжили в нем свое техническое образование.

Бурный рост промышленности в стране вызвал огромный приток на производство новых рабочих, особенно женщин и молодежи. Их надо было в кратчайшие сроки обучить производственным специальностям. В 1932 года Совет Труда и Оборона принял постановление «О введении обязательного техминимума». Только в 1932/33 учебном году 510 рабочих успешно окончили обучение в кружках техминимума 1-й очереди, и перешли в кружки 2-й очереди. В 1935 году для рабочих, изучавших техминимум, был ведён государственный экзамен. На заводе им. Воскова госэкзамен сдали 1845 человек

В 1934 году Сестрорецкий завод открыл новую страницу в истории технического развития страны. По заданию правительства специалисты завода начали освоение производства особо точных токарных станков для нарезания винтов высшей точности с допуском всего 5 микрон. В тот период такие станки, называемые прецизионными, выпускала только швейцарская фирма СИПП. В экспериментальном цехе завода началось изготовление первых образцов станков. Одновременно группа инженеров приступила к разработке технического проекта станкостроительного цеха. Два первых прецизионных станка ПТВ-3 были готовы к сентябрю 1934 года, а к концу года было изготовлено 14 станков.

В 1935 году вступил в строй станкостроительный цех. В это время завод перешел в ведение Главинструмента Народного Комиссариата станкостроения СССР и на 2-й Всесоюзной выставке станков станки Сестрорецкого завода ФК-2 и ПТВ-5 (улучшенный вариант ПТВ-3) получили высокую оценку.

Важным этапом в развитии завода и станкостроительной промышленности стало выполнение важного заказа Академии наук - машины для интегрирования дифференциальных уравнений. Подобные машины тогда были только в США и в Англии. В 1939 году машина была изготовлена экспериментальным цехом, которым руководил

В. Г. Самарин. Принимала машину комиссии под председательством академика А. Н. Крылова, после чего машину установили в Энергетическом институте Академии наук, высвободив 40 квалифицированных счётных работников. В ту докомпьютерную эпоху это было высочайшим достижением. На первой Сестрорецкой городской партконференции в 1938 году директор завода отмечал, что «эта машина значительно сокращает умственный труд высококвалифицированного математика. Например, для одного расчета пропеллера нужно было 400 человеко-дней умственного высококвалифицированного труда. Сейчас эту работу машина сокращает в 40 раз... Такая машина была изготовлена нами».³²

В первые годы третьей пятилетки на Сестрорецком заводе продолжалась модернизация оборудования, так как следовало значительно увеличить производство инструмента, в частности пневматического и электрического.

Однако завод в этот период испытывал немало проблем в своей производственной деятельности. В 1938 году Главное управление станкоинструментальной промышленности решило переориентировать завод на выполнение в основном индивидуальных заказов. Утвержденная на 1938 год программа предусматривала рост индивидуальных заказов по сравнению с 1937 годом почти в три раза, причем большая часть заказов состояла из мелких партий от трёх до 15 изделий. Для завода, оборудованного мощными станками и приспособлениями, рассчитанными на выполнение установившейся номенклатуры нормализованного инструмента, эта задача была очень трудной.

Значительно осложняли работу завода также перебои в обеспечении энергией и инструментальными сталями, ассортимент применения которых резко возрос. Не могли не отразиться на производственной деятельности завода и частая смена руководства, необоснованные репрессии против старых коммунистов и видных специалистов-инструментальщиков - ведь на дворе был 1937 год...

В 1939 году на работе завода сказалась разразившаяся Советско-финляндская война. Перебои с электроэнергией, вызвавшие в конце 1939 году остановку работы большинства цехов, продолжались и в первом квартале 1940 года, парализовав всю производственную деятельность завода. Наступившие в январе 1940 года необычные для Ленинградской области морозы, достигавшие 40°, значительно ухудшили положение завода, привели к быстрому уменьшению топливных запасов и вызвали многочисленные аварии водопроводных и отопительных систем завода. Для ликвидации последствий аварий были созданы специальные

³² Сестрорецкий инструментальный завод имени Воскова. Л., 1968. С. 291

ремонтные бригады, укомплектованные квалифицированными передовыми рабочими.

С апреля 1940 года после окончания «финской» войны, приведя в порядок заводское хозяйство, коллектив приступил к нормальной работе и в течение трех последующих кварталов, смог выполнить все обязательства 1939 года. Быстрые темпы развития завода привели к тому, что производство постоянно испытывало недостаток рабочей силы. Дело дошло до того, что 5 апреля 1939 года «женщины-стахановки» обратились через газету ко всем домохозяйкам Сестрорецка с призывом пополнить ряды рабочих и служащих завода, помочь своим трудом выполнению поставленных перед заводом задач.

15 апреля 1939 года «за успехи в создании и освоении новых машин, приборов и инструментов и образцовую стахановскую работу» Президиум Верховного Совета СССР наградил большую группу работников машиностроения, в том числе и лучших рабочих, инженеров и техников завода. Орденом Трудового Красного Знамени был награжден директор завода Л. Н. Худяков, медалью «За трудовую доблесть» - главный инженер завода А. В. Александров, слесарь Д. П. Глазков и потомственный рабочий П. П. Савинов, 66 лет проработавший на заводе (при его активном участии была изготовлена интегральная машина и ряд других сложных изделий). Начальники цехов А. А. Васильев и В. И. Петров были удостоены медали «За трудовое отличие».

В 1940 году общий объем валовой продукции по сравнению с 1933 годом увеличился в 2,5 раза. Во много раз расширился ассортимент изделий. Завод не только сам создавал новые машины, станки и инструмент, осваивал новые технологические процессы, но и щедро делился своим опытом с другими предприятиями страны.

Наступил 1941 год. План завода предусматривал приrost выпуска валовой продукции на 27%. 17 июня 1941 года в Сестрорецке широко отмечали 220-летие завода. На праздник приехали и знаменитые изобретатели стрелкового оружия Ф. В. Токарев и В. А. Дектярёв, ранее работавшие на Сестрорецком заводе.

Через четыре дня началась Великая Отечественная война. Она потребовала в кратчайший срок перестроить всю промышленность на военный лад. По решению Государственного комитета обороны предприятия, находящиеся в прифронтовых полосах, должны были эвакуироваться в глубокий тыл, в Красноярск и Новосибирск, часть жителей Сестрорецка эвакуировали в Самару.

14 июля 1941 года начался демонтаж оборудования на Сестрорецком заводе. Работы проводились в тяжелых условиях прифронтового города.

Однако ни обстрелы, ни бомбежки не помешали выполнить их в точно установленные сроки. Днем и ночью, не зная отдыха, сестрорецкие рабочие грузили оборудование на платформы. Один за другим отправлялись эшелоны на восток. И через три месяца эвакуированные цеха начали действовать.

В это трудное время оставшаяся в Сестрорецке часть коллектива завода выполнила первые фронтные заказы на сошки для пулемета ДТ, которые давали возможность использовать его в полевых условиях, а также заказы на переделку воздушных пулеметов ПВ-1³¹ в наземные. За июль – август 1941 года было испытано и сдано 1200 сошек и 350 пулеметов.

В середине августа на завод доставили отдельные детали, из которых нужно было собрать винтовки. Этой работой занималась специально созданная бригада. Руководимая опытными, высококвалифицированными рабочими, бригада за несколько дней собрала 1000 винтовок. В этом же месяце из разрозненных стволов и ствольных коробок было собрано еще 1100 винтовок.

А заказы продолжали поступать... Близость фронта превратила завод по существу во фронтную. Он выполнял самые разнообразные работы для расположенных вблизи него частей Красной Армии: текущий ремонт ручных пулеметов, легких орудий, изготовление и ремонт машинок для набивки пулеметных лент, ремонт автотранспорта. Кроме этого, завод продолжал выпускать контрольно-мерительный инструмент, необходимый для производства оружия и снарядов.

Ушедших на фронт мужчин с первых дней войны заменили женщины. Они работали и на штамповке деталей, на резке металла, у токарных, слесарных и фрезерных станков, выполняли лекальные и кузнечные работы. На заводе получило широкое распространение совмещение профессий. Слесари одновременно работали и шлифовальщиками, и фрезеровщиками, и токарями; кладовщики – красильщиками и т. д. Это экономило время и позволяло при ограниченном числе рабочих выполнять большой объем работ.

8 августа 1941 года заводу поручили организовать выпуск нового оружия – пистолета-пулемета системы В. А. Дегтярева (ППД).³¹ Три опытных

³¹ Авиационная версия знаменитого «Максима». Использовались на вооружении потребителей И-15бис.

³¹ О В. А. Дегтяреве см. «История Сестрорецка и его окрестностей» т. 3, С. 34. Первый пистолет-пулемёт В. А. Дегтярёва ППД-34 был принят на вооружение в 1935 году, вскоре появилась усовершенствованная модель ППД 34/38, но в 1939 году их производство прекратилось. После советско-финляндской войны пистолеты-пулемёты снова были приняты на вооружение. В 1940 году В. А. Дегтярёв разработал новый пистолет-пулемёт – ППД-40, серийное изготовление которых было налажено на Сестрорецком заводе.

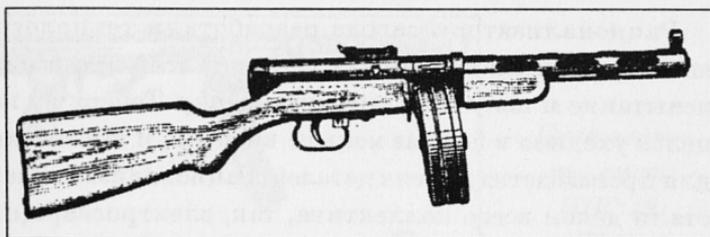
ППД-40 проходят последнюю проверку в цеху Сестрорецкого завода

экземпляра требовалось изготовить в кратчайший срок. Выполнение этого сложного задания поручили рабочим станкостроительного цеха. На разработку технологии производства и изготовление чертежей не было времени. И руководство цеха приняло смелое, но в данной ситуации единственно правильное решение: разобрать полученный образец на детали, раздать их рабочим и по ним начать изготовление частей оружия. «Ни на один час никто не покидал завода – отдыхали здесь же в цехе». Дело подходило к концу, скоро должна была начаться сборка автоматов. Но не было лож, и никто из оставшихся на заводе рабочих не умел их делать. Узнав об этом, один из старых оружейников пенсионер В. О. Викман, пришел на завод, и с его помощью ложки были изготовлены. Уже 19 августа были закончены сборка и отстрел образцов ППД. Оружие, изготовленное Сестрорецком заводе, получило высокую оценку Военного совета фронта.

Условия работы с каждым днем осложнялись. Враг постоянно обстреливал завод, появились первые жертвы. Оставшуюся часть завода было решено перевести в Ленинград. Под минометным огнем рабочие грузили оборудование и другие материальные ценности, которые были затем по железной дороге и автомашинами доставлены в Ленинград и размещены на территории заводов «Красный инструментальщик» и «Электроаппарат». Прошло несколько дней, и на фронт стала снова

*Пистолет-пулемет
ППД-40
системы*

В.А. Дехтярева

поступать боевая продукция, изготовленная сестрорецкими рабочими. Правда, на заводе «Электроаппарат» катастрофически не хватало электроэнергии. Поэтому сестрорецкое оборудование так и не ввели в строй, а в мае-сентябре 1942 года эвакуировали в тыл.

8 сентября 1941 года вокруг Ленинграда сомкнулось кольцо вражеской блокады. Перестали поступать сырье, топливо, продовольствие. Враг пытался прорваться в город. Передний край обороны города проходил в его черте. Гитлеровцы обрушивали ливень артиллерийских снарядов и тысячи фугасных и зажигательных бомб на жилые дома, больницы и промышленные предприятия. Бывали дни, когда обстрелы продолжались целый день с 15-30-минутными перерывами.

На Сестрорецк, как и на Ленинград, надвигался новый враг - голод. Ещё 18 июля 1941 года была установлена нормированная продажа основных продуктов питания. В сентябре 1941 года стали сокращаться нормы выдачи продуктов по карточкам. 20 ноября 1941 года была установлена самая низкая норма - 250 грамм суррогатного хлеба рабочему и 125 грамм служащему и иждивенцу. Никаких других продуктов население почти не получало.

Городу не хватало топлива. В ноябре прекратилось отапливание цехов от центральных котельных. Печи-временки не могли обогреть большие заводские помещения. И в этих тяжелых условиях завод начал серийный выпуск ППД. Пришлось преодолеть значительные трудности: не было ни практического опыта, ни необходимой для серийного производства технической документации. Группа технологов и инженеров-конструкторов из пяти человек, которой руководил потомственный оружейник А.В. Александров, в короткий срок спроектировала и разработала все операции технологического процесса производства автоматов. Завод работал круглосуточно. Большинство рабочих даже ночевало в цехах.

Работать становилось все труднее и труднее. Были случаи, когда голодные люди умирали прямо у станков. Их заменяли товарищи - истощенные, голодные, шатающиеся от усталости и слабости. И завод продолжал работать. Производственные задания не только выполнялись, но и перевыполнялись.

Рационализаторы завода разработали технологию производства нового упрощенного прицела. Оружие с этим прицелом успешно прошло испытание и получило высокую оценку. Теперь на изготовление прицелов уходило в 5-6 раз меньше времени, и высвободился ряд станков для производства других деталей. Рационализация и изобретательство стали делом всего коллектива, так, электросварщик Н.Н. Широков в момент, когда не оказалось ацетиленового газа, быстро освоил сам и научил еще двух товарищей дуговой сварке. Это обеспечило бесперебойную подачу деталей на дальнейшие операции. Конструктор М.Ф. Юносов в максимально короткий срок разработал ряд сложных конструкций вырубных и гибочных штампов, что значительно повысило производительность на обработке отдельных деталей.

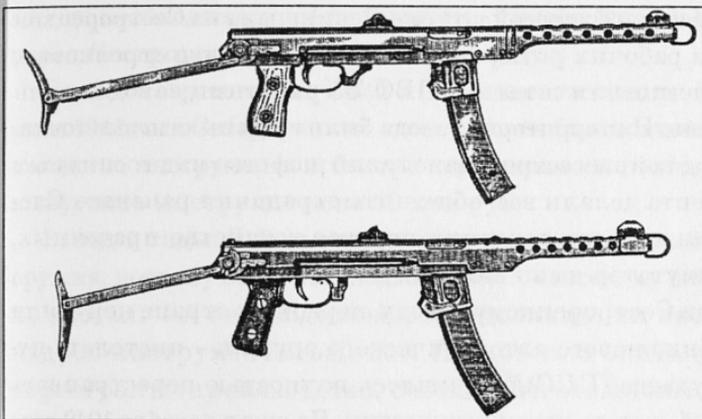
В результате к 25 декабря 1941 года было изготовлено и передано Ленинградскому фронту 4150 pistols-пулеметов Дегтярева.

Четыре года спустя на встрече с тружениками завода маршал Советского Союза Л.А. Говоров, в годы войны командовавший Ленинградским фронтом, говорил, что это оружие, полученное фронтом в самую трудную для Ленинграда пору, было дороже сотен тысяч автоматов, полученных Красной Армией позднее, когда она уже была обеспечена всеми видами оружия.

12 января 1942 года был опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении большой группы рабочих и инженерно-технических работников ленинградских предприятий орденами и медалями «за успешное выполнение задания правительства по освоению и производству вооружения и боеприпасов, повышающих боевую мощь Красной Армии». Среди награжденных было 18 работников Сестрорецкого завода.

Коллектив завода оказывал помощь фронту не только оружием, но и активно участвовал в создании народного фонда обороны страны. До конца войны они ежемесячно отчисляли в фонд обороны свой дневной заработок, сдавали свои сбережения, облигации, собирали лом цветных металлов. Только в 1941 году в фонд обороны было собрано облигаций всех займов на сумму 110 430 руб. и 458 кг цветных металлов.

В январе 1942 года, несмотря на героические усилия ленинградцев сохранить отопительные, водопроводные и канализационные системы не удалось: они замерзли. С 1 января прекратилась подача электроэнергии заводу, и он встал. «Но завод живой, пока бьется сердце и действуют руки сестрорецкого рабочего», - писал в своих воспоминаниях один из участников событий тех дней А.А. Чернышев. Восковцы не хотели мириться с вынужденным бездействием. Из имеющегося запаса изготовленных деталей они продолжали выпуск ППД. «А когда этот запас

*Пистолет-пулемет
ППС-42
и ППС-43
системы
А. И. Судаева*

истощился, стали изготавливать их, приводя в движение станки вручную. При тусклом свете копилки, в холоде, от которого стыли смазочные масла в трущихся частях станков, почти молча, потому что каждое произнесенное слово требовало усилий, крутили люди приводные ремни станков. Самые выносливые выдерживали не больше 3 минут. Но уставших сменяли отдохнувшие, и работа продолжалась. Бывало, что заказ с фронта приходил ночью. И тогда люди, едва успевшие здесь же в цехе прилечь отдохнуть, вставали, качаясь от усталости, шли к станкам, и к утру заказ уже был выполнен».³⁵

Когда узнали, что в мастерских Ленэнерго работает движок, изнуренные голодом старший мастер П. И. Васильев, слесарь-сборщик Ф. Я. Коновалов и фрезеровщица Е. А. Кириллова по заснеженным улицам, под артиллерийским огнем стали возить туда на санках детали. Там их обрабатывали и привозили обратно на завод.

Тяжелейшая зима 1941/42 годов подходила к концу, и часть оборудования вернули в Сестрорецк. Необходимо было срочно решать вопрос о кадрах. К моменту пуска завода целый ряд участков оказался совершенно не обеспеченным рабочей силой. На некоторых из них вместо 35-40 человек осталось по 5-8. Стали набирать новых рабочих. Это были в основном женщины, зачастую бывшие домохозяйки, служащие и подростки. Чтобы помочь им в короткие сроки овладеть производственными специальностями, наладили производственное обучение, закрепив всех новичков за опытными производственниками. Так, токари В. М. Зарубин и В. Н. Широков в короткий срок обучили токарному мастерству две бригады по восемь человек, и вскоре норма их выработки доходила до 120%. В мае производственное обучение проходили 218 человек, из них 119 в том же месяце стали выполнять плановые задания.

³⁵ Сестрорецкий инструментальный завод им. Воскова. Л. 1968. С. 350.

Летом 1942 года в связи с угрозой штурма Ленинграда на Сестрорецком заводе создали три рабочих роты, одну автоматную и две стрелковые, полностью укомплектовали штаты МПВО. 35 работниц завода сдали нормы сандружинниц. На территории завода были созданы огневые точки.

Ещё в первый год войны сестроречане взяли шефство над госпиталем № 2009 и того момента делали всё, облегчить страдания раненых. Слесари-ремонтники завода восстановили паровое хозяйство прачечных смонтировали коммутатор на 20 номеров.

Осенью 1942 года Сестрорецкому заводу, первому в стране поручили освоить изготовление нового автоматического оружия - пистолета-пулемёта системы Судаева (ППС).³⁶ Пришлось полностью перестраивать производство, разрабатывать новую технологию. Но уже в декабре 1942 года первые образцы были представлены Л. А. Говорову. Получив одобрение, рабочие сестрорецкого завода приступили к массовому производству автоматов Судаева. При этом была налажена поточная сборка автоматов, разработанная старшим мастером Н. Н. Кабановым, слесарями Ф. Я. Коноваловым, В. Н. Шавыкиным и В. А. Матвеевым. Когда поточная линия была пущена, оказалось, что на сборку одного автомата затрачивается в два раза меньше времени, чем предполагалось. При этом новая система сборки позволяла использовать неквалифицированных рабочих - женщин, подростков, не имевших специальной подготовки.

27 января 1944 года прозвучали долгожданные слова: «Блокада Ленинграда снята!». Теперь, когда враг был отброшен от Ленинграда, наконец, появились возможности наиболее полно использовать его промышленный потенциал. 29 марта 1944 года Государственный комитет обороны принял постановление «О первоочередных мероприятиях по восстановлению промышленности и городского хозяйства Ленинграда в 1944 г.», причем среди отраслей промышленности, требующих первоочередного восстановления, было и станкостроение. Для претворения в жизнь этого постановления Советское правительство, несмотря на трудности военного времени, выделило в 1944 году 790 млн руб.

Восстанавливающаяся ленинградская промышленность испытывала острую нехватку инструмента. Полностью обеспечить предприятия

³⁶ Алексей Иванович Судаев родился в городе Алатырь Симбирской губернии. После службы в армии поступил в Горьковский индустриальный институт, отсюда перешёл в артиллерийскую академию им. Дзержинского и здесь создаёт свой первый пистолет. В 1942 г. потребовалась замена надёжному автомату ППШ, который был слишком велик для десантников, разведчиков, сапёров. Конструкция Судаева оказалась лучшей. При весе 3 кг его длина составляла 820 мм (у ППШ почти 1 метр). В блокадном Ленинграде изготовили всего 46 572 единицы, но и такое количество имело большое значение. А. И. Судаев скоропостижно скончался в 1944 г.

города необходимым инструментом – такова была задача, поставленная перед Сестрорецким заводом в 1944 году.

Согласно решению ГКО и Наркомата станкостроения с 1 февраля 1944 года Сестрорецкий завод должен был полностью перейти на производство инструмента и, быстро наращивая мощности, к январю 1945 года выпустить инструмента на 30 млн руб.

Завод в годы войны строго специализировался на выпуске деталей оружия, поэтому он не был подготовлен к массовому выпуску инструмента: не хватало ни необходимого оборудования, ни квалифицированных кадров инструментальщиков. Предстояло опять коренным образом перестроить производство, освоить изготовление новых видов инструментов, переобучить почти весь коллектив завода специальностям инструментальщиков, требующим высокой квалификации.

Массовое производство инструмента началось не 1 февраля 1944 года, а через полтора месяца, 15 апреля, еще и потому, что на заводе имелся двухмесячный запас «незавершенного производства оружия».

Обучение новых рабочих стало одной из основных производственных задач. Специалисты завода Е. В. Кислицын, В. Н. Широков, В. М. Зарубин, Н. И. Паншина и другие, передавая свой опыт новичкам, успешно готовили кадры инструментальщиков.

После окончания Великой Отечественной войны началась перестройка народного хозяйства страны на мирный лад. Во время войны коммуникационные магистрали Сестрорецкого завода сильно пострадали от вражеских обстрелов. В рабочем состоянии находилась только заводская электростанция, постоянный надзор за которой во время войны осуществляла специальная группа рабочих под руководством старшего мастера С. Я. Прохорова.

В 1945 году удалось восстановить 18 679 кв. м. производственных площадей, и по решению Государственного Комитета обороны завод получил оборудование из специального фонда. Вскоре были восстановлены вспомогательные службы: котельная № 2, водоочистная станция, пожарное депо и др.

Постепенно рос коллектив. В начале 1945 года на заводе было всего 145 человек, к концу года уже свыше 300. В декабре 1945 года Сестрорецкий завод выпустил первую партию мелких сверл в количестве 8000 штук.

Восстановление цехов было главной задачей коллектива завода. Выступая на торжественном собрании, посвящённом 225-летию завода, представитель известной заводской династии Т. Г. Фирфаров говорил: «Завод наш ещё в стадии возрождения. Наш долг восстановить его как

можно быстрее. Я от имени старых производственников даю крепкое слово, что мы отдадим все наши силы на быстрейшее восстановление родного завода».³⁷

Одной из главных снова была проблема кадров. Немногие из тех, кто покинул Сестрорецк в 1941 году, смогли вернуться. Тем не менее, в 1947 году на заводе ввели ряд новых цехов и участков, а в 1948-м была проведена реконструкция некоторых цехов. В этот период завод начал выпуск твёрдосплавного инструмента.

В 1949 году государство смогло поддержать Сестрорецкий завод. На промышленное строительство было выделено 15 млн руб., передано на завод 117 станков-автоматов и полуавтоматов. Более 70 заводов страны получали с Сестрорецкого завода инструмент высокого качества.

В перестроечные годы Сестрорецкий завод прекратил свое существование. Можно ли было сохранить производство? Видимо, да. Но сейчас речь должна идти о том, чтобы сохранить то, что осталось. Сестрорецкий завод – это Памятник. Памятник людям, жившим и работавшим здесь.

³⁷ Сестрорецкий инструментальный завод имени Воскова. Л., 1968. С. 407.

О. Г. Растворова

Прапорщик Выборгской крепостной минной роты (история одной русско-финской семьи в 1880–1950-х гг.)

Мой финский прадед, выборгский кузнец,
Сковал когда-то прочную цепочку.
Мы звенья в ней: он сам, и мой отец,
И я, его единственная дочка.

О. Растворова. «Поэма о моем отце»

Мой отец, Григорий Григорьевич Растворов (1888–1959), прожил в Выборге вместе с родителями и сестрой 30 лет – с рождения до 1918 года. После отделения Финляндии он оказался в России, а все другие члены семьи остались в Выборге и стали гражданами Финляндии.

В бумагах отца сохранились фотографии, сделанные в дореволюционном и довоенном Выборге, документы, в том числе послужные офицерские списки и среди них тот, где Григорий Растворов значится прапорщиком Выборгской Минной роты в годы Первой мировой войны, трудовая книжка, автобиография, факты которой подкреплены названными и другими документами. Сохранилось две почтовых открытки, адресованные отцу в Петербург-Ленинград – 1910 и 1928 года с текстом на финском языке. Надеюсь, всему этому найдется место где-нибудь в запасниках Выборгского музея.

А еще сохранились – в моей памяти – рассказы и песенки отца, в которых старинный Виипури предстал почти сказочной, какой-то особенной, папиной страной, где в лесах пела загадочная kirjava lintu – пестрая птица, а в шхерах бились под ветром паруса лодок. Моя цепкая детская память, а потом тренированная память вузовского преподавателя сохранили милые подробности отцовского детства и юности, быта выборгской русско-финской семьи среднего достатка. Думаю, что эти детали могут

*Матильда Ильинична
Растворова, моя
бабушка по отцовской
линии. 1927 г.*

жизнь, как пишет отец в автобиографии, она занималась акушерской практикой. Сохранились ее фотографии: около 1910 года и 1920-х годов, с которых на нас смотрит умное лицо молодой женщины.

Последняя фотография, попавшая к нам уже через много лет после смерти Матильды Ильиничны, сделана в 1940 году. На этом снимке, выполненном для документа, мы видим растерянную, видимо, потрясенную всем случившимся беженку, совсем уже старую для своих лет женщину.

*Григорий Лукич
Растворов, мой дед
по отцовской линии*

пояснить и дополнить фотографии и тем самым тоже быть интересными для историка и краеведа.

История этой семьи восстановлена мною по перечисленным и другим текстовым документам, фотографиям и запомнившимся рассказам.

Родители отца. Моя бабушка по отцу, Матильда Ильинична (1869–1940-е), финка, была дочерью Выборгского кузнеца. Его фамилия и соответственно девичья фамилия бабушки была, кажется Кекконен (если в каких-то Выборгских документах той поры встретится такое имя – Элиас, то есть Илья Кекконен, то это мой прадед). Должно быть, его дела шли неплохо, так как он дал дочери кое-какое образование: она окончила акушерские курсы, а до этого, естественно, должна была прouчиться и в школе. Всю

жизнь, как пишет отец в автобиографии, она занималась акушерской практикой. Сохранились ее фотографии: около 1910 года и 1920-х годов, с которых на нас смотрит умное лицо молодой женщины.

Мой дед, Григорий Лукич Растворов (ок. 1860–1924), русский, был выходцем из крестьян Повенецкого уезда Олонецкой губернии.

В 1888 году, к моменту рождения его сына Григория-младшего, моего отца, Григорий-старший был сверхсрочно-служащим (фельдфебелем) в Выборге. Позже он уже по вольному найму работал в Крепостном инженерном управлении Выборга в качестве десятника, составлял наряды, вел таблицы

*Ольга
Григорьевна
Растворова
«Старшая»
с отцом
Григорием
Лукичем
Растворовым.
Выборг. 1918 г.*

на рабочих. Сохранились его фотографии. Одна из них, парадная, сделана в ателье около 1910 г. Григорий Лукич в добротном костюме-тройке выглядит на ней весьма представительно. Эта фотография, сколько я себя помню, всегда стояла у нас в рамке на письменном столе. На обороте ее рукой отца сделана карандашная запись: «Умер 8 июля 1924 г. в 9 $\frac{1}{2}$ часов утра». Очевидно, запись была сделана сразу по получении печального известия. На другой, любительской фотографии, сделанной между 1918 и 1924 годами, дед изображен дома сидящим на диване рядом с дочерью, на нем та же самая парадная «тройка», но уже изрядно поношенная

Сестра. У Григория Лукича и Матильды Ильиничны было двое детей.

Старшей была дочь Оля, Ольга Григорьевна Растворова (я ее полная тезка, и порой мне кажется, что это я родилась в Выборге в 1886 г., а теперь проживаю вторую жизнь). Какое именно учебное заведение она закончила, я не знаю; работала она в Выборге телефонисткой или телеграфисткой.

*Ольга
Григорьевна
«Старшая»
с матерью
Матильдой
Ильиничной.
1910-е гг.*

В отличие от моего отца, который по-русски писал и изъяснялся абсолютно грамотно, она хуже знала русский язык, делала характерные для финно-говорящих ошибки при письме («на добрый память»). Мужем ее стал некто Urjo Kettunen, кажется, инженер. В 1932 году, как следует из подписи на одной из фотографий, Ольга овдовела. С тех пор она жила с матерью и вместе с нею была в 1939–1940 годах эвакуирована в центральные районы Финляндии. Сохранились ее фотографии от 4 лет до 70-летнего возраста. На первой (1900) это белоголовая испуганная девчушка в нарядном, наверно, мамиными руками связанном кружевном воротнике-колете, впервые пришедшая с двухгодовалым братом (в таком же воротнике) в модное фотоателье «M. Seifert, Wiborg Finland». Это ателье, как можно узнать, рассмотрев оборотную сторону картона, на который наклеено фото, имело почетный отзыв на «Мануфактурной выставке в Санкт-Петербурге» еще в 1870 году. На последней фотографии, сделанной в конце 1950-х годов и подаренной брату в их единственную во взрослой жизни встречу в 1959 году, это сухонькая с живым лицом женщина, выглядящая моложе своих семи десятков. На снимках 1910–1920-х годов мы видим изящную пышноволосяную молодую даму, которая и при не слишком больших достатках умела быть со вкусом одетой. Она была хорошей рукодельницей, прекрасно вязала и удивляла брата умением быстро и виртуозно заштопать на спицах его носки. Последние годы она прожила в Хельсинки, имела там крохотную, но отдельную квартирку, собственно, комнату со встроенными подобиями кухоньки и санузла. Оттуда, из Хельсинки, во время «оттепели» в составе туристской группы она приехала на три дня в Ленинград, и они с моим

*Встреча семьи через 30 лет. Слева направо:
О.Г. Растворова, З.Н. Соболева, О.Г. Растворова-
Кеттуниен, Г.Г. Растворов, Ленинград, 1959 г.*

отцом все эти три дня проговорили, мешая русские и финские слова. Ночевать же по тогдашним порядкам она должна была возвращаться в гостиницу. Ольга Григорьевна – единственный человек из родных отца, кого мне довелось увидеть. Меня, тогда почти девчонку, поразили удивительная стройность и осанка моей тети, необыкновенная живость ее речи и реакции.

Отец. Детство и юность. Григорий-младший родился 10(23) сентября 1888 года. Сам себя он в раннем детстве, когда еще не мог сказать «Гриша», называл Кика. Это имя в доме прижилось, потому что в открытке, посланной сыну в 1928 году, Матильда Ильинична называет его именно так.

Семья жила тогда на Выборгском форштадте в собственном доме. Дом, по рассказам отца, стоял на наклонной скале, поэтому одна часть его была одноэтажной, а другая имела два этажа. Где-то поблизости росли деревья дуба, это следует из того, что четырехлетний Гриша с товарищами собирали желуди. Из этих желудей и соломинок мальчишки однажды смастерили курительные трубки, набили их листьями и, спрятавшись в сарае, запалили. Беды не случилось, потому что густой дым увидел Григорий Лукич, проказникам поало. Еще из отцовских рассказов о той поре: в семье жил песик-таксик

Пикушка (от финского *rikku* – маленький), верный Гришин дружок, всюду следовавший за ним на коротких лапках и однажды угодивший в емкость, где гасилась известь, но спасенный.

В восемь лет, в 1896 году Григорий поступил в Народную школу Выборга. Так пишет отец в своей автобиографии, имея, очевидно, в виду основанную в 1862 году школу, носившую позже имя Е. Н. Гейден, потому что другие русские начальные учебные заведения, как указывает З. А. Новоселова (2000), были открыты позднее, уже в XX веке. Как раз в 1896 году школа получила новое, благоустроенное здание на углу Гоферихтской (ныне Лужской) и Царской (ныне Выборгской) улиц. В этой школе он проучился один год, после чего поступил в Выборгское

*Гриша Растворов
с компанией молодежи
Выборга. Примерно 1910 г.*

реальное училище, которое окончил в 1907 году (в другом документе отец называет 1908 год).

На фотографии брата и сестры, сделанной около 1897 года в ателье J. Indursky в Выборге, маленький Гриша красуется в суконной форме реалиста. На пряжке поясного ремня явственно читаются буквы: В. Р. У.

Сохранились еще две «реальные» фотографии. На небольшом любительском снимке изображены четверо учащихся (из подписи на обороте следует, что трое из них, в том числе Г. Растворов, ученики VI, а один - V классов). На снимке представлены также один взрослый (возможно, учитель) и ребенок. Другая фотография крупного формата - групповой снимок (1907 или 1908). В интерьере фотомастерской в разнообразных, свободных позах сидят и стоят 11 учеников выпускного класса. Григорий стоит крайний справа. Некоторые реалисты совсем взрослые, с большими усами. Десять человек (все, кроме Гриши Растворова, которому и принадлежал снимок) оставили на обороте свои подписи. Фамилии в основном русские, финских или шведских только три. Среди подписей явственно читается: А. Грацинский. Фамилия Грациных была хорошо известна в педагогической среде Выборга¹.

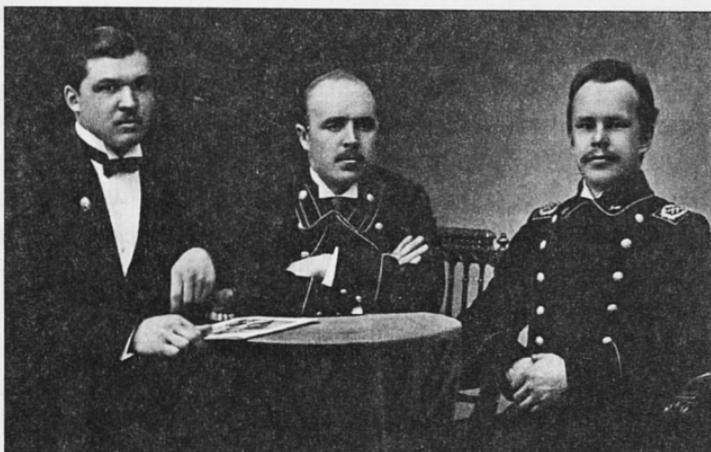
После реального училища. Лесной институт. Два года после окончания ВРУ - 1908 и 1909 - отец занимался репетиторством, чтобы, как он пишет, обеспечить себе материальную возможность поступить в вуз.

В 1910 г. он сдает конкурсные экзамены в Санкт-Петербургский императорский лесной институт (ныне Лесотехническая академия). Во время учебы он жил в Петербурге, недалеко от Института.

Почтовая карточка, присланная Грише в марте 1910 г. из финского города Торнио, адресована так: Г-ну Г.Г. Растворову, Лесной корпус, Английский проспект, д. № 18, кв. 7, С.-Петербург. Текст открытки написан по-фински очень беглым почерком много пишущего человека, адрес - по-русски с ошибками, выдающими респондента, непривычного к кириллице, подпись неразборчива, похожа на Hjalmer. Сама открытка по существу представляет собой фотографию, сделанную любителем или уличным фотографом и отпечатанную на выпускавшейся тогда «открыточной» фотобумаге с нанесенными на обороте линейками для адреса и вертикальной разделительной чертой. Сюжет снимка любопытен. Молодой человек в меховой лапландской одежде, с пристегнутым топориком, в унтах, держит в поводу понурого северного оленя, запряженного в деревянные нарты, похожие на лодку. По-видимому, финский друг отца захотел увековечить память о своей весенней

¹ Новоселова З. А. Русские учебные заведения в Выборге. XIX - начало XX в. // Страницы Выборгской истории (краеведческие записки). Выборг. 2000. С. 263-324

*Г.Г. Растворов
(в центре)
с выпускниками
Лесного
института.
1911 г.*

поездке на север (Торнио расположен в самой северной точке побережья Ботнического залива).

Домой, в Выборг, отцу удавалось наезжать, видимо, лишь на каникулы и праздники. Запомнился такой его «путевой» рассказ. Поезд из Питера в Виипури идет долго; вагон третьего класса, скучно. Перед глазами на стене покачивается унылая трехязычная надпись (по-фински, по-шведски и по-русски; за орфографию не ручаюсь, так как воспринимала на слух): «Ei la sylkja lattia - Не плевать на пол - Spotta ei rogolwet - Не плевать на пол». Это сочетание под стук колес хорошо ложится на популярный мотив из Легара, его и напевает будущий лесовод. В дальнейшем и у него, и у меня эта мелодия всегда ассоциировалась с этими словами.

Впрочем, от летних каникул для домашнего отдыха оставалось мало времени, особенно на старших курсах, когда полевая практика по лесоустройству была наиболее продолжительной. Зато эта практика позволяла заработать, ведь лишних денег в семье не было. Но когда в 1915 году Григорий закончил Лесной институт и получил диплом ученого лесовода, в семье это было воспринято как важное событие, и родители подарили ему золотые карманные часы фирмы Павла Буре, а сестра из своих заработков «телефонной барышни» заказала к этим часам довольно массивную золотую же монограмму из переплетающихся литер G и R.

Шел 1915 год – второй год Первой мировой войны. В ожидании призыва в армию Григорий не стал искать постоянной работы по специальности, а поступил временно инженером в Выборгское крепостное инженерное управление, где заведовал лесопильным хозяйством (лесопилкой, как он пишет в автобиографии).

Начало военной службы. Выборгская крепость. Как дипломированный специалист, отец имел право проходить воинскую службу на льготных

условиях, будучи вольноопределяющимся, и 1 февраля 1916 года (по старому стилю) он поступил в этом качестве в Выборгскую крепостную минную роту. Тогда же он был назначен заведующим лесозаготовками для нужд Выборгской крепости.

Сохранилась сильно выцветшая фотография, где изображены строевые занятия роты: по обеим сторонам широкой улицы или плаца, в конце которой, внизу, угадывается вода залива, выстроились шеренги солдат в форме тех лет, в пирамидах стоят составленные винтовки.

По-видимому, отец неплохо зарекомендовал себя в первые месяцы службы, поскольку в октябре того же 1916 года был откомандирован в Николаевское военно-инженерное училище в Петрограде для сдачи экзамена на чин прапорщика. Этот экзамен он сдал в декабре 1916 года, а чин получил в апреле 1917-го, то есть уже после Февральской революции. Любопытно, что высочайший приказ о производстве в прапорщики был подписан 24 февраля (по старому стилю), то есть одним из последних «высочайших приказов». В новом чине отца оставили при Минной роте, где он и служил вплоть до демобилизации, последовавшей 16 марта 1918 года.

За период службы в Выборгской крепости отец имел разные звания и занимал разные должности, самый перечень которых уже представляет интерес, поскольку раскрывает жизнь Крепости в те годы. Весь этот перечень приведен в пункте IX его первого послужного списка: «охотник» на правах вольноопределяющегося - ефрейтор - младший унтер-офицер - прапорщик - то же со старшинством - заведывающий минным классом - заведывающий солдатской лавкой - начальник минной станции - казначей и делопроизводитель роты - временно командующий ротой - адъютант роты. Отдельная запись от 25 августа 1917 года удостоверяет, что он был удостоен звания Войскового Лесовода. Кроме должностей, занимаемых по назначению, он имел и выборные должности, то есть «занимался общественной работой»: был членом ротного комитета, председателем ротного суда. Ни в каких партиях Григорий Растворов никогда не состоял, и известное доверие, которое оказали ему его товарищи, было, очевидно, следствием его личных, человеческих качеств.

Среди записей в послужном списке лишь одна помечена роковым для страны ноябрем 1917 года, который тогда, видимо, еще не сказался на жизни Крепости; это запись от 13 ноября о назначении адъютантом [командира] роты.

Прямое участие отца в военных действиях во время Первой мировой войны выразилось в том, что в составе Минной роты он устанавливал минные заграждения на подступах к Выборгу, а также минировал Финский залив от Ревеля до Свеаборга (в 1916 году). Сохранились две

фотографии небольшого судна, которое, по словам отца, было минным катером. Именно с помощью этого катера и были установлены минные заграждения. На одном из этих снимков катер снят издали, с берега; хорошо различимы фуражки старинного образца, на головах людей, стоящих на берегу и спускающих на воду шлюпку. На втором снимке полузатонувший (от полученной пробоины) катер и группа людей, стоящих в шлюпке и толкающих ее шестом, сфотографированы, по-видимому, с другой шлюпки или со льдины.

В конце этого первого (будут еще и другие, но уже не в Выборге) послужного списка, закрытого 6 апреля 1918 года, красуется синяя печать Минной роты еще дореволюционного образца с каким-то очень мирным двуглавым орлом. Документ прошнурован, а конец шнура (суровой нитки), как было положено, прикреплен к последней странице сургучной печатью. Печать со временем искрошилась, но ее фрагменты до сих пор прочно держатся на скрепляющей документ суровой нити.

Финляндия, получившая из рук Советов независимость и отделившаяся от России, в 1918 году вышла из состояния войны с Германией и Австрией. Началась демобилизация, коснувшаяся и моего отца.

За пределами Финляндии. Вскоре после демобилизации Григорий Растворов покинул Выборг и Финляндию и, как оказалось, навсегда.

Финляндия – отрезанный ломоть,
И по реке Сестре прошла граница.
Семьи единая распалась плоть,
Чтоб никогда уж не соединиться.
И лица матери, отца, сестры –
Там, в Суоми, за берегом Сестры,
А здесь, в России, только вспоминать
Он мог родных: сестру, отца и мать.

О. Растворова. «Поэма о моем отце»

Отца он больше не увидит, мать ненадолго навестит его в 1925 году, с сестрой он увидится больше чем через сорок лет за несколько месяцев до своей смерти.

Больше 20 лет – с середины 1930-х до конца 1950-х он ничего не будет знать о судьбе своих близких и почти ничего – о родном городе.

Правда, весной 1940 года, после окончания так называемой Зимней войны, но еще до введения жесткого режима посещения этого района

*Григорий Григорьевич
Растворов. 1915 г.*

Лесной авиаотряд. В центре в шлеме Г.Г. Растворов

он вместе с моей мамой на один день съездит в Выборг из Ленинграда. Найдёт могилу отца, похороненного в 1924 году, и даже, кажется, дом на Форштадте. Они с мамой побродят по пустому городу с брошенными домами; почему-то очень поразят воображение отца занавески, бьющи-

еся в раскрытых окнах. На вокзале в Выборге купят пару бутылок лимонада. Эти бутылки невиданной нами до тех пор формы: с откидывающимися на проволочных петлях герметичными фарфоровыми пробками долго проживут в нашем доме. Одна из них переживет переезд на новую квартиру и, в конце концов, попадет в музей «Ялкала» как примета карело-финского быта 1930-х годов.

Супруги Растворовы на отдыхе в д. Яхново

Как жил бывший прапорщик Выборгской крепостной минной роты после 1918 года? Он сразу же устроился на работу по своей лесной специальности, много ездил по лесам Ленинградской, Псковской, Смоленской области. Но мирная служба не раз прерывалась призывами на военную. Первый раз это было в конце

Гражданской войны: в 1921 г. ему пришлось участвовать в 14-ти боях с белогвардейцами, белополяками, белоэстонцами, форсировать Березину. Потом его как специалиста отозвали в распоряжение Наркомзема, и он вернулся больше чем на 10 лет к лесоустройству. В этот мирный период он познакомился с моей будущей мамой, тоже инженером-лесостроителем, одной из первых женщин, освоивших эту считавшуюся чисто мужской профессию. В 1925 г. они поженились, и брак их был счастливым.

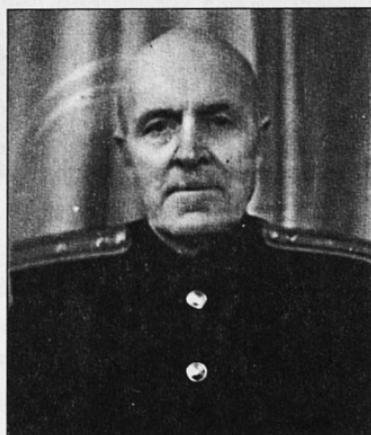
К моменту моего рождения в 1933 году отца успели еще дважды призывать на военную службу, как командира запаса. Служил он в саперных войсках, не раз проходил положенную комсоставу переподготовку и в частности получил серьезную подготовку по противохимической обороне (ПВХО). Это позволило ему после перенесенного тяжелого сердечно-сосудистого заболевания, сделавшего его инвалидом и исключившего возможность бывать в экспедициях, сменить работу. Он стал преподавателем кафедры военных дисциплин Ленинградского педиатрического института, какое-то время исполнял обязанности ее начальника, перед войной читал много популярных лекций в городе (мы с мамой каждый раз перед репродуктором ждали объявления о его очередном выступлении).

Оля с мамой Зинаидой Николаевной

Оля с отцом Г.Г. Растворовым

Г.Г. Растворов незадолго до смерти в 1956 г.

*З.Н. Соболева
на фоне дома,
где семья
Растворовых
жила с 1928
по 1985 гг., ул.
К. Маркса,
д. 4*

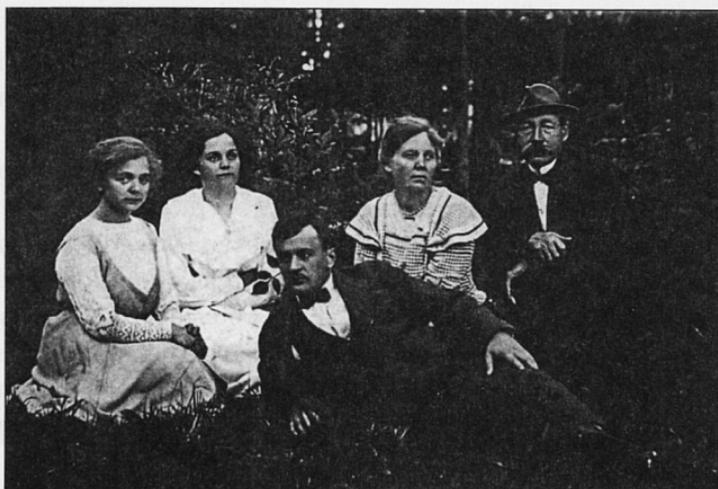

*Выпускница биолого-
почвенного факультета
Ленинградского
университета
им. А. Жданова –
О.Г. Растворова, автор
воспоминаний. Фото 1956 г.*

На этой же кафедре он встретил войну и блокаду, продолжал читать лекции по ПВХО не только по месту основной работы, но и на различных курсах (на Курсах усовершенствования медсостава и др). Приходилось ежедневно проходить пешком большие расстояния: папа подсчитал, что 17 км. Силы таяли.

Нашей семье повезло тогда: голодный обморок случился у папы не на улице, что означало бы конец (и ему, и нам: только у него была продуктовая карточка с 250 граммами хлеба, у нас же по 125), а в институте. Папу спасли тогда в госпитале в гостинице «Астория». Летом 1942 года наша семья выехала из блокадного Ленинграда, но не в эвакуацию, а в командировку (и папа, и мама – как специалисты лесного хозяйства, а я при них) и не далеко, а в тогдашние пределы Ленинградской области: городу и фронту был нужен лес, а для лесоустроительных работ – специалисты. Годились и инвалиды. Там я пошла в школу – сразу во второй класс, к пятому классу мы успели вернуться в Ленинград: война окончилась.

*Выборгские
родственники*

По лесной специальности родители работали вплоть до выхода на пенсию в 1956 году. В том же году я окончила Университет, начала работать. Умер отец в 1959 году, внезапно и мгновенно от кровоизлияния в мозг.

Жизнь других Растворовых-выборжан. В 1918 году дед, Григорий Лукич, оставил работу. Дом на Форштадте был обменен на другой дом, уже не в Выборге, а на станции Сяйнио (ныне Черкасово). Фотографии этого дома, снаружи оштукатуренного и побеленного, сохранились. На фотографии, сделанной в одной из комнат дома, виден срез окна, показывающий, что стены дома были достаточно толстыми, как если бы он был кирпичным. Вокруг дома росли большие деревья: березы и ели. Папа рассказывал, что Матильда Ильинична даже собирала у дома белые грибы. Дед вскоре после переезда заболел и лежал несколько лет, разбитый параличом. Ольга Григорьевна с родителями, видимо, не переехала в новый дом, а проживала с мужем, Урьо Кеттуненом, в Выборге. Однако на фотографиях 1918–1924 годов показаны оба поколения семьи Растворовых-Кеттунен (конечно, кроме Григория, для которого, возможно и делались снимки). Перед домом на деревянных качелях сидят Матильда Ильинична, молодая, аккуратно причесанная, в платье с пелериной, и Григорий Лукич с несколько отсутствующим выражением одутловатого, нездорового лица. Рядом стоят Ольга и еще одна молодая женщина, кажется, сестра ее мужа. Сам Урьо устроился на травке с песиком.

На других фотографиях виден двор, какой-то сарай; Матильда в домашней одежде и Ольга явно в городской стоят рядом с пестрой коровой и теленком.

В первое время переписка между выборжанами и Петроградом-Ленинградом была, видимо, регулярной. Но письма в семейном архиве не сохранились. В 1925 году уже овдовевшая к тому времени Матильда

Ильинична приезжала в Ленинград на свадьбу сына, порадовалась за него, полюбила милую невестку и оставила ей в подарок три заветных серебряных ложечки (еще из своего приданого, с вензелем из сплетенных букв М и R), одна из них хранит следы зубов того пестрого теленка с фотографии, стащившего и изжевавшего забытый кем-то во дворе блестящий предмет.

После этого визита переписка становилась все более редкой. Последнюю открытку из дома Гриша получил на свой день рождения в 1928 году (во всяком случае, в семейном архиве более поздних писем не оказалось). В этой открытке мать обращается к нему его детским именем Кика. Почта тогда работала четко, открытка пришла быстро и точно в самый день рождения. Текст написан по-фински, и я, не зная языка, могу только догадываться, о чем в ней говорится.

В 30-х годах было не принято упоминать о родственниках за границей, не говоря уже о переписке с ними. Это было тем более небезопасно, что родственники мамы тоже имели небезупречные по тем временам анкеты: ее родной брат был репрессирован и только через 20 лет реабилитирован с возвращением всех воинских званий и наград.

Много лет мой папа ничего не знал о судьбах своей матери и сестры. В конце 1950-х годов через каких-то знакомых русских, проживающих в Финляндии и приезжавших в Ленинград по туристской путевке, Ольга Григорьевна узнала, что ее брат жив и проживает по старому, еще довоенному адресу. Она сумела, несмотря на свои 72 года и более чем скромное материальное положение, приехать в Ленинград по такой же путевке. Это было в марте 1959 года. Брат и сестра общались три дня и радовались друг другу, как в детстве. Через пять месяцев он умер. Ольга Григорьевна еще успела обменяться с ним письмами. Потом она писала маме, но та по въевшейся многолетней привычке продолжала бояться, и переписка прервалась. Я инициативы не проявляла, тем более, что анкеты, которые часто приходилось по разным поводам заполнять на работе, содержали всё те же самые пункты. И я не знаю, сколько лет она еще прожила после 1959 года. Даже адреса ее я у мамы во время не спросила. А теперь прошу прощения у ее тени. Моя тетя и полная моя тетка теперь стала мне ближе, чем была в моей молодости. Теперь я органичнее ощущаю связь с нею и со всеми своими корнями.

Хотелось бы, чтобы эти строки стали не просто источником информации о частных фактах прошлого, но и уроком памяти и любви к ушедшим близким, связь между которыми прервалась не по их вине.

Ольга Григорьевна Растворова (2-я). Санкт-Петербург,

Ноябрь 2001

Р. Н. Гараева

Три судьбы Елена Сергеевна Корнеева (1902–1992)

Она несла здоровье людям,
На маленьких своих плечах.
Ю. Корнеев

Увлекательная это работа, рассматривать старинные документы. Передо мной свидетельство о рождении известного педиатра Сестрорецка с довоенных лет Корнеевой Елены Сергеевны. Из коего ясно, что Елена родилась в Санкт-Петербурге в семье артиста Императорских оркестров Сергея Васильевича Корнеева и его жены Елены Прокопьевны. Метрическая запись сделана 26 февраля 1902 года в Воскресенской Мало-Коломенской церкви. Среди свидетелей записи - люди дворянского сословия. Елена Сергеевна была единственной дочерью у родителей. Их судьба неизвестна, так как Елена Сергеевна никогда об этом не рассказывала в семье.

В 1921 году Елена Сергеевна поступает учиться в Военно-медицинскую Академию в Петрограде и заканчивает ее в 1926-м. Из сохранившегося диплома об окончании Академии видно, что курс обучения состоял из 57 предметов, начиная от общей анатомии и терапии, кончая патологоанатомией, гигиеной и научным коммунизмом. После окончания Академии ей было выдано соответствующее удостоверение.

С обратной стороны дипломного вкладыша имеется запись: «Зарегистрирована в Старо-Русском РОНО. 1926 г.».

Несколько лет Е. С. Корнеева работала в деревнях около Старой Руссы. Выезжала на вызовы и днем, и ночью, на лошади или пешком. В то время это было нормой. Перед войной стала работать в Сестрорецке, в яслях, что находились рядом с современным госпиталем на ул. Полевой. В начале войны работала в детском доме в Разливе. Жила в частном доме на углу 2-й Поперечной и 2-й Тарховской, напротив магазина.

Настоящее удостоверение выдано гражданке

Елене Сергеевне Корнеевой, родившейся 3 февраля 1902 года в г. Ленинграде, в том, что она прослушала в Военно-Медицинской Академии Р. К. К. А. полный курс медицинских наук, участвовала в установленных учебными планами практических занятиях и сдала в мае – июне месяцах 1926 года при Академии установленные Государственные испытания.

На основании вышеизложенного гражданке

*Елене Сергеевне Корнеевой предоставляется звание **врача** и, согласно постановления Народного Комиссариата по Просвещению от 1 февраля 1919 г., право **врачебной практики** на всей территории С. С. С. Р.*

Начальник Военно-Медицинской Академии

Председатель Государственной Испытательной Комиссии

Военный Комиссар Военно-Медицинской Академии Р. К. К. А.

С обратной стороны дипломного вкладыша имеется запись:

«Зарегистрирована в Старо-Русском РОНО. 1926 г.».

Из воспоминаний Т. В. Краевой, жительницы поселка Разлив.

«Мама (М. В. Комарова) во время войны работала медсестрой в яслях в Сестрорецке. Хотя все медсестры были военнообязанными и подлежали мобилизации, маму на фронт не взяли, так как у нее было двое детей. Потом Сестрорецк закрыли, и мама стала работать в яслях пос. Разлив.

Они находились в конце 2-й Тарховской улицы, затем в доме 46, по той же 2-й Тарховской ул. Мама работала вместе с доктором Еленой Сергеевной Корнеевой. Я не знаю, чем кормили детей в яслях, но что-то им давали. Мама очень похудела и стала похожа на скелет. А у меня, как сказала доктор Корнеева, началось «обратное развитие»; тела у меня уже никакого не было, еда не усваивалась. Когда собралась комиссия, она сказала: «Мария Васильевна первой потеряет дочь, а затем и сына». Именно поэтому маме вскоре разрешили уехать с нами вместе с детдомом и домом малютки, который оставили в г. Горьком». Всю жизнь Тамара Владимировна Комарова говорит всем, что своей жизнью она и ее семья обязаны доктору Елене Сергеевне Корнеевой.

Сестрорецкий детский дом был организован зимой 1941/1942 годов в Разливской школе № 7 (ныне - 434-я). Директором блокадного приюта стала бывшая директор школы Мария Александровна Александрова. Под крышей школы были собраны осиротевшие дети. Они поступали из поселков Горская, Александровская, Тарховка страшно истощенными,

ВОЕННО-МЕДИЦИНСКАЯ

АКАДЕМИЯ

Р. К. К. АРЯНИ С. С. С. Р.

УЧЕБНЫЙ ОТДЕЛ.

14-го Июня 1926 года.

№ 7500

ЛЕНИНГРАД.

Справка.

Дана сия гражданке *Елене Сергеевне Корнеевой*

в том, что она прослушала полный курс медицинских наук в **ВОЕННО-МЕДИЦИНСКОЙ АКАДЕМИИ Р. К. К. А.** и сдала испытания по следующим предметам:

Нормальной анатомии.
 Гистологии и эмбриологии.
 Физике.
 Рентгенологии.
 Неорганической химии.
 Зоологии.
 Сравнительной анатомии.
 Геологии с минералогией.
 Ботанике.
 Органической химии.
 Физиологической химии.
 Аналитической химии.
 Фармакологии и фармации.
 Физиологии.
 Методике гигиены.
 Патологической анатомии с патологической гистологией.
 Общей и экспериментальной патологии.
 Диагностики внутренних болезней с пропедевтической клиникой.
 Общей терапии внутренних болезней.
 Фармакологии и рецептуре.
 Частной патологии и терапии внутренних болезней с пропедевтической клиникой.
 Оперативной хирургии и топографической анатомии.
 Хирургической патологии и терапии с пропедевтической клиникой.
 Одонтологии.

Десмургии и механургии с ортопедической клиникой.
 Общей гигиене.
 Физической культуре.
 Военной гигиене.
 Микробиологии с эпидемиологией и учением о дезинфекции.
 Заразным болезням с клиникой.
 Акушерству и гинекологии с клиникой.
 Детским болезням с клиникой.
 Болезням уха, горла и носа с клиникой.
 Академической терапевтической клинике.
 Академической хирургической клинике.
 Военно-полевой хирургии.
 Паразитологии.
 По патолого-анатомическим вскрытиям.
 Судебной медицине и токсикологии с клиническими госпитальными отделениями.
 Нервным болезням с клиникой.
 Душевным болезням с клиникой и психифизиологии.
 Кожным и венерическим болезням с клиникой.
 Глазным болезням с клиникой.
 Госпитальной хирургической клинике.
 Госпитальной терапевтической клинике.
 Урологической клинике.
 Социальной гигиене (общий курс, история медицины, санитарное просвещение).
 Историческому материализму.
 Истории ВКП. (б)

Начальник Учебного Отдела,
Профессор

Л. Миллер

Пом. Военного Комиссара *Козлов*

Начальник Учебной Части

А. Миллер

Справка, выданная *Е. С. Корнеевой* после окончания Военно-Медицинской академии

часто умирали уже там. Врачом в нем работала Е. С. Корнеева. Как же сложилась жизнь Елены Сергеевны после отъезда Разливского детдома на Большую землю?

Из рассказа, написанного сыном Елены Сергеевны, Юрием.

«Шел 1943 год. Октябрь месяц, как и в предыдущие военные годы, был холодный и голодный. Вместе с мамой, Еленой Сергеевной, работавшей заведующей райздравотделом Дрегельского района Ленинградской области, ныне Новгородской, мы жили в рабочем поселке Неболчи, эвакуированные год назад из блокадного Ленинграда. Точнее, мама сама согласилась выехать из города в этот недавно освобожденный нашей армией район для восстановления медицинской службы среди населения.

Ноябрь месяц тоже ничем не порадовал, кроме... Вот об этом дальше и пойдет разговор. Где-то в середине последнего зимнего месяца уходящего года рано утром раздался сильный стук в дверь.

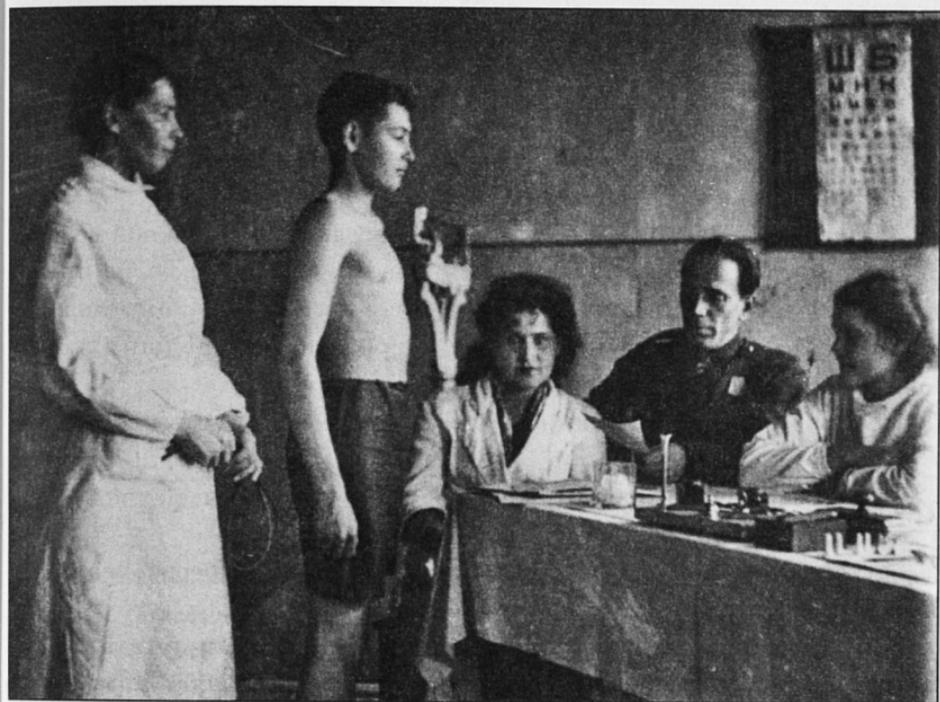
- Кто там? - раздетый, подбежав к двери, спросил я.

- Здесь проживает доктор Елена Сергеевна? - спросил из-за двери мужской голос.

- Да! - и я приоткрыл входную дверь, ведущую из холодного общего коридора в нашу кухню.

*Е. С. Корнеева
(справа)
и М. В. Комарова.
Разлив.
25 мая 1942 г.*

На призывном пункте. Октябрь 1943 г.

Дверь под сильным нажимом с той стороны моментально распахнулась и, оттеснив меня в сторону, ворвались, если точно можно применить это слово, люди: сначала мужик огромного роста с большим мешком за спиной, за ним деревенская тетка с кадушкой в руках, а затем еще двое женщин с какими-то узлами. Услышав в кухне странный шум, в накинутом на плечи халатике вышла мама. Дальше события развивались с калейдоскопической скоростью. Мужик, поставив мешок на пол и раскрыв его, показал, что в мешке лежала отборная картошка. На мой взгляд, килограммов, примерно, сорок. Тетка, вертящаяся все вокруг мамы, приподняла крышку кадушки, запустила в неё свой палец и облизав его, сказала, что медок-то сладкий – липовый. По моим подсчетам вес кадушки был, примерно, килограммов десять. Одна из женщин развернула два узла: в одном я увидел огромный кусок мяса – почти целая свиная нога, а в другом – огромный каравай, наверное, самими выпеченного хлеба.

Что было у женщин в других узлах, мне узнать так и не довелось. И вот по какой причине. Мужик в овчинном полушубке содрал с головы шапку, бросился перед мамой на колени и стал её упрашивать, не отправлять его в армию. Что, мол, у него жена и маленькие детки, на кого он их

оставит вместе с женой. А это, указал он на принесенные дары, только маленькая толика всего того, чем он отблагодарит.

Хотя я был в одном нижнем белье, но уйти от незнакомцев не было сил: разинув рот от всех этих вкусных по тому трудному времени лакомств, недоступных для нас в таких количествах, и, глотая слюнки, я смотрел то на маму, то на этого краснощекого детину.

В те далекие времена моя мама была председателем районной медицинской комиссии по отбору новобранцев в армию и, видимо, ей ничего и не стоило придумать для этого здоровяка какую-нибудь замысловатую болезнь. Но она с отвращением посмотрела на пришедших людей, на принесенные продукты и коротко бросила:

- Завтра вы будете мобилизованы в действующую армию, пойдете на фронт.

Мужик зарыдал противным сиплым басом и даже я ясно увидел, как у него из глаз полились настоящие слезы.

- А это, - мама указала на мешки, кадушку и узлы, - заберите сейчас же! Как вам не стыдно!

Все три женщины (одна молодая и две старые) запричитали, как на похоронах уже мертвого всхлипывающего здоровяка. Мама круто повернулась и ушла в комнату, позвав меня за собой. Но уходить от этих вкусных узлов все еще мне не хотелось, и я медленно стал продвигаться между непрошенными гостями.

Дальше, как по мановению волшебной палочки, все узлы вновь приняли свою первоначальную форму и исчезли вместе с людьми, принесшими их. Я плюнул им вслед, закрывая дверь, и почувствовал, как необъяснимая радость заполняет всю мою хилую и тощую фигурку самого настоящего дистрофика, то есть постоянно хотевшего есть голодного мальчика».

После войны семья Е. С. Корнеевой вернулась в Сестрорецк и жила на Морской ул., дом № 7, в одной из комнат коммунального дома. В 1960-е годы после начала стройки в новом Сестрорецке, Е. С. Корнеева получила двухкомнатную квартиру из-за тяжелой болезни единственного сына - Юрия.

Работала она педиатром в детской поликлинике на ул. Володарского, в санатории «Юный ленинградец». Часто к ней обращались за консультацией по поводу тяжело больных детей. Она никому не отказывала. Через ее руки прошли тысячи нескольких поколений сестроречан.

Вот строки из статьи, опубликованной в местной газете «Ленинградская здравница» за 1965 год, о работе детского ревматологического санатория «Юный ленинградец»:

Персонал больницы на ул. Володарского. За спиной девочки – педиатр Е. С. Корнеева. Сестрорецк. 1946 г.

«У нас немало хороших людей. Среди них можно назвать в первую очередь врача Е. С. Корнееву. Несмотря на преклонный возраст и большую загруженность кроме основной работы общественными делами, она всегда находила время поближе познакомиться с детьми, побеседовать с ними, внимательно следила за их здоровьем».

На 80-летию врача Е. С. Корнеевой были произнесены такие слова: «Сегодня кланяются ей в ноги и стар, и млад, – из поколений взрослых и нынешних детей».

За свою долгую врачебную практику Елена Сергеевна была награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», медалями «Ветеран труда», «В память 250-летия Ленинграда».

Несмотря на свою суровую юность, трудную военную зрелость Елена Сергеевна сохранила свою питерскую интеллигентность, скромность, трудолюбие и любовь к окружающим, данные ей воспитанием в родной семье. И эти принципы она привила своим детям – сыну и невестке.

Умерла Елена Сергеевна в 1992 году. Похоронена рядом с сыном на Сестрорецком кладбище за могилой С. И. Мосина.

Юрий Иосифович Корнеев (1926–1989)

Не менее знаменитым в городе Сестрорецке был и Юрий Иосифович Корнеев, сын Елены Сергеевны.

Родился он в Ленинграде 27 мая 1926 года. Перед войной учился в Разливской школе. Окончил 8 классов. В 17 лет в ноябре 1943 года добровольцем ушел на фронт. Был радистом. От четкой работы радистов напрямую зависела судьба фронтовых операций и жизнь тысяч солдат. За боевые заслуги был награжден орденом и двумя медалями «За Победу над Германией», «30 лет Советской Армии и Флота». Воевал на Ленинградском фронте, 3-м Украинском, участвовал в боевых действиях Южной группировки войск в 1945-м. После войны в звании старшего сержанта по состоянию здоровья был уволен в запас. Судьба связала его с Ленинградом, а затем с Сестрорецком.

В 1954 году Юрий Иосифович был избран Первым секретарем Райкома комсомола. Шесть лет он возглавлял комсомольскую организацию района. Принимал активное участие в подборе кадров для освоения целинных и залежных земель. За что бы не взялся Юрий, он всегда был душой коллектива. Его активность, трудолюбие, умение решать сложные проблемы были замечены руководством района, он был приглашен на работу в райком партии на должность заведующего Орготдела.

Из статьи «О нашем комсомольском лидере», опубликованной в газете Ленинградская здравница. № 131. 31 октября. 1989 года:

«Недавно наша страна отметила день рождения комсомола. Нам,

Ю. И. Корнеев. Краснодар. 1949 г.

комсомольцам старших поколений, всегда дорога эта дата. Вспоминается многое из прекрасного прошлого, вспоминаются друзья юности и особенно Юрий Иосифович Корнеев (наш Юра). В пятидесятые годы в течение шести лет он возглавлял комсомольскую организацию Сестрорецка. В 1956 году Юра предложил активу восстановить историю Сестрорецкой комсомольской организации. По его инициативе была проведена огромная поисковая работа организаторов Сестрорецкого комсомола. И многие из них встретились в мае 1956 года в заводском клубе им. Ленина.

Так началась летопись комсомола Сестрорецка, которую Юрий Иосифович продолжал до последних дней

своей жизни. Он был мостиком, связующим звеном, между прошлым и нынешним поколениями. К нему, как на огонек, тянулись все. Всю жизнь он держал связь с райкомом, с комсомольским активом, помогал молодым секретарям. Он стал одним из организаторов объединения «Эстафета поколений», хотел, чтобы обязательно был музей истории Сестрорецкого комсомола. Подбирал материал для него.

Удивительный это был человек, наш Юра! Мягкий и решительный, чуткий и принципиальный, вежливый и требовательный, он пользовался неизменным уважением и авторитетом у всех комсомольцев, друзей и старших товарищей. Он был настоящим вожаком молодежи. Ни одно интересное и нужное дело не обходилось без него. Не любил, да и не хотел он сидеть в кабинете. А дел в ту пору у секретаря было немало: целина, стройки Сибири, восстановление родного города... Краеведческие походы, вечера, встречи...

Юра всегда с нами и чуть впереди. И учиться успевал. Закончив историческое отделение ЛГУ, аспирантуру, стал преподавателем сначала в школе, потом в ЛИИЖТе и МИВТе. Отдавая много сил работе, находил время встретиться с друзьями, помочь в беде и не только словом, но и делом.

...Его душевной теплоты хватало на всех. Он самозабвенно любил людей, помнил и думал о каждом, и еще: его отличало редкое умение не только выслушать, но и слышать другого и ощущать его боль сильнее, чем свою. А ведь его боль была неизмерима! Он был очень мужественным человеком, наш Юра, борцом.

Недаром еще до войны классный руководитель, заслуженный учитель К. Н. Ишунин, называл Юру «золотым фондом». Мы никогда не видели его мрачным, хмурым... Великим оптимистом был этот Человек. Мы всегда будем помнить вечера, встречи, неизменным организатором которых был Юра.

1983 год, 65 лет комсомолу. Около ста ветеранов комсомола удалось собрать... Это, ох как непросто! А Юра это делал с удовольствием, не щадя ни физических, ни душевных сил. Идеи добра, дружбы, бескорыстия ему были присущи, как никому другому.

Бессеребренником был наш Юра, золотое, огромное сердце. Оно всегда было открыто людям, и Юра нужен был всем, как воздух. И еще его отличала терпимость. Даже когда ему было плохо (бывало, к сожалению, и такое!) он никогда не старался заострить на этом чье-то внимание, наоборот, юмор и ирония были его помощниками. Никогда он не обременял своими проблемами людей. Истинная интеллигентность отличала нашего Друга».

*Супруги
Корнеевы.
1954 г.*

...Тяжелая болезнь рано свела его в могилу. Ему было всего 63 года. Жить бы еще да жить. Вершить добрые дела. Но судьба распорядилась иначе.

Валентина Николаевна Корнеева (в девичестве Савинова)

Родилась 22 декабря 1929 года в г. Сестрорецке. Род Савиновых жил в Сестрорецке с незапамятных времен. В конце XIX века семья получила участок для строительства в Разливе на 3-й Тарховской, д. № 12. Ее отец, Савинов Николай Иванович, работал слесарем на Оружейном заводе, мама Елена Михайловна, занималась домашним хозяйством. Когда началась война, отца вместе с женой и двумя детьми эвакуировали в Новосибирск. Там в семье родился третий ребенок. Жить было очень тяжело, не хватало продуктов. Елена Михайловна умерла в 1945 году от тяжелой болезни. Юной Валентине пришлось пойти в 14 лет работать на швейную фабрику. Обучали сразу возле швейной машинки. Шили военное обмундирование.

В 1945 году семья вернулась в Сестрорецк. Как только немного подросли младшие дети, Валентина пошла работать в Сестрорецкую швейно-трикотажную артель, которая находилась на ул. Коммунаров. Позднее ее преобразовали в филиал фабрики «Весна», которая шила детские изделия. А тогда, после войны, шили нижнее белье, ватные куртки, рукавицы, рабочую одежду. Незаметно пролетели 37 лет. Таков трудовой стаж Валентины Николаевны. Лучшая швея, ударник 9-й пятилетки, депутат Ленинградского Совета депутатов трудящихся 7-го созыва 1959 года, народный заседатель Сестрорецкого и городского суда в 1970-х годов, Ветеран труда – это далеко неполный перечень наград и общественных работ Валентины Николаевны. В те времена умели

не только хорошо работать, но и интересно проводить свободное время. Валентина всегда дружила со спортом. Участвовала в соревнованиях по гребле, по лыжам, волейболу, бегала в эстафете, посвященной 9 мая, участвовала в альпинистском походе.

Но самой большой радостью и счастьем для нее была встреча с семьей Корнеевых, куда она вошла в 1954 году Валентина стала не только любящей женой Юрию, но и настоящей преданной дочерью Елене Сергеевне.

Их дом был тихой гаванью, центром тепла, доброжелательности и трогательной заботы о каждом. Каждый в этот дом вносил свое. Но самой крепкой оказалась Валентина. Она вынесла на своих плечах тяжелую 20-летнюю болезнь мужа. И каждый миг его жизни считает большим подарком для себя и его стареющей матери.

Прошло почти 20 лет со дня смерти этих дорогих для нее людей. Валентина Николаевна бережно хранит фотографии, документы, награды родных. А недавно ей подарили старый магнитофон. Теперь Валентина Николаевна может разговаривать с родными не только на кладбище, которое она посещает часто, но и слышать голос любимого мужа, записанный на одном из юбилеев друзей. Пока жива память, живы и родные. И мы, познакомившись с судьбами трех сестроречан, поучимся доброте, внимательности, честности и порядочности, чтобы «не было стыдно за прожитые годы».

Н. И. Агранова-Кононенко

«Не смейте забывать учителей!»

В 2010 году отмечалось 70-летие 6-й школы (433-й). Я была уверена, что нас, выпускников 1948 года, пригласят на празднование, но о нас просто забыли или, возможно, не осталось в школе наших документов.

Середина 1944 года, 1945-й. Возвращаемся из эвакуации. Все поступают в 6-ю школу: 7-10-е классы. Нас встречала Александра Васильевна Мошкарева - директор школы. Мы же приехали из разных мест, были, как теперь говорят, закомплексованные, диковатые, стеснительные. Александра Васильевна нашла подход к каждому: где лаской, где строгостью, чаще с юмором, но всегда с участием. Я очень скучала по своей школе в Чарской (в Казахстане), и не хотела учить уроки, «забастовала»! Александра Васильевна ненавязчиво следила за мной, беседовала, была чутка и внимательна: она знала, что я в 1942 году похоронила маму и дедушку. И понемногу процесс «оттаивания» пошел. Не последнюю роль в этом сыграли уроки географии, которые преподавала Александра Васильевна. Что это были за уроки - сказка! Увлекательно, весело мы «путешествовали» по всему миру. Как мы знали карту! «География не терпит зубрёжки», - говорила Александра Васильевна. В 1-ю школу она с нами не перешла - ее знания понадобились в педагогическом институте им. Герцена.

Осенью 1945 года я встретила у Лесной школы (бывшей 2-й) с самым дорогим человеком, Ольгой Ивановной Серковой. Может быть, не осталось ее учеников или ее забыли... да нет, такого не может быть. Забыть ее нельзя. Я ее буду помнить до последних дней жизни: то, что она сделала для меня - это бесценно! Мы оказались с нею вместе и с моей тетей в эвакуации в деревне Покровка Чарского района Семипалатинской области. Всю зиму 1942 и 1943 годов я тяжело болела, поэтому в 5-м классе не училась, а, значит, осенью 1943-го я должна была идти в 5-й класс. Уже в блокаду был пропущен год, и опять... И вот моя дорогая Ольга

Ивановна за лето вложила в мою (наверное, не совсем глупую) голову знания по всем предметам.¹ Осенью 1943-го я пришла в 6-й класс и окончила его на отлично! Это заслуга Учителя - Ольги Ивановны Серковой.

Осенью 1945 года нас оказалось слишком много в 8-м классе и его разделили, в нашем 8 «Б» были те, кто приехал в 1945-м.

Как-то к нам в класс забежала девчужка:

- А где мой папа?

- Какой папа? - спрашиваем.

- Что вы, не знаете что ли? Папа с палочкой!

Потом мы узнали, что это была Галенька Макаревская - дочь нашего любимого Федора Захаровича Макаревского. Так он и стал нашим «папой с палочкой», большим добрым Другом, прекрасным учителем литературы и русского языка. Строгий, требовательный, бесконечно любивший свои предметы, научивший нас любить русскую и мировую литературу, знать русский язык. Не забыть первое знакомство - диктант, а на следующий день - оценки. У всех новеньких - двойки. Мой диктант он похвалил. Я ожидала, что скажет «отлично», но оказалась тройка, а раньше я никогда троек не получала. С этого дня моим любимым предметом стал русский язык. Федор Захарович был нашим классным руководителем. Сколько же сил отдавал он нам! А ведь раны его болели, но он никогда не жаловался. Туристические походы (Кексгольм - Ояла - Тассури - Рауту) по местам боевой славы; музеи; театры.

Но особенно все любили драматический кружок, который он создал и отдавал этому всю душу. Ставили русскую классику: «Скупой рыцарь», «Без вины виноватые» (Кручинину играла Люся Фирфарова). А «Скупого рыцаря» до сих пор на наших встречах наизусть читает Ричард Воронин. Из советского репертуара особой любовью пользовалась пьеса Л. Малюгина «Старые друзья». Когда мы собираемся, а в 2009 г. мы встречались 61-й раз, звучат слова из этого спектакля: «Леди и джентльмены! За молодость и за мир, который в основном прекрасен, в особенности, когда он не находится в состоянии войны».

Мы пришли в Разливскую школу 1 сентября 1946 года. Нас встретил Александр Яковлевич Силин. Он был нашим директором один учебный год, но его доброту, широту души нам не забыть, тем более что мы продолжали встречаться: ведь он 30 лет проработал в 181-й школе рабочей молодежи! В нашей школе его сменил Иван Васильевич Кузнецов, тоже замечательный человек, учитель, директор, которому был дорог каждый ученик. В нашем классе учились Галя Силина и Сева Кузнецов.

¹ О.И. Серкова (1884-19??). Окончила Бакинскую Маршинскую женскую гимназию. В 1921 г. приехала в Сестрорецк к родной сестре Екатерине и осталась, проработав педагогом 56 лет. В 1949 г. награждена орденом Ленина. Прим. ред.

Свою школу мы любили, как родной дом, благодаря нашим учителям. После уроков сбегаем домой, перекусим скромной едой и опять в школу, а это три километра туда и три обратно, и до позднего вечера в школе: то читаем вслух книги по программе (книг-то было мало), то с пионерами занимаемся. В комитете комсомола я была ответственной за пионерскую работу. А лучшей пионервожатой в школе была Аня Хургина, затем она стала старшей вожатой в школе. Она одна умела играть на рояле, это было важно для всех – мы очень любили петь...

Я много работала в пионерских лагерях. Окончив 8-й класс, сразу пришла в лагерь, который находился на Ермоловском проспекте. Была такая интересная должность – помощник пионервожатого. Конечно, никаких трудовых книжек, никакой зарплаты. Помощник трудился за «кормешку», но это было большое подспорье, моя тетья была и больна и зарабатывала мало. Мне дали самых маленьких ребятшек; там я впервые встретила Ниночку Зайцеву. Это будущая Нина Алексеевна Фролова, с которой мы в общей сложности проработали 20 лет в районной библиотеке и библиотеке «Сестрорецкого Курорта». Ее брат, Володя

*8-б класс 6-й средней школы Сестрорецка. 25 апреля 1946 г.
Первый ряд слева направо: Александрова Нина, Семкина Клава,
Макаревский Федор Захарович, Матвеева Валя, Агранова
Надя, Урес Лена; второй ряд: Минина Роза, Камбарова
Валя, Николаева Ира, Пашковская Тамара, Якишина Ира,
Кочерегин Коля, Пастернак Лева; третий ряд: Калинина
Роза, Фирфарова Люда, Михайлова Нина, Иванова Зина*

Зайцев, был моей «правой рукой», уже тогда, в 14 лет он был безотказным и дисциплинированным: сходить в библиотеку, принести книги, съездить в Ленинград за фильмами. Видно было, что растёт «настоящий мужчина». В лагере я работала одну смену. Потом перешла в Городской пионерлагерь, начальником которого была Услугина Александра Петровна, вожатыми работали Нина Федоровна, Аня Жукова, Зинаида Сергеевна Малкова, Фаина Георгиевна, а мы трое – Люба Гомберг, Люся Чирикова и я были их помощниками. После окончания 9-го класса я работала в пионерлагере ЛенВО (на ул. Лиственной). Вот такая у меня была практика, позднее я поступила на филфак Университета, хотела быть педагогом, но стала библиотекарем, о чем никогда не пожалела.

Я бы никогда не осмелилась поступать в Университет, если бы не Федор Захарович: он был уверен, что я поступлю. Как же он нас всех хорошо знал, а был-то старше нас только на десять лет! Сколько же времени он на нас тратил, но и мы, бывало, занимались с его дочкой, часто приходили

35-летие встречи одноклассников 434-й школы. Выпуск 1948 г.

Первый ряд. Леня Фомичев, Лева Пастернак, Ричард Воронин; второй ряд: Галя Лукосьяк, Зина Иванова, Надя Агранова, Лена Урес, Тамара Ипатовна, Люся Фирфарова, Тата Семёнова; третий ряд: Ира Якшина, Ксана Лебедева, Федор Захарович Макаревский. Снимал Сева Кузнецов

к ним домой. А наш Ричард Воронин написал стихи по случаю 35-летия окончания школы. На этой встрече был и Федор Захарович.

А когда мы отмечали 60-летие Федора Захаровича в его гостеприимной квартире в доме «на курьих ножках» (нас было много из разных классов), мы пели ему песню:

*Промчались зимы с веснами,
Давно мы стали взрослыми,
Немолодыми стали мы давно,
А он нам юным кажется,
Наш вечный «папа с палочкой...»*

*Промчатся зимы с веснами,
Уж впереди станут взрослыми,
Своих детей они посадят в класс,
Но пусть живет то вечное -
Простое, человеческое,
Чему когда-то Вы учили нас!*

Да, доброму, человеческому учили нас все наши Учителя. Константин Никитович Ишунин - его доброте не было предела! А юморист непревзойденный! Пожурит нерадивого ученика так, что на душе становится тепло: «Ах, чтоб ты ... жив был!». Он вел свои уроки так, что сразу можно было выходить к доске и пересказывать. Я уже вспоминала, что у меня был период, когда я «бастовала», но он ко всем находил подход; нашел и ко мне. Дал задание, сказав, что знает мой интерес к физике. Я не могла и не посмела его подвести. А когда я выполнила задание и провела урок, он сказал: «Вот это не Соколовское, не Ишунинское, а Аграновское!». И звал он меня «Аграница», и через много лет, когда он был уже на пенсии, гуляя по нашему парку, у моря, он обязательно приходил попить чайку к «Агранице». Нашей семье он сделал много доброго: если бы не он и не Юрий Иосифович Корнеев - не жить бы нашей семье в Сестрорецке.

А какие были уроки по астрономии! Мы приходили к нему домой и пока на чердаке «путешествовали» во вселенной, смотря в телескоп, собранный, конечно руками Константина Никитовича, Зоя Алексеевна Иссадская, его жена и тоже замечательный учитель начальных классов, готовила нам незатейливый ужин - чай с лепешечками. Мы чувствовали себя у этих славных и милых людей, как дома. 31 мая 1976 года отмечалось 80-летие Константина Никитовича. Кто-то из молодых учителей сказал,

1935 г. 5-й класс Разливской школы.

В центре - три учителя труда (слесарного и токарного дела).

Учили даже девочек. В верхнем ряду, четвертый справа - любимец всей школы - учитель физкультуры Ячменев Константин Александрович, заводила всех интересных дел в школе. Организовал драматический кружок. О нем был снят документальный фильм. На войну он пошел добровольцем, получил очень тяжелые ранения и исчез. Его - калеку - нашла на острове Валаам одна из учениц. Но Константин Александрович попросил, чтобы о нем не рассказывали в Сестрорецке, он хотел остаться для своих любимых учеников молодым и красивым

что не ощущает душевной близости с учениками. На это наш учитель ответил: «Надо быть с детьми всегда вместе. Вы отмечаете праздники, например, сначала детям, потом себе. А мы все праздники праздновали вместе». Это так и было. Вот и выпускники 7-го класса 1941 года Н. Бобриков, В. Васильев, Ю. Корнеев, А. Копылова, В. Синицина, Н. Филатов, Е. Чуприна, Н. Ширкина, В. Шаунова писали: «... Везде был с нами: в туристических походах, в дни праздников и школьных вечеров, на возведении противотанковых укреплений на окраинах

Сестрорецка в трудные дни осени 1941 года».² В любое время мы могли придти к своему Учителю, теперь уже в дом на Приморском шоссе, а не только 31 мая – в день его рождения.

Когда мы провожали Учителя в последний путь, пошел сильный дождь, и Тата Семенова вмиг написала такие строчки:

*Заплакало небо большими слезами,
Когда мы тебя предавали земле;
Ушел ты из жизни, но жизни не предал:
Ты предан был людям, а люди тебе.
Пусть будет пухом земля Сестрорецка,
И сосны о будущем пусть говорят...
Такие кристаллы, как ты, очень редки.
И образ Твой в памяти будет нам Свят!*

В 1945 году вернулась из эвакуации Елена Александровна Кинкман. В Блокаду она работала в детском доме в Разливе, там же работала и Зоя Алексеевна Иссадская, и Екатерина Григорьевна Кондрашина. В этом детдоме жила моя подруга, Нина Сергеева. Меня тоже звали туда, но моя тетя была против (вместе с ней мы прошли все тяготы блокады, эвакуировались в Казахстан). Елена Александровна пришла в наш класс во втором полугодии. Ее встретили настороженно: до этого времени геометрию и алгебру у нас вел наш любимый Константин Никитович. Сначала новая учительница показалась нам излишне строгой, но вскоре мы поняли, что она просто очень требовательная и хочет, чтобы мы хорошо усвоили ее предметы. Половина нашего класса поступила в технические ВУЗы. И это, конечно, во многом заслуга строгого педагога.

23 января 1985 году наш класс отмечал 80-летие Елены Александровны. Собрались мы в ресторане, который пронижно назывался «В последний путь». Была стужа, но нам было тепло, уютно и весело: мы пели, читали стихи, танцевали и вспоминали наши чудесные школьные годы, наш «класс способных лентяев», так нас называли в школе. Вспомнили, как наш «академик», Лева Пастернак, «преподал» урок Елене Александровне. Как-то она вызвала его к доске: «Лева, реши задачу по шаблону». А Лева ей в ответ: «Простите, Елена Александровна, я задачи по шаблону не решаю!». Меня попросили рассказать о нашем «конфликте», если можно этот эпизод так назвать. За первое полугодие Константин Никитович нам с Колей Кочерегиным поставил пятерки (это было в 8-м классе), а Елена Александровна по каким-то своим причинам обе последние

² «Ленинградская здравница». 01. 06. 1976.

четверти ставила нам четверки, и сказала Коле, что, если он сдаст экзамен на пять, то годовая - будет тоже пять. «А мне?» - спросила я. «А тебе еще посмотрим», - пошутила Елена Александровна. Когда мы сдали экзамен, вышла Елена Александровна и сказала: «Молодцы, порадовали меня, все хорошо отвечали, но лучше всех Агранова». Годовую оценку я получила - пять. Для нас, шестнадцатилетних, это было очень важно. Справедливость была основной чертой нашей учительницы. Мы подружались на всю жизнь. Следующий юбилей мы справляли в 434-й школе. Из нашего класса нас, к сожалению, было только четверо. Тата Семенова написала поздравление:

*Уважаемая Елена Александровна!
Из математики усвойте
Пять действий, что давали нам:
Сложите годы, **вычтите** печали,
Свое здоровье **умножайте** вновь,
Но главное - из жизни **извлекайте**
Любовь и преданность своих учеников.
Делите радости, а результат уж есть:
Кто свято трудится -
Тому почет и честь!*

Мы с Еленой Александровной вместе работали в «Сестрорецком Курорте»: я - библиотекарем, а она - санитаркой в зубном кабинете, потому что не могла без работы. Мы часто встречались и с теплотой вспоминали школу, друзей, учителей.

Раиса Михайловна Чернецова преподавала химию; Екатерина Григорьевна Кондрашина - биологию; Нина Петровна Кузьмина - наш завуч, скромные, внимательные и доброжелательные люди. Евгений Михайлович Братиславич вел у нас в 9-м классе уроки географии, а Алексей Нилович Иванов, бывший морской офицер, - историю.

Совершенно уникальным человеком и преподавателем была Мария Михайловна Васюкова. Что говорить, к немецкому языку мы относились прохладно, но она знала и самозабвенно любила свой предмет. На первом же ее уроке мы поняли, что наши знания - никакие. Она с каждым из нас «познакомилась»... В конце урока дала задание тем, кто учился у нее в 7-м классе в 1944 году, а новеньким сказала с иронией: «А всем отличникам выучить азы!». Разве это забудешь? Мария Михайловна была единственной учительницей, которая могла даже накричать на нас, но, как ни странно, мы никогда на нее не обижались. Вероятно, уже тогда

понимали, что она дает нам настоящие знания. При сдаче экзамена в 8-м классе нам давали текст, который надо было прочесть и перевести. Так было во всех школах, только не у нас. Мы должны были пересказать немецкий текст. На экзамене многие из нас получили пятерки. Из нашего 10-го класса в 1948 году четыре девочки поступили на факультеты иностранных языков: Нина Александрова (Костина) в Пединститут, Галя Лукосяк, Зина Иванова (Спектор). Кстати, Зинаида Ивановна - доцент, до сих пор преподает немецкий язык в Сельскохозяйственной Академии. Хочется вспомнить и ее маму, Антонину Ивановну Иванову, и Василия Михайловича Фомичева, папу нашего Лени - бессменного старосты, который не пропустил ни одной нашей классной встречи. Это были учителя «Лесной» школы.

Будучи заведующей читальным залом Районной библиотеки в 60-е годы, я подружилась с коллективом Педагогического училища. Самую большую помощь в проведении массовых мероприятий мне оказывали литератор Зоя Александровна Родионова и Юлия Георгиевна Илларионова, которая была завучем.

А еще мне хочется вспомнить Галину Павловну Стебикову, которая учила нашего сына, Светочку Фролову и нашу внучку Лидочку Малышеву. Отличным была Учителем!

Бронислав Викторович Лукосяк, историк и директор школы в Александровской, с ним я дружила всю жизнь с 1945 года.

И никогда я не забывала о своей самой первой учительнице, Марии Ивановне (фамилии ее я, к сожалению, не помню). Она учила нас с 1-го по 4-й класс и была больше, чем учитель, порою заменяла родителей, которые трудились с утра до вечера. Их мы видели в выходной день, который тогда был в неделю единственный. Это было в Белоострове, и школа наша называлась: начальная № 14.

Каждый учитель - это целый мир, кладезь мудрости; у каждого свой характер, но у всех наших учителей было одно общее - они любили нас, своих учеников.

*Не смейте забывать Учителей
Пусть будет жизнь достойна их усилий.
Учителями славится Россия...*

А. Дементьев

Е. В. Евдокимов

Сестрорецк Михаила Кузмина

Из всех пригородов Петербурга Сестрорецк в творчестве Михаила Алексеевича Кузмина (1872–1936) занимает особое место. И связано это, в первую очередь, с его воспоминаниями о юности, о месяцах, проведенных на берегу Финского залива. В автобиографическом очерке (своеобразном предисловии к дневнику), названном прихотливо по-французски “*Histoire edificante de mes commencements*”¹ Кузмин писал: «По летам мы жили в Сестрорецке, который тогда был диким местечком и казался моему воображению Грецией»².

В поисках вдохновения учащийся консерватории Миша Кузмин часто приходил на Финский залив, любясь морскими пейзажами. Здесь побережье описывает многокилометровую плавную дугу от мыса со старинным парком «Дубки» до полуострова Инониеми. Вдали за Ржавой канавой, по которой проходила граница с автономной Финляндией, виднелась популярная дачная местность Терийоки, а чуть дальше вглубь перешейка, на возвышенности – Райвола.

Сохранились письма Кузмина 1892–1894 годов, которые он во время летнего отдыха отправлял из Сестрорецка своему другу Георгию Чичерину (будущему наркому иностранных дел). Кузмин рассказывал в них о прогулках по побережью, об особенностях дачной жизни, о том, как бродячие артисты мешают ему заниматься музыкой.

«Признаюсь тебе, что если бы не посторонние обстоятельства, я не легко бы оторвался от партитуры, чтобы писать сегодня тебе ответ. <...> А посторонние обстоятельства те, что приехали странствующие акробаты и теперь началась уже их музыка: арии из Доницетти с турецким

¹ «Поучительная история моих начинаний» (франц.).

² М. Кузмин. *Histoire edificante de mes commencements* / Публ. и коммент. С. В. Шумихина // Михаил Кузмин и русская культура XX века. Тезисы и материалы конференции 15–17 мая 1990 г. Л., 1990. С. 149.

М.А. Кузмин. Фото 1890 г.

*Е.А. Левинсон.
Автопортрет. 1923 г.*

барабаном. Потом где-то по соседству какая-то раузанне³ поет двадцатый раз визгливым голосом с бесконечными фиоритурами:

*“Как на Охте на Большой
Три копейки вакса.
Жил старик с своей женой,
А старуха - плакса...”
и т. п.*

Совсем не удобно для писания партитур⁴.

В 1892 году Кузмин поселился на даче в Сестрорецке рано, в середине мая. Он написал Чичерину 19 мая: «Я покуда не скучаю, хотя никого решительно нет, и холода»⁵. Через месяц, 14 июня он сообщал другу: «Сестрорецк оживился; все дачи заняты; „гимназисты и барышни встречаются и раскланиваются“»⁶. Внешний вид печального молодого человека с большими глазами, надо полагать, не оставил равнодушными соседских барышень: «У меня есть две очень интересные поклонницы, которые постоянно кладут букеты на мое окно. Я не знаю, относятся ли эти букеты к моей музыке, или к моему виду, но так ак > к < ак > я очень скромн как музыкант, то принимаю их прямо к себе»⁷.

В начале 1890-х годов Сестрорецк не пользовался особой популярностью среди отдыхающих, поскольку не была еще построена железная дорога вдоль

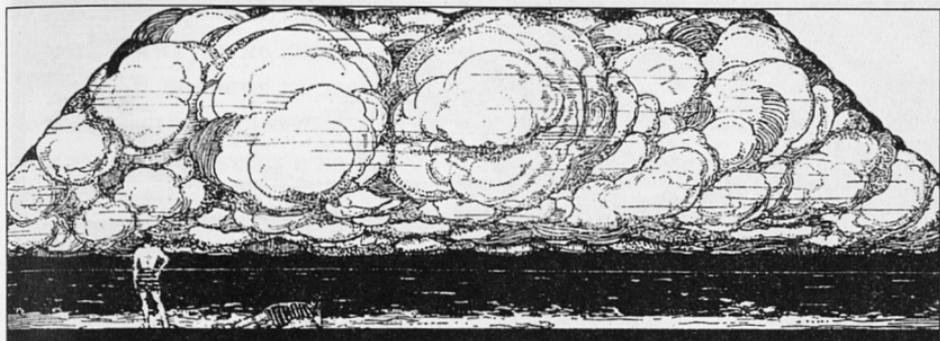
³ Крестьянка (франц.).

⁴ ОР РНБ Ф. 1030. Ф. 19. Л. 12-12 об. (письмо от 29 июня 1893 г.)

⁵ Там же, Ед. хр. 18. Л. 30.

⁶ Там же, Л. 34 об.

⁷ Там же, Л. 41 об.

*Виньетка без названия. Размещена перед
«Вступлением» («Произнести свое названье...»)*

побережья. Дачники ехали на поезде от Финлянского вокзала до Белоострова, а там более состоятельные нанимали извозчика, остальные несколько верст шли до Сестрорецка пешком. В письме от 21 мая 1893 года Кузмин рассказывал другу о том, как, прибыв на вечернем поезде, в сумерках преодолел этот путь: «Никто меня не ограбил. Только странно и страшно; знаешь, когда заря потухнет, а луна не взойдет, то дорога, какая-то длинная-длинная и белесоватая, будто огромный мертвец; а все болото, и река, и поле наполнено массой криков: все болотные птицы; когда пролетает стая птиц, то слышен шум, и их самих не видно. Но в общем – очень приятно, очень»⁸.

Михаил Кузмин жил в Петербурге на 9-й линии Васильевского острова. Поблизости у набережной напротив 11-й линии находилась пристань Финляндского легкого пароходства⁹, откуда небольшие суда совершали регулярные рейсы до Финляндского вокзала. Не случайно герои во многом автобиографичной повести Кузмина «Крылья» возвращаются после осмотра дач (выбор колебался между Терийоками и Сестрорецком) «в закрытой каюте финляндского пароходика»¹⁰.

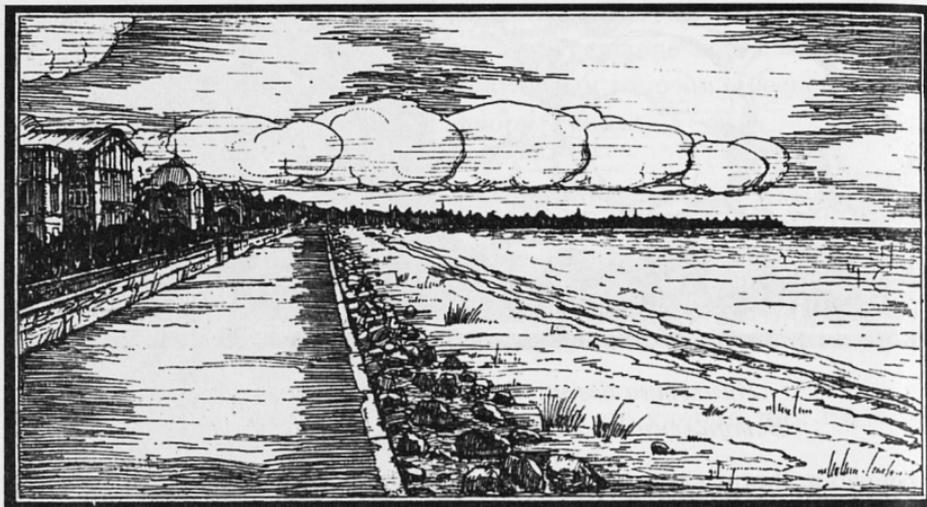
К началу XX века Сестрорецк преобразился. Проложенная железная дорога и возникший на побережье залива курорт привлекали сюда сотни отдыхающих.

Сестрорецкий курорт был устроен по образцу лучших европейских аналогов. Здесь предлагались самые современные в ту пору методы лечения. В сторону моря был обращен главный фасад курзала, в котором находился великолепный концертный зал. Вдоль побережья тянулась

⁸ Там же, Ед. хр. 19. Л. 7-7 об.

⁹ О деятельности Акционерного общества Финляндского легкого пароходства см. альманах «Цитадель» № 17. С.177-207. Прим. ред.

¹⁰ М. А. Кузмин. Крылья. Повесть в трех частях // Весы. Ежемесячник искусств и литературы. – 1906. № 11. С. 8, 19.

*«На пляже». Соответствует строфе II
(«Здесь тихо... Море дремлет плоско...»)*

гранитная эспланада. Освещаемая электрическими фонарями набережная, протяженностью более 600 метров, стала традиционным местом летних прогулок.

На эспланаде в 1899 году был открыт памятник Петру I. Установить авторство скульптуры исследователям пока не удалось.¹¹ Известно лишь, что фигура Петра I в образе саардамского плотника была представлена в 1882 году на Всероссийской промышленно-художественной выставке в Москве. Памятник погиб во время катастрофического наводнения 1924 года. Вероятно, он был сделан из хрупкого сплава цинка - шпиатра; вода подмыла основание монумента, скульптура упала и раскололась¹².

Петербуржцы полюбили чистый песчаный пляж курорта. Летом на берегу в ожидании купальщиков стояли небольшие фургончики. Купальные повозки появились в Англии в 30-е годы XVIII века¹³. В Сестрорецке они были переняты вместе с другими европейскими традициями, став неотъемлемым атрибутом пляжа. Лошадка вывозила кабинку с отдыхающими на необходимую глубину, что позволяло уберечься от посторонних взоров (хотя в те времена купальные костюмы и без того закрывали большую часть тела).

Июнь 1906 года в Петербурге выдался на редкость знойным. Горожане спешили покинуть пыльную и душную столицу. 27 июня Кузмин записал

¹¹ По одной из версий автором скульптуры является Л. А. Вернштам

¹² Сообщено Б. Е. Ривкиным.

¹³ Ф. Грей. История курортов: архитектура, общество, природа. М., 2009. С. 187.

в своем дневнике: «Страшная жара, никуда не выхожу <...> В четверг хорошо бы съездить в Сестрорецк вместе, купаться в море, есть вишни, обедать»¹⁴. На следующий день он с друзьями укрылся дома от палящего солнца: «Было жарко <...> пили сабли и ели сладкое, горели свечи <...> Завтра собир<аюсь> в Сестрорецк»¹⁵.

Наконец, 29 июня поездка все-таки состоялась: «Была невероятная жара, особенно в вагоне <...> Посмотрев немного на детский бал, пошли на берег <...> и стали купаться в „выездных брючках“ из вывезенной лошадью кабины. Было чудное солнце и вода в море тепла и мягка, купальные костюмы дают возможность ходить на виду не одетыми и даже, сказал бы, более раз-

детыми, чем без ничего. Потом обедали. <...> Посидев и погуляв немного, опять стали купаться. Был скандал: покуда купальщики были в воде, какой-то тип обобрал все кабины, 8 часов, 10 кошельков, пиджак, палку, письма. Вещи, кажется, отправили в участок и его тоже, только господин, у которого стащили пиджак, настоял, чтобы его выдали тотчас же. Потом гуляли в лесу, пили пиво, ели мороженое и поехали весело в город»¹⁶.

И хотя от долгого пребывания на солнце у Кузмина в тот же вечер заболела голова, впечатления от этих знойных дней, о поездке в Сестрорецк и купании в заливе нашли отражение в ставшем хрестоматийным стихотворении:

*«Водокачка». Соответствует строфе IX
(«Когда, резвясь вольней, привольней...»)*

¹⁴ М. А. Кузмин. Дневник 1905–1907 / Предисл., подгот. текста и коммент. Н. А. Богомолова и С. В. Шумихина. СПб., 2000. С. 183–184.

¹⁵ Там же, С. 184.

¹⁶ Там же, С. 185.

*«За курортом». Соответствует строфе XIII
(«Дневным теплом еще нагретый...»)*

*Где слог найду, чтоб описать прогулку,
Шабли во льду, поджаренную булку
И вишен спелых сладостный агат?
Далек закат, и в море слышен гулко
Плеск тел, чей жар прохладе влаги рад¹⁷.*

Не только в поэзии, но и в прозе Кузмина нашлось место Сестрорецку. С описания сестрорецкого пляжа начинается его повесть «Шелковый дождь»: «Если бросить пригоршней воду искусно, брызги не дробятся водопадною пылью, а золотыми крупными каплями тяжелеют вниз, даже можно заметить, как книзу они пузеют, делаясь похожими на флакончики. Темнеют, когда летят мимо скудного ельника там направо, где Териоки и Райвола. Повозка стоит, как цыганская арба без лошадей, скаредно и вовсе не эллински. Небо и море стараются: синеют, теплеют, греют, и твердеет песок, который, только отбежав на три сажени, с удовольствием и злорадством сбрасывает с себя ненавистное прозвище „пляжа“, рассыпается, холмится, разваливается и засыпает открытые ботинки гуляющих дам. И тело рыхлое бело синее, не привыкши к воздуху, к движениям, скучая по диванам, материям и лампам»¹⁸.

Юношеское впечатление от сестрорецкого пляжа как побережья древней Эллады стало одной из «переходящих» тем творчества

¹⁷ М. А. Кузмин. Стихотворения / Вступ. ст., сост., подгот. текста и примечания Н. А. Богомолова. СПб., 2000. С. 59.

¹⁸ М. Кузмин. Шелковый дождь // Эпоха. Кн. 1. М., 1918. С. 99.

*«Дубки». Соответствует строфе XIV
(«Свидетели Петровой мощи...»)*

Кузмина¹⁹. В стихотворении 1921 года «Купанье» поэт волшебной параболой переносит читателя из древней Спарты на сестрорецкий пляж:

*Песок змеится плоско,
А море далеко.
Купальная повозка
Мялчит высоко.
На сереньком трико
Лиловая полоска²⁰.*

После гражданской войны хозяйство советской России постепенно восстанавливалось. Возрождались и отечественные курорты, стремясь достичь былой популярности. Официальное открытие «Сестрорецкого трудового курорта» состоялось 3 июня 1923 года в присутствии представителей Наркомздрава и почетных гостей²¹. Осенью того же года вечерний выпуск «Красной газеты» приводил восторженные слова директора санатория Льва Давидовича Грина: «В истории развития Сестрорецкого

¹⁹ Подробно об этой особенности эстетики Кузмина см. в статье: П. В. Дмитриев. «Переходящие» сюжеты у М. Кузмина. // Кузмин многогранный. Сборник статей и материалов. Bloomington, 2011. С. 165–178.

²⁰ М. А. Кузмин. Стихотворения / Вступ. ст., сост., подгот. текста и прим. Н. А. Богомолова. СПб., 2000. С. 484–485.

²¹ Красная панорама. 1923. № 1. С. 12.

курорта отныне наступила новая эра. Отныне трудящиеся Петрограда получили возможность, не ездя на юг в дорогостоящие курорты, рядом с Петроградом соединить лечение грязями с воздушным лечением»²².

В том же 1923 году была задумана серия брошюр, рекламировавших популярные некогда места отдыха. Первым изданием этой серии должен был стать альбом о Сестрорецком курорте. К Кузмину с просьбой написать для готовящегося издания стихотворный текст обратился уполномоченный Главного курортного управления Даниил Михайлович Городинский (1887-1933). Иллюстрировать альбом предложили молодому художнику Евгению Адольфовичу Левинсону (1894-1968). Впоследствии Е. А. Левинсон стал одним из крупнейших ленинградских водчих, руководил мастерской Ленпроекта. Им созданы многие замечательные здания и архитектурные ансамбли Ленинграда: Дом культуры им. Ленсовета, жилой дом Ленсовета на Карповке, вокзал в Пушкине, станция метро «Автово», мемориал Пискаревского кладбища, гостиница «Советская», Южно-Приморский парк и другие.

При встрече с художником Кузмин предложил, что будет писать текст к исполненным рисункам. Левинсон с воодушевлением взялся за работу, несколько раз приезжал в Сестрорецк. К готовым иллюстрациям поэт написал стихотворный текст. Строф оказалось даже больше, чем рисунков, и художник создал к ним еще несколько иллюстраций. В конечном итоге, каждой строфе в альбоме соответствовал рисунок (кроме «Вступления», перед которым размещалась виньетка, и «Заключения»): I - «У вокзала», II - «На пляже», III - «Курзал», IV - «Эспланада», V - «Концертный зал», VI - «Открытая эстрада», VII - «Институт физических методов лечения», VIII - «Бассейн для плавания», IX - «Водокачка», X - «Пансионат в лесу», XI - «Беседка», XII - «Морской санаторий», XIII - «За курортом», XIV - «Дубки», XV - «Развалины крепости», XVI - «Петр».

Написать вступительную статью к альбому Городинский предложил гигиенисту и бальнеологу Льву Бернардовичу Бертенсону (1850-1929). Известный в дореволюционной России врач, один из основателей отечественной курортологии, жил к тому времени в доме для престарелых ученых. Ему и предполагалось посвятить альбом. После смерти Бертенсона именно Д. М. Городинский стал автором некролога ученому²³.

Альбом «Сестрорецк - курорт» не вышел в свет. После того как заказчик из-за финансовых трудностей отказался оплатить услуги типографии, набор книги был рассыпан. Чудом сохранился лишь корректурный оттиск. Долгие годы он хранился у Е. А. Левинсона, а после смерти

²² Красная газета. Вечерний выпуск. 1923. № 263(344). 3 ноября. С. 2.

²³ Д. М. Городинский. Лев Бернардович Бертенсон // Курортно-санаторное дело. 1930. № 9. С. 59-62.

архитектора его вдовой был передан в Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга.

Впервые, насколько нам известно, три иллюстрации Левинсона в 1923 году опубликовал журнал «Петроград»²¹. Следующий раз рисунки из альбома «Сестрорецк – курорт» были представлены широкой публике на выставке, посвященной 75-летию архитектора²⁵. Вскоре в серии «Мастера архитектуры» вышла книга, посвященная Е. А. Левинсону, где воспроизводились две иллюстрации из книги («За курортом» и «Водокачка»)²⁶.

Подробно об истории создания альбома рассказала «Ленинградская правда» в 1981 году²⁷. Информацию для этой газетной публикации предоставила вдова архитектора, впоследствии написавшая о событиях 1923 года в своей мемуарной книге «О друзьях, о жизни и немного о себе»²⁸.

Стихотворный текст, озаглавленный «Поездка», впервые был опубликован в третьем томе «Собрания стихов» М. Кузмина. Издание вышло в Мюнхене в 1977 году²⁹. В Советском Союзе произведения Кузмина, за редким исключением, в те годы практически не печатались.

Петербургская газета «Хроника» в 2004 году представила статью, в которой пересказанные мемуары Е. Э. Левинсон были дополнены фрагментами поэмы из мюнхенского «Собрания стихов»³⁰. Наконец, по черновому автографу, хранящемуся в Российском государственном архиве литературы и искусства в Москве, строфы «Поездка» опубликовал Н. А. Богомолов³¹.

По корректурному оттиску текст поэмы впервые был опубликован в 2008 году журналом «Адреса Петербурга»³². К сожалению, редакция

²¹ Петроград. 1923. № 11. С. 14, 16. (Указано П. В. Дмитриевым. Пользуясь возможностью, спешу выразить Павлу Вячеславовичу свою искреннюю признательность за помощь в подготовке к публикации стихотворения).

²⁵ Евгений Адольфович Левинсон. Проекты, постройки, графика. Каталог. Л., 1971. С. 41.

²⁶ Г. А. Оль, Е. Э. Левинсон. Евгений Левинсон. Л., 1976. С. 13.

²⁷ В. Непомнящий. Альбом с рисунками // Ленинградская правда. 1981. № 148 (2019). 26 июня. С. 4. (Опубликованы иллюстрации «Беседка» и «Водокачка»).

²⁸ Е. Э. Левинсон. О друзьях, о жизни и немного о себе. СПб., 1998. С. 40–42. (Опубликованы иллюстрации «За курортом» и «Водокачка»).

²⁹ М. А. Кузмин. Собрание стихов. [Т.] III. Несобранное и неопубликованное. Приложения. Примечания. Статьи о Кузмине. München, 1977. С. 492–496.

³⁰ Н. Перевезенцева. «Кусок курзала, вечер, елки» // Хроника. – 2004. № 06. – С. 15. (Опубликованы иллюстрации «За курортом» и «Водокачка»).

³¹ М. А. Кузмин. Стихотворения. Из переписки. / Сост., подгот. текста, примеч. Н. А. Богомолова. – М., 2006. – С. 116–121.

³² Адреса Петербурга. Журнал учёта вечных ценностей. – 2008. № 29/43. – С. 96–97. (Опубликованы иллюстрации «Петр», «Развалины крепости», «Бассейн для плавания», «Концертный зал», «Курзал»).

журнала удалила предисловие к публикации, заменив его кратким вступлением, содержащим ряд неточностей. Текст корректуры с правкой (ЦГАЛИ СПб Ф. 487. Оп. 1. Ед. хр. 59), как нам представляется, наиболее близок авторской воле М. Кузмина. Более надежным источником мог бы стать беловой автограф, найти который пока не удалось. В публикуемом тексте восстановлено деление на стихотворные строки (в корректуре оно отсутствует). В примечаниях приводятся многочисленные разночтения с опубликованными ранее вариантами.

М. Кузмин

СЕСТРОРЕЦК – КУРОРТ

ВСТУПЛЕНИЕ

Произнести твоё названье...
О, Сестрорецк! И вновь, и вновь
В моей душе воспоминанья
Встают, как прошлая любовь...
И в сладкой кажется надежде,
Что не былого веет тень,
А позовет опять, как прежде,
Сегодняшний веселый день...

I

Автоматически качая,
Неспешный поезд нас повез...
Плывут в окне, как жизнь чужая,
Разлив и Лахта... Лисий Нос...
Нас память нежная связала.
Сидишь и смотришь все вперед,
Пока строение вокзала
Полета мыслей не прервет...

II

Здесь тихо... Море дремлет плоско...
Песок на пляже тверд и бел...
Вдали купальная повозка
И пена розоватых тел...
Еще пленительным пожаром
Прощально солнце не горит
И благодетельным загаром
Сухую кожу золотит...

III

Стояло некогда строенье
Во вкусе финской простоты.
Безлюдье... дюны... запустенье
Родили грустные мечты...
Кто б мог подумать, что у моря,
Вдали ветров и острых скал,
С Европою кичливой споря,
Возникнет нынешний курзал?

IV

Кому тени лесов не надо,
Тех приглашает эспланада
На свет широкий и простор.
Вдали маячит сонно лодка,
И облака белеют кротко,
Как снеговые шапки гор.
И долго, долго так стоишь,
Любуясь на морскую тишь...

V

Кого, признайтесь, не пленяло
В полуденный пустынный час
Концертное пустое зало
И позабытый контрабас?
Казалось, звуки лишь заснули
И ждут, что вспыхнет яркий свет,
И вдруг на дирижерском стуле
Возникнет странный силуэт...

VI

Здесь тоже звуки, но не те же,
И музыка совсем не та.
Площадка спорта... воздух свежий...
И жизнерадостна, проста
Мелодия дробится в шимми,
Фокстротах, маршах "nett und flott",
Дразня покой ненарушимый
Прислушивающихся вод.

VII

Слова трезвее, проще, суше
На помощь мне теперь идут:

Электрованны, термы, души -
«Лечебный», словом, «Институт».
Успокоенье и здоровье -
Необходимые условия
Для счастья и долгих лет.
Не исключенье - и поэт.

VIII

А, например, когда бассейна
Наполнится широкий круг,
Как бодро, радостно, затейно
Веселье расцветает вдруг.
Несется смех свежей рейнвейна...
Балкон... кабинки - все полно.
Искристо брызжет, как вино,
Взмятенная вода бассейна...

IX

Когда, резвясь вольней, привольней
Воображенье закипит,
Увидим старой колокольни
Готический и стройный вид.
Действительность нам не указ:
Найти Елену можно в прачке,
В Германию уносят нас
Лишь очертанья водокачки...

X

А вот лесной пансионат...
Стволы... колонны... дух сосновый...
И в тишине усталый рад
Набраться соков жизни новой...
Забуть в безмолвии лесном
Неугомонный шум столицы,
Чтоб заново увидеть лица,
Когда вернешься в прежний дом...

XI

Под крышей простенькой беседки -
Шумливость детская забав.
А с моря солодело-едкий
Несется запах мокрых трав...
А в непогоду тот навес

Заменит людям ближний лес
И сохранит свидетель скромный
Случайный взгляд, живой и томный...

XII

Спасенье нервов и истерик -
Приют на берегу морском!
Вдали чернеет Финский берег
И Райвола тупым холмом...
Как было бы и мне желанно
Следить за скошенным лучом...
Сидеть... брать солнечные ванны... -
Гулять... не думать ни о чем...

XIII

Дневным теплом еще нагретый,
Приятен для шагов песок.
Всегда одет, зимой и летом,
Все тот же тянется лесок...
А дальше... почва станет вязче...
Трава свежей... полна цветов...
Что может быть милей и слаще
Вдвоем добраться до «Дубков»?

XIV

Свидетели Петровой мощи,
Деревья заповедной рощи
Раскидисты... важны, редки,
Идут до самой до реки.
Дубки! Опять воспоминанья!
Я в детстве часто здесь живал
И дальний юг воображал
В невиданном очарованьи...

XV

Могилы русского солдата...
Развалины... вал крепостной...
Салюты синего Кронштадта...
Кустарник мелкий за рекой...
Финляндской хвои нет в помине, -
Все чернолесье, топь и Русь...
Когда-нибудь еще вернусь
К знакомой и родной картине...

XVI

Уж ночь близка. Петра фигура
Чернеет в темном небе хмуρο
И вспоминает Петроград
В спокойствии нетерпеливом:
Его каналы, перспективы
Он снова видеть был бы рад...
Но не узнал бы он народа,
Не изменилась лишь погода.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

И ночь свой полог опустила,
Как занавес, кончая акт,
Как будто жизненная сила
Порвала временный контракт. -
И закружились вдруг осколки,
Как сломанный калейдоскоп:
Кусок курзала... ветер... елки...
Какой-то локон... чей-то лоб...
И быстро ткет воспоминанья
Отрывок жизни без названья.

1923. Сентябрь

Варианты

Условные сокращения

ССт - М. А. Кузмин. Собрание стихов. [Т.] III. München, 1977. С. 492-496.

ССт прим. - Примечания к «Собранию Стихов», С. 723.

Ч - Черновой автограф строф «Поездка». Приводится по тексту, опубликованному Н. А. Богомоловым (М. А. Кузмин. Стихотворения. Из переписки. М., 2006. С. 116-121).

Вступление

4 строка Встают, как прежняя любовь. (ССт).

Елизавета Эзровна Левинсон в своей книге «О друзьях, о жизни и немного о себе...» (СПб, 1998) приводит по неизвестному нам автографу «Вступления» следующий вариант 4-й строки: «Бредут, как прошлая любовь».

I

3 Плывут в окне, как жизнь, мелькая, (Ч, ССт)

5 Не память ли в уме связала (Ч, ССт)

- 6 С вагоном взоров перелет, (Ч, ССт)
8 Немой беседы не прервет? (Ч)

В ССт приведен следующий вариант 7-й и 8-й строк:

- 7 пока до станции вокзала
8 немой кондуктор не придет.

В черновом варианте (Ч) строфы II и III идут в обратном порядке.

II

- 2 И ветерок не долетел. (Ч, ССт)
3 Вдали купальная полоска (Ч, ССт прим.)
4 И розоватых пена тел. (Ч)
4 и розовеет пена тел. (ССт)
6 в закате солнце не горит (ССт)
7 Лишь благодетельным загаром (Ч, ССт)

III

- 5 Кто б мог подумать, что за щебет (Ч, ССт)
6 Девичьих, дамских голосов (Ч, ССт)
7 И шмель басов «кредит» и «дебет» (Ч, ССт)
8 Уж пробудиться тут готов. (Ч, ССт)

IV

- 1 Проголодавшихся отрада, - (Ч, ССт)
2 Их ожидает эспланада (Ч, ССт)
2 Их приглашает эспланада, (ССт прим.)
3 И мной воспетое шабли. (Ч)
3 и пеной пышное шабли (ССт)
5 И облаков [упали] кротко (Ч)
5 и облака упали кротко (ССт)
6 В простую влагу корабли, (Ч)
6 в пустую влагу корабли, (ССт)
7 И зайчик добежал до дна (Ч, ССт)
8 В стакане белого вина. (Ч, ССт)

V

- 1 Кого, признаться, не пленяло (Ч, ССт)
1 В черновике первоначальный вариант - «Нас, признаюсь,
околдовало»
4 В корректуре: «и полузабытый контрабас?». Исправлено нами
по черновому варианту, исходя из ритмической структуры стихотворения.

- 5 Казалось, звуки [не] заснули, (Ч)
 6 А притаилися и ждут, (Ч)
 6 и притаилися, и ждут, (ССт)
 7 Не зачернеет ли < на> стуле. (Ч, ССт) Первоначальный
 вариант в черновике - «Когда на дирижерском стуле»
 8 Какой-то новый Самосуд. (Ч, ССт)

VI

- 1 Здесь те же звуки, но не те же, (Ч, ССт)
 5 Она истает в шимми, (Ч, ССт)
 6 В фокстротах, маршах “nett und flott”, (Ч, ССт)

VII

В черновом варианте (Ч) строфа выглядела так:

Электрованны, термы, души -
 «Лечебный», проще, «Институт».
 Что м < ожет> б < ыть> скучней и суше? -
 Читатели мои найдут.
 Но я бы взял без прекословья
 Столь прозаический предмет.
 Залог поэзии - здоровье,
 Ведь без здоровья счастья нет.

- 7 В корректуре: «для счастья и долгих лет». Исправлено,
 согласно стихотворному ритму.

VIII

- 8 Вода взмятенного бассейна (Ч, ССт)

IX

- 4 Готический и строгий вид (Ч)
 6 Елену видим в пер< вой> прачке, (Ч, ССт)
 7 В Германию уносит нас (Ч, ССт)
 8 Лишь очертанье водокачки (Ч, ССт)

X

- 2 Стволы-колонны, дух сосновый, (Ч, ССт)

В черновом варианте этой строфы строки 5-8 отсутствуют.

XI

- 2 Приют ребяческих забав, (Ч, ССт)
 3 А с моря подистый и едкий (Ч, ССт)

В черновом варианте строфы отсутствуют строки 5-8.

5 В корректуре: «А в непогоду вот навес». Представляется ошибкой наборщика; исправлено, исходя из особенностей идиостиля М. Кузмина.

XII

- 4 И Райвола тупым < пятном?> (Ч)
4 и Райвола простым кольцом. (ССт)
4 И Райвола тупым кольцом. (ССт прим.)
6 следить за скачущим лучом, (ССт)
7 опять брать солнечные ванны (ССт)

XIII

- 2 Уводит вдаль шаги песок (Ч)
2 уводит вдаль морской песок (ССт)
3 Всегда идет зимой и летом (Ч)
3 одет хвоей зимой и летом (ССт)
4 всегда чернеющий лесок. (ССт)

XIV

- 5 Дубки. Опять воспоминанье, (ССт)
8 В невиданном очарованье. (Ч)

XV

- 7 К знакомой и родной картине (Ч, ССт)
8 Другим стихом я отзовусь. (Ч, ССт) В черновике рядом оставлен вариант: «Другим стихом я возвращусь». Первоначальный вариант: «[В другой раз петь] я соберусь»,

Между XV и XVI строфами в черновом варианте есть еще одна строфа:

Опять сюда! Река-граница.
Вода - кроваво-бурый цвет
В высоких берегах стремится
К морям, где разделений нет.
Все равноправны, все свободны
Перед лицом стихии водной,
И нет таможен и границ
Для русских и финляндских птиц.

В ССт:

- 2 Воды кроваво-бурый цвет
6 пред той стихией перемен,

- 7 и нет таможен неугодных
8 для русских и финляндских пен.

Между XVI и заключительной строфами в черновом варианте есть еще одна строфа:

Не изменилась и луна,
Ни «он», ни вечная «она».
Осталось в прежнем все порядке;
Как будто кто ее позвал,
Луна уж кажется свой овал,
И блеск, испытанный и гладкий,
Кладёт на пенных вод черту
И на влюбленную чету.

В ССт вариант 7-й строки: «кладёт на пенных волн черту»

Заключение.

- 1 Уж ночь свой полог опустила, (Ч, ССт)
4 порвала времени контракт. (ССт)
5 И закрутились вдруг осколки, (Ч, ССт)
7 Кусок курзала, вечер, елки, (Ч, ССт)
8 К веслу склоненный низкий лоб (Ч, ССт)
9 И быстро ткет воспоминанье (Ч, ССт)
10 Рассказ без связи и названья. (Ч, ССт)

В конце черного варианта поэмы приписано четверостишие без указания строфы:

В сиреневых твоих закатах.
В мерцании стеклянных бус
У женщин. Бедных и богатых,
Свобода, легкость, верный вкус.

Е. В. Евдокимов

Фонтан «Девочка удэ с рыбой»

Всякий, кто въезжает в центр Зеленогорска по Приморскому шоссе, невольно обращает свой взор на фонтан, украшенный бронзовой скульптурой: девочка в лёгком платьице поднимает за жабры огромную рыбу, из зубастого рта рыбы высоко бьет струя воды.

Этот фонтан стал одним из неофициальных символов города. Но кто и когда его создал? И почему у бронзовой девочки монголоидные черты лица? Отсутствие доступной информации порождает немалое количество слухов и легенд (по количеству которых фонтан может соперничать лишь с памятником Раймонде Дьен). Между тем, история фонтана весьма примечательна.

После окончания Великой Отечественной войны северное побережье Финского залива вновь стало популярнейшим местом отдыха ленинградцев. Курортный район благоустраивался: асфальтировались дороги, разбивались клумбы, строились беседки. В 1947 году в Терийоках был заложен плодово-ягодный сад. Особое усердие садово-парковая контора проявляла в деле повсеместной установки скульптур. Но вскоре посыпались жалобы, что на Приморском шоссе от Солнечного до Зеленогорска перед глазами проезжающих постоянно мелькают одни и те же фигуры гипсовых физкультурников. Даже памятник Сталину, установленный в 1948 году напротив Зеленогорского парка культуры и отдыха, имел «двойника» перед главным корпусом дома отдыха «Большевик».

Постепенно пришло понимание, что неповторимость северной здравницы могут подчеркнуть лишь нетиповые проекты. Большой удачей для Зеленогорска стало то обстоятельство, что на окраине города разместился Дом отдыха архитекторов. Ленинградские зодчие специально для Курортного района проектировали беседки, павильоны, танцевальные площадки.

Регулярно приезжал в Зеленогорск на отдых архитектор Абрам Ильич Лапиров (1905–1975). Известны его графические работы: зимний пейзаж

*Скульптура «Девочка удэ с рыбой»
в Зеленогорске. Фото А.Е. Браво*

в окрестностях Зеленогорска (1953) и два рисунка с одинаковым названием «Зима. Зеленогорск», созданные в 1974 году.

В 1930-е годы Лапиров поступил на службу в архитектурно-планировочный отдел Ленсовета, где вскоре стал руководителем мастерской малых архитектурных форм. Он проектировал павильоны, парковые мосты, памятники, фонтаны. Самая яркая работа того периода (в соавторстве со скульптором М. Г. Манизером) – обелиск на месте дуэли А. С. Пушкина, установленный на Чёрной речке в 1937 году. После войны начался наиболее плодотворный период деятельности Лапирова. По его проекту были созданы интерьеры кинотеатра «Дружба», молочного кафе «Ленинград»,

табачного магазина «Гавана» на Кировском проспекте (1952–1953), построен Дом художников на Песочной набережной (1961). В те же годы он много времени уделял работе по благоустройству парков Ленинграда; совместно с архитектором Е. Н. Сандлером и скульптором Г. П. Якимовой Лапиров подготовил к публикации альбом проектов малых архитектурных форм – своеобразное руководство по благоустройству населённых пунктов. К сожалению, этот альбом так и не был издан.

Именно А. И. Лапирову принадлежит идея архитектурного облика фонтана в Зеленогорске. Автор удачно использовал естественный склон, разместив на нем три бассейна. По замыслу архитектора, водные струи наполняют верхний бассейн, и вода каскадом переливается в нижние бассейны.

Бронзовую скульптуру девочки создала Екатерина Николаевна Персидская (1903–1991). В конце 1920-х годов художнице довелось стать участницей экспедиции по Уссурийскому краю. Она наблюдала за укладом жизни коренного населения, присутствовала на первом съезде

народности уде. Удэгейцы (самоназвание – удэ, удиэ, удэхе) – малочисленный народ, проживающий в горах и предгорьях Сихотэ-Алиня, по берегам правых притоков Усури и Амура. Основными занятиями удэгейцев испокон веков были охота и рыболовство. Вернувшись в Ленинград, Персидская создала серию скульптур, посвященную этому народу.

Сильное впечатление на современников производила скульптура съёжившейся старухи-удэгейки с трубкой – символический образ старого мира.

Другая статуя – молодой девушки с раскрытой книгой в руках – олицетворяла коренные перемены, проис-

ходящие в судьбе народов Дальнего Востока. В 1940-е годы Е. Н. Персидская создала скульптуру «Девочка удэ с рыбой», бронзовая отливка с которой и стала композиционным центром фонтана в Зеленогорске.

Надо отметить, что это не единственное произведение Персидской в Курортном районе. Она является автором мемориальных досок, установленных на кассовых павильонах железнодорожных платформ Репино и Комарово.

Место, где находится фонтан «Девочка удэ с рыбой», имеет интересную «скульптурную» предысторию. Прямо над фонтаном, на верхней террасе есть небольшая площадка. Когда-то ее украшал двойной памятник – Ленину и Сталину. Скульптурное изображение вождей, мирно беседующих на скамейке в Горках, было растиражировано по всему Советскому Союзу. В Терийоках этот памятник появился в период первого советского освоения Карельского перешейка. Летом 1941 года скульптуру укрыли в земле, а после окончания Великой Отечественной войны её подняли на поверхность и, приведя в порядок, установили вновь.

*Скульптура «Девочка удэ с рыбой»
в Зеленогорске. Фото А. Е. Браво*

*Памятник
Раймонде
Дьен
в Зеленогорске.
Фото
А. Е. Браво*

Но когда именно был открыт фонтан? Большинство литературных источников указывают дату – 1955 год. Сведения восходят к сборнику «Художники Ленинграда», где размещена статья о Е. Н. Персидской. Но можно ли доверять этой статье, если даже имя скульптора в ней перепутано?

Чтобы подтвердить или опровергнуть дату, требовалось найти альтернативные источники информации. Наверняка строительство и открытие фонтана освещалось в прессе. Действительно, 15 апреля 1955 года районная газета «Ленинградская здравница» сообщала, что в Зеленогорске запланировано строительство фонтана «Девочка с рыбкай». Но более нет ни одного упоминания о фонтане в подшивке газеты за 1955 год. Быть может, событие произошло позднее? Через год, 3 июня 1956 года, «Ленинградская здравница» информировала: «... в ближайшее время будет закончено строительство фонтана „Девушка с рыбкай“». А спустя ровно два месяца та же газета опубликовала фотографию стройки на Приморском шоссе, на которой изображена бригада рабочих, укладывающих гранитные блоки чаши фонтана. Таким образом, к тому времени фонтан ещё не мог действовать. Но почему же стройка затянулась на несколько лет? Был один немаловажный факт, сдерживавший строительство объекта: водопровод в Зеленогорске заработал только 9 августа 1956 года. Правда, несколько фонтанов в городе уже функционировало, и по трубам шла вода, но до этого момента вода подавалась нефilterованной по временной схеме. Например, созданный в 1949 году фонтан «Чаша» на Приморском шоссе получал воду из артезианской скважины. Поскольку пуск подобных объектов обычно приурочивали к началу летнего сезона, в 1956 году новый фонтан в Зеленогорске так и не был открыт.

10 мая 1957 года «Ленинградская здравница» опубликовала «Социалистическое обязательство трудящихся Курортного района», в котором среди прочего давалось обещание закончить строительство фонтана на 57-м километре Приморского шоссе и ввести его в эксплуатацию к 20 июня. Неподалёку от «Девочки удэ» и сейчас можно видеть километровый столб, на котором некогда была табличка «57». Дата пуска фонтана была выбрана не случайно: во второй половине июня – начале июля 1957 года Ленинград широко отмечал 250-летие города. Зеленогорск принимал активное участие в праздновании, здесь было проведено несколько крупных мероприятий. В праздничной суматохе газеты обошли вниманием пуск нового фонтана (как и открытие памятника Раймонде Дьен), публикуя в основном полные пафоса отчеты о торжественном митинге и других официальных церемониях.

Юбилейные речи вскоре забылись, а замечательный фонтан вот уже более полувека радует и детей, и взрослых. Правда, за этот срок произошли с ним некоторые перемены: сейчас действует лишь один водомет (первоначально их было несколько), утрачены боковые чаши у основания постамента, а вода почему-то не переливается каскадом, как это задумывалось авторами, и два нижних бассейна всегда пусты.

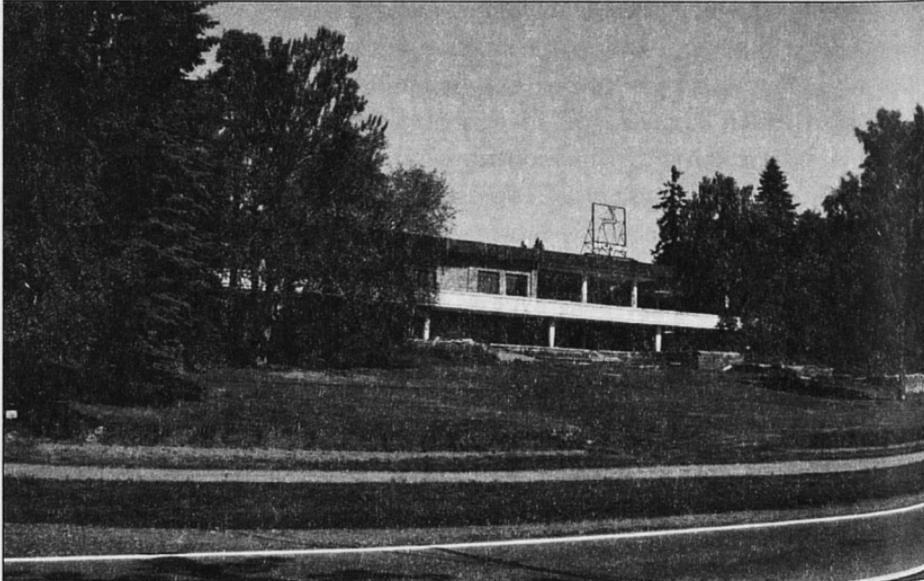
Между тем Е. Н. Персидская намеревалась завершить фонтанную композицию, установив посреди нижнего бассейна скульптуру «Мальчик удэ». Но этот замысел так и не был воплощен в жизнь, и бронзовая скульптура девочки из Приморского края по-прежнему одиноко возвышается над склоном у Приморского шоссе.

Е. В. Евдокимов

Ресторан «Олень»

Мне ещё не довелось встретить человека из тех, кто помнит ресторан «Олень» в Зеленогорске и кто бы остался равнодушным к известию о сносе этого замечательного здания. Строгое, лаконичное, лишённое и намёка на манерность, оно было истинным украшением этого уголка Карельского перешейка. Не кичливостью архитектуры, но гармоничным слиянием с окружающим ландшафтом «Олень» выделялся среди множества подобных сооружений.

Проект летнего ресторана в Зеленогорске был создан в 1963 году талантливыми ленинградскими зодчими Сергеем Ивановичем Евдокимовым и Аскольдом Петровичем Изойтко. Работы велись строительным

Теперь на этом месте апартаменты...

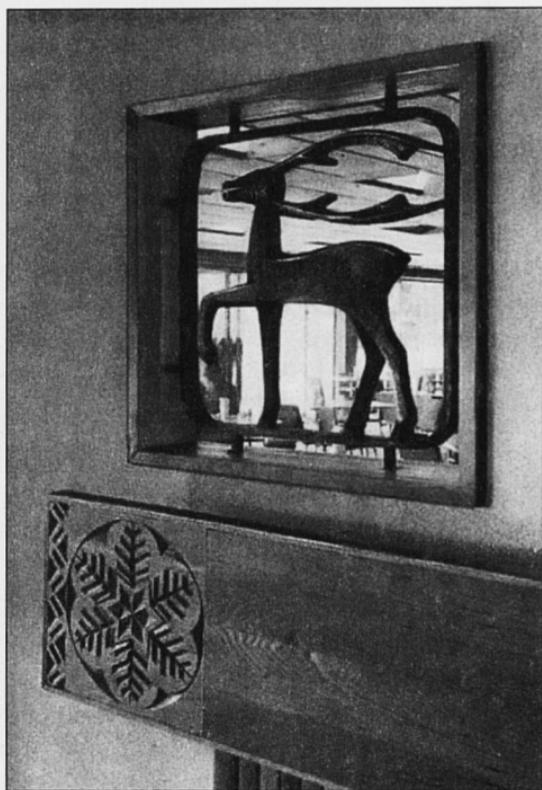

Скульптуры лесных богов перед рестораном «Олень»

управлением № 61 треста № 104 ГлавЛенинградстроя. Спустя четыре года объект был сдан в эксплуатацию.

Архитектура здания, возведённого в курортной зоне Ленинграда, была созвучна суровой северной природе этого края. Ресторан казался естественным продолжением пологого склона, обращённого в сторону Приморского шоссе и Финского залива. Со всех сторон здание окружала зелень – авторы буквально встроили его между деревьями, и заботливо сохранённая берёзка склоняла свои ветви над верхней открытой террасой. Свободное пространство между шоссе и рестораном служило своеобразным зелёным вестибюлем. Цветники, валуны, скамьи из дубовых брёвен, и декоративные кустарники были столь естественны, что казалось, существовали здесь всегда. Выразительные скульптуры из серого карельского гранита, выполненные молодой художницей Светланой Аванесовой, удачно дополняли пейзаж. Эти скульптурные изображения лесных богов напоминают о героях карело-финских эпосов. Несколько лет назад, спасая произведения искусства от вандалов, их перенесли на центральную аллею Зеленогорского парка культуры и отдыха, и если раньше они были неотъемлемой частью общей композиции, то на новом месте скульптуры приобрели вполне самостоятельное звучание.

На крыше здания находилась эмблема ресторана – изображение оленя размером 4 x 4 метра, выполненное по эскизу архитектора А. П. Изойтко

Эмблема ресторана «Олень»

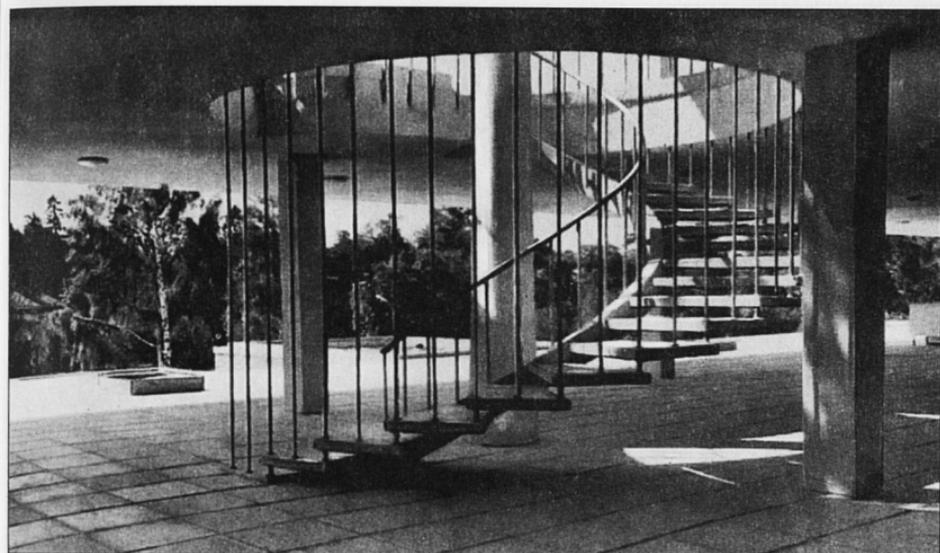
выколоткой из латуни. Подобные изображения из литого алюминия, но значительно меньшего размера, украшали залы кафе и ресторана. Их создал художник и спортсмен (впоследствии – почетный гражданин Санкт-Петербурга) Ю. С. Тюкалов¹.

На первом этаже размещались кафе, рассчитанное на 120 мест и магазин кулинарии. Красивая, отделанная деревом лестница вела на второй этаж, где находились ресторанный зал на 200 мест с небольшим баром и банкетный зал на 60 мест. Для помещений бара и ресторана общим был интересный по пластике потолок из тёмного дуба. В потолке имелись встроены вентиляционные решётки и светильники, дававшие мяг-

кий, уютный свет. Над эстрадой потолок чуть принижался, создавая акцент именно в этой части зала. Стены были облицованы камнем и деревом, массивные скамьи и столы сделаны из толстых неокрашенных досок, а у камина создан живописный «уголок охотника», где стульями служили пни. Но важнейшим элементом композиции зала всё-таки был обращённая в сторону парка и залива стеклянная стена. Посетитель чувствовал связь с природой за пределами зала, а окружающий ландшафт таким образом становился неотъемлемой частью интерьера. Если в самом зале окна были слегка прикрыты золотистыми занавесями, то в баре вдоль верхней части стеклянной стены тянулся большой красочный витраж «День и ночь», выполненный Ю. С. Тюкаловым по эскизу художника Ярослава Крестовского.

В летний период число посадочных мест в кафе и ресторане значительно увеличивалось за счет двух террас, расположенных друг над другом.

¹ Юрий Сергеевич Тюкалов – двукратный олимпийский чемпион по академической гребле

Винтовая лестница ресторана «Олень»

С нижней террасы на верхнюю вела изящная винтовая лестница, защищаемая от дождя элегантно навесом-зонтиком. Интересно, что винтовая лестница (своеобразный автограф архитектора С. И. Евдокимова) не опиралась на центральную ось.

С первых же дней работы ресторан радовал посетителей не только своей замечательной архитектурой, но и богатым меню. Здесь можно было отведать фирменные блюда, соответствовавшие названию ресторана: оленину шпигованную, тушённую в горшочках, котлеты из оленьего мяса и шашлык из оленины. Оленьё мясо для ресторана поставлялось из Архангельской области.

Вскоре «Олень» стал очень популярным местом. Сюда из домов творчества соседнего Комарова приходили писатели, артисты, ученые. «Олень» посещали не только отечественные знаменитости, но и зарубежные гости. 19 мая 1969 года здесь был дан обед в честь президента Финляндии Урхо Калева Кекконена, прибывшего в Ленинград для неофициальной встречи с Председателем Совета Министров СССР Алексеем Николаевичем Косыгиным. Через два дня лидер соседнего государства вновь посетил Зеленогорск. Сюда из Петродворца его доставил катер «Буревестник». Из Зеленогорска У. К. Кекконен на автомобиле отправился в Хельсинки. Через год в «Олене» встречали американского астронавта Нейла Армстронга и советских космонавтов Георгия Берегового и Константина Феоктистова. Они были участниками XIII конгресса Международного комитета по исследованию космического пространства (КОСПАР),

Почтовая марка с автографом К. Феоктистова.

Из коллекции А. Е. Браво

проходившего в Ленинграде 21-29 мая 1970 года. Покорители космоса ознакомились с мемориальным музейным комплексом «Шалаш» в Разливе, навестили малышей в детском городке «Солнышко» и завершили в зеленогорском ресторане «Олень» путешествие по курортной зоне Ленинграда.

«Олень» гостеприимно распахнул свои двери для посетителей в начале летнего сезона 1967 года, а по прошествии ровно сорока лет здание ресторана было снесено...

А. Е. Браво, А. И. Роденков

Два образца дачной архитектуры в Зеленогорске

Карельский перешеек всегда, и сейчас, и до революции, был излюбленным местом отдыха жителей Санкт-Петербурга и именно здесь в конце XIX – начале XX веков возникла «дачная культура», включая и дачную архитектуру, и дачный быт. А поскольку до революции Терийоки (ныне Зеленогорск), был крупнейшей после границы с Великим княжеством Финляндским железнодорожной станцией, то именно в Терийоках и вокруг них располагались наиболее яркие образцы дачного строительства. Но если, скажем, имение И. Е. Репина «Пенаты» в соседней Куоккале (ныне п. Репино) у всех «на слуху», то многие не менее интересные дачи мало кому известны. А жаль, поскольку, судя по всему, их век уже сочтен.

Среди «не знаменитых» особенно выделяются две дачи, являющиеся наиболее выразительными, по мнению авторов, примерами, в одном случае, перехода от традиционной дачной архитектуры к национальному романтизму и, в другом, – ретроспективизма в варианте скандинавской неоклассики.

Для характеристики внешнего облика и сохранившихся интерьеров дачи Мюзера, расположенной по адресу ул. Театральная, 9, имеет, естественно, значение время постройки самого дома. Однако имеющиеся сведения на этот счет крайне скупы и противоречивы. Достаточно начать с того, что в самом последнем издании (2005 г.) справочника «Памятники истории и культуры Санкт-Петербурга, состоящие под государственной охраной» дачи Мюзера, как бы, и нет. Есть пункт «1064. Гостиница „Бель-вью“: жилой корпус, пансион (два), парк с гидросистемой. 1900-е, дерево, Театральная 7, 8, 9».¹ На ошибочность отнесения дачи Мюзера к гостинице «Бель-вью» уже неоднократно указывалось зеленогорскими

¹ Памятники истории и культуры Санкт-Петербурга, состоящие под государственной охраной. Справочник. Отв. ред. Б. М. Кириков. СПб. 2005. С. 307.

*Интерьер финского
крестьянского дома*

краеведами.² О том, что дача Мюзера и гостиница «Бельвю» – это совершенно разные объекты, нет необходимости долго спорить. Небольшая «прогулка» по финским сайтам, посвященным довоенным Териокам, и старым финским картам развеет последние сомнения. Нельзя принять на веру и дату «1900-е», указанную в справочнике одновременно ко всем сохранившимся постройкам на Театральной ул. Ближе к истине, на наш взгляд, С. А. Симкина, которая писала о доме на Театральной ул., 9, что «черты модерна сочетаются в нем с приемами традиционной дачной архи-

тектуры конца XIX столетия». От нее же мы узнаем, что «дом дошел до нас, утратив целую башенку, что значительно исказило композицию в целом».³ К сожалению, попытки найти фотографию дачи с башенкой пока не увенчались успехом.

Если внимательно рассматривать фасады здания (см. вклейку стр. 1), то можно увидеть характерные черты нарождавшегося в Финляндии стиля национального романтизма: сочетание нескольких объемов, обилие фронтонов, широкое применение в декоре различной резьбы. Возникновение этого нового художественного движения относят к 1890-м годам. Это было время интенсификации поисков национальной специфики, в ходе которых представители романтических течений старались опереться на богатейшее наследие народного искусства. Вдохновение искали в истоках, в обращении к темам и образам «Калевалы», в так называемом «кареалианизме». Традиционные изобразительные мотивы – солярные знаки, птицы, рыбы, антропоморфные и растительные детали орнаментации, общие для древних славян и финно-угров, стали объектом художественной стилизации.

² Симкина С. А. Дачи модерна на северном побережье Финского залива // Памятники истории и культуры Санкт-Петербурга. Исследования и материалы. Выпуск 4. Науч. редактор: В. М. Кириков. СПб. 1997. С. 335.

³ Там же.

*Ганди возле
колеса
прялки*

В этом контексте обращает на себя внимание часто встречающаяся в интерьере дачи Мюзера деталь – колесо. Причем, как видно из иллюстрации в книге по финскому народному искусству⁴, схожая деталь украшала и интерьеры финского крестьянского дома. На наш взгляд, это не что иное, как колесо прялки. Интересно отметить, что самопрялка, основной частью которой и является колесо, в русском переводе «Калевалы» упоминается с эпитетом «красивая».⁵ Колесо прялки – многозначный символ, но среди различных смысловых значений обращает на себя внимание следующий. Широко известна фотография, сделанная сотрудницей журнала Life Маргарет Бурк-Вайт (Margaret Bourke-White), «Ганди возле колеса прялки». Причем, когда Маргарет было разрешено сделать его фото возле вращающегося колеса прялки – символа борьбы за независимость Индии, ей самой пришлось научиться пользоваться прялкой – таковы были требования окружения Ганди.

Как тут не вспомнить, что особенно последовательно по пути национального романтизма развивалось искусство и архитектура тех стран и регионов, которые стремились к независимости от крупных европейских держав! Воздержимся от прямых аналогий и прямолинейных выводов. Но при этом нельзя и забывать, как отмечает Ю. В. Линник, что «мастера финского модерна были современниками З. Фрейда и К. Юнга. [...] в своем творчестве, ориентированном на карелианизм, они сказали больше

⁴ Lauri Jänti. Talonpoikaiseseineistön katoavaa kauneutta. Porvoo. Helsinki. 1974. илл. 97.

⁵ Лённрот Э. Калевала. Переводчики Эйно Киуру, Армас Мишин. Петрозаводск. 1998. С. 298.

*Терракотовая печь
в вестибюле дачи Мюзера*

ный ансамбль печей и каминов. Их уникальность заключается в том, что они представляют собой ранние образцы печной керамики, изготовленной в Финляндии (Ракколаниокский гончарный завод). Кроме того, некоторые из каминов и печей дачи Мюзера на территории Северо-Запада России нигде не встречаются. Более того, знакомство с фондами Государственного Эрмитажа, Государственного музея истории Санкт-Петербурга и Государственного музея «Выборгский замок» позволяет говорить, что и в этих собраниях крупнейших музеев точно такие же печные облицовки отсутствуют. И, наконец, по своей монументальности, богатству рельефного декора, цветовой гамме эти печи

⁶ Линник Ю.В. Архетипы финского модерна // Северный модерн. Диалог культур. СПб. 2005. С. 37.

того, что хотели сказать сознательно».⁶

На основании вышесказанного и, исходя, прежде всего, из отмеченных особенностей архитектуры здания, предпочтительней отнести время постройки дачи Мюзера к 1890-м годам. Соответственно, этими же хронологическими рамками будет определяться и время изготовления сохранившихся деталей интерьера. Забегая вперед, можно сказать, что изумительный по красоте декор печей и каминов – главного украшения дома – по своим стилистическим характеристикам в большей мере принадлежит концу XIX века, нежели началу XX.

Дачу Мюзера до сих пор украшает уникаль-

являются ценнейшими памятниками художественной промышленности конца XIX века и выступают как подлинная архитектурная доминанта сохранившихся интерьеров особняка.

Среди них выделяется терракотовая печь в вестибюле с имитационной раскраской под мрамор. Роспись и та тщательность, с которой художник имитировал каждое вкрапление, каждую жилку камня, впечатляют. Небольшие для такого отопительного прибора швы указывают на то, что топили печь не так много. Это лишний раз подчеркивает, что при ее выборе руководствовались, в первую очередь, эстетическими, а не функциональными свойствами. Столь интересный прием в декорировании печей и каминов встречается крайне редко. Помимо дачи Мюзера нам известна аналогичная по технике роспись печей только в Фермерском дворце Петергофа. Подлинной доминантой центрального зала дома, хорошо гармонируя с другими элементами его интерьера, выступает майоликовый камин в стиле германского ренессанса (Северного Возрождения) с его характерными типологическими чертами – шатровое завершение, геральдическая символика, монументальность и богатство рельефного декора, заполняющего всю поверхность облицовки и покрытого глазурью. Для наибольшего художественного эффекта рельеф покрыт глазурями нескольких цветов (см. вклейку стр. 2)

Другое знаковое здание Зеленогорска – дача И. И. Новикова, расположенная по адресу ул. Исполкомская, 6. Долгое время владелец дачи был неизвестен и с послевоенных времен ее хозяином часто называли финского маршала К. Г. Маннергейма, которому приписывали все более-менее значимые постройки на отвоеванных в ходе «зимней» войны (1939-1940) территориях. Однако достоверно известно, что К. Г. Маннергейм вообще не имел дач на Карельском перешейке. Лишь в 2008 г., разбирая картотеку⁷ и карту межевания г. Терийоки 1923 года⁸ земельного комитета Выборгской губернии в архиве г. Миккели (Финляндия), удалось установить, что два смежных участка под застройку в центре Терийок были куплены летом 1914 года губернским секретарем Иваном Ивановичем Новиковым, проживавшим в Санкт-Петербурге.⁹

Точная дата постройки дачи И. И. Новикова и ее архитектор не известны, однако, вероятнее всего, это здание в стиле ретроспективизма, с черепичной крышей и небольшой башенкой на крыше, окруженное садом

⁷ Mikkeli Arkisto. ASUTUSHALLITUKSEN ULKOMAALAISTEN OMAISUUDEN VIIPURIN LÄÄNIN HOITOKUNNAN ARKISTO TILAKORTISTO. Va:6.

⁸ Mikkeli Arkisto. KARTTA OTE TERIJOEN ja TYRISEVÄN kylien maista VIIPURIN läänissä. Konttorin ja asianomaisien kartoista kokoonpantu viipurin läänin maanmittauskonttorissa todistaa: 22 elokuuta 1923. Uno Holmsten.

⁹ Подробнее см. http://terijoki.spb.ru/trk_terra.php?item=61

Дача Новикова. 1930-е гг.

с фонтаном и беседкой, было построено в 1914–1915 годах и сразу стало украшением небольшого курортного городка. Эта датировка косвенно подтверждается и маркировкой кирпичей «П. Б. Беляев», из которых сложена часть внутренних стен (кирпичи с такой маркировкой выпускались в 1910-х годах), и материалом, из которого сложены наружные стены. Это – пустотелые бетонные блоки (термолит), изготавливавшиеся в 1910-х годах по технологии инженера В. К. Орловского.¹⁰ Из сохранившихся построек, выполненных по оригинальной для того времени технологии В. К. Орловского, сохранились несколько дач на территории бывшего имения Орловского в Тюрисея (совр. Ушково), в том числе находящаяся в хорошем состоянии бывшая дача Данилевского¹¹, дача Вольдта в Ольгино, дом Щербова в Гатчине, усадьба Крузеля в Каннельярви.

Первый владелец дачи, И. И. Новиков, не оставил особых следов в истории, упоминания о нем теряются в 1917 году. Однако судьба здания оказалась более интересной. Поменяв несколько владельцев, в конце 1920-х годов оно переходит в собственность Финляндского государства и в особняке И. И. Новикова размещается сначала штаб пограничной охраны Перешейка, а позднее – офицерское собрание 1-го Егерского

¹⁰ Об инженере В. К. Орловском и его постройках см. <http://terijoki.spb.ru/history/templ.php?page=orlovsky&lang=ru>

¹¹ http://terijoki.spb.ru/pechi/trk_pechi.php?item=45

батальона финской армии. В учебники истории дача Новикова попала в декабре 1939 года. Когда началась «зимняя» война и советские войска заняли Терийоки, здесь разместилось назначенное Сталиным и Молотовым «правительство Финляндской демократической республики» во главе с О.В. Куусиненом, работником аппарата Коминтерна.

После войны в здании долгое время располагался детский дом отдыха «Лениздата». В советское время был практически полностью утрачен интерьер, в том числе и печи, изготовленные на заводе В. Андстена.¹² В начале 1990-х годов здание было передано в аренду, а затем стало фактически бесхозным, перейдя в результате в федеральную собственность. Не имея реального хозяина, здание быстро разрушалось (см. вклейку стр. 1).

Дачи Мюзера и Новикова в Зеленогорске являются яркими образцами дачного строительства конца XIX - начала XX веков на Карельском перешейке. Их объединяет не только очевидная художественная и историческая ценность, но и печальная судьба. Возможная и весьма вероятная утрата этих зданий не только оставит курортный пригород Санкт-Петербурга без лучших достопримечательностей, но и приведет к окончательной потере целого культурного пласта, вернуть который уже не удастся. И если у дачи Новикова недавно появилась хоть какая-то перспектива, связанная с переходом участка и здания в руки частного владельца, взявшего на себя обязательство восстановить здание, то перспективы дачи Мюзера, учитывая ее ужасающее состояние, представляются только в мрачном свете.

¹² http://terijoki.spb.ru/pechi/trk_pechi.php?item=59

Е. М. Травина

Комаровские дачи в стиле модерн

В конце XIX – начале XX веков на северном побережье Финского залива начался дачный «бум». Здесь, на землях Великого княжества Финляндского, стали возникать поселки, участками в которых владели состоятельные петербуржцы. Вслед за дачевладельцами появились дачники, снимавшие дома или комнаты на сезон или на год. Оллила, Куоккала, Терийоки, Тюрисевя, Келломяки стали модными дачными местностями.

Вот как выглядело описание станции Келломяки на страницах путеводителя начала XX века К.-В. Грэнхагена: «Станция Келломяки (43-й км.). Местность густо застроена дачами. Лучшая часть района прилегает к морю, отстоящему от станции в одном км. Цены на дачи высокие. Грунт песчаный, обилие соснового леса. К северу от станции местность болотистая, покрытая тощим лесом. Здесь дачи дешевле. Общий недостаток этого дачного района – отсутствие вблизи удобных мест для прогулок. Торговые заведения и извозчики сосредоточены возле станции».¹

Первая линия дач была построена по обе стороны Приморского шоссе, и дачники, к примеру, академик Академии художеств Владимир Евменевич Савинский или семья Агафона Фаберже, вставали и засыпали под шум волн Финского залива, который изображал из себя море. Но дом на берегу все же был «на любителя», и самые дорогие и «престижные» дачи стояли второй линией на гребне «горы». С крутого обрыва, можно было видеть Кронштадт, форт «Тотлебен» и далекую линию горизонта. Такое местоположение было настоящей находкой для фантазии архитектора, которой воспользовались Гавриил Васильевич Барановский и Николай

¹ К. В. Грэнхаген. Спутник по Финляндии: курорты дач и живописные местности Карелии, Саволакса, Нюландии, Кореной Финляндии, Сатакунты, Тавастланда и Эстерботнии. СПб. 1909. С. 34.

Никитич Никонов, построившие дачи для себя. А с ними и несколько пока неизвестных архитекторов, спроектировавших дачи для остальных одиннадцати «счастливицев».

На следующей, третьей линии, жило купечество. Участки на ровном пространстве между Большим проспектом и железной дорогой были нарезаны, едва ли не самые большие. Купцы Сандины, Забелины, Добрынины, Канарейкины, Духновские, Сериковы, Устиновы, Лоховы, Малковы составляли цвет петербургского купечества, были оплотом страны, ее «золотым запасом». В немалой степени благодаря им (а также банкирам, промышленникам, инженерам) СССР еще долго сравнивал свои экономические достижения с показателями Российской империи 1913 года.

Справа за железной дорогой, на Лесной стороне, в четвертую линию располагался собственно поселок с церковью св. Духа, школой, магазинами, складами, домами местных жителей и снова дачами.

А все вместе они составляли единый, целостный Мир, в котором каждому есть место и каждый ценен.

Всё пошатнула Первая мировая война, и окончательно порушила русская революция 1917 года. Дачи оказались за «железным занавесом», на территории Финляндии, обретшей независимость. Судьбы дачевладельцев разделились. Те, кто остался на финской территории, начинал жизнь с нуля в чужой стране. Те, кто остался в Петрограде, вынужден был забыть свое прошлое, сжечь «старорежимные» фотографии и начать существовать в предложенных большевиками условиях. Кого-то расстреляли в период «красного террора», как, возможно, архитектора Г.В. Барановского. Кто-то просто затаился, как мышь, в своей «уплотненной» теперь квартире, мечтая, чтобы никто не вспомнил о его «бывшем» прошлом.

Дачи в Келломяки некоторое время еще ждали своих хозяев. В 1920-е годы в любую из них можно было зайти, поиграть на фортепьяно, взять книгу из библиотеки. А потом тихо выйти, притворив дверь, чтобы через некоторое время придти «в гости» вновь.

Затем дома стали продавать «на вывоз», и самые простые в разборке оказались в Ярвенпяя. Потом была Зимняя война, потом война Вторая мировая (и самой большой архитектурной утратой здесь стала сожженная вилла «Арфа» Барановского). Поселок Келломяки, переименованный в честь академика В.Л. Комарова, было решено превратить в зону детского отдыха. И это оказалось спасением для старых дач. Они были приспособлены под спальные корпуса пионерлагерей и детских садов. Правда, пришлось разобрать немало изразцовых печей и каминов, чтобы освободить лишнее «койко-место».

В таком положении дачи пребывали до середины 1990-х, когда предприятия оказались не в состоянии содержать на балансе свои базы отдыха, пионерлагеря и детские сады.

Деревянные постройки нуждаются в постоянном уходе. Поэтому, в соседней Финляндии они находятся в идеальном состоянии: у них ведь не было ликвидации частной собственности, а затем долгой перестройки экономики. Без «хозяина» старые дачи в Комарово стали гнить и разрушаться. Затем они стали гореть.

В период 1990-2000-х годов некоторые дачи внесли в список вновь выявленных объектов культурного наследия (ОКН). Но за десять последующих лет экспертиза по их переводу в категорию ОКН регионального или федерального значения проведена так и не была. Благодаря такому положению стали возможными странные экспертизы, когда дачи под разными предложениями стали выводить из списка вновь выявленных объектов, тем самым развязывая руки новым владельцам, которые таким образом приобретали собственность без «обременения». Процесс затормозился с началом мирового финансового кризиса, и напоминанием об этом стала «замороженная» строительная площадка на месте снесенной дачи Забелина. После начала выхода из кризиса в 2010 году продолжилась продажа участков юридическим и физическим лицам и снос дач.

Положение сейчас таково, что ни одна бумага не гарантирует сохранения ни одной дачи, будь она в охранном списке, или нет. Вывод из охранного списка – процедура, видимо, дорогостоящая, но дающая полную «свободу» новому владельцу. С другой стороны, выполнение всех требований по научной реставрации дома, которое выполняет добросовестный собственник, приводит к завышению первоначальной сметы в несколько раз и вынужденной продаже такой недвижимости.

Один человек как-то сказал фразу, которая «работает», к сожалению, до сих пор: «нет человека – нет проблемы». В нашем случае эта фраза звучит так: «нет дачи – нет проблемы».

У нас скоро не будет проблем, господа.

Состояние Комаровских дач, находящихся в списках КГИОП

Дача и особняк Бормана (Эргардта) ул. Морская, 14. Начало XX века, ОКН федерального значения (№ 36). Владелец дачи на 1913 год, возможно, являлся Адольф Андреевич Эргардт, служивший в страховом обществе «Россия». Достоверной информации о принадлежности этого участка в другие годы Борману, в настоящее время не обнаружено.

На территории находится шесть объектов охраны. В настоящее время используется под резиденцию губернатора Санкт-Петербурга. Состояние

дачи Бормана (Эргардта) опасений не вызывает. Она отреставрирована в 2002–2003 годах.

Дача И.И. Чижова («Вилла Рено»), Морская, 6. Начало XX века, ОКН федерального значения (№ 37). Согласно плану поселка Келломяки 1913 года, списку членов келломякского пожарного общества и данным из архива г. Миккели (Финляндия) участок до 1917 года принадлежал Ивану Ивановичу Чижову. В Справочнике Санкт-Петербургской Купеческой управы на 1912 год И.И. Чижев числится как 2-й гильдии купец, вероисповедания православного, образование получил домашнее, в купечестве с 1900 года. Жительство имел по Литейному пр., 51. Содержал два оружейных магазина в доме № 64 и в доме жительства. Жена Зинаида Алексеевна и сыновья Петр и Павел девяти лет (близнецы) и Александр восьми лет. В 1917 году участок был продан семье Эмиля Рено, владевшей в Петербурге гостиницей «Франция» на Морской ул., 6. С этого времени за дачей закрепилось название «Вилла Рено».

На территории этого участка в советское время располагалось выездное детское учреждение. С середины 1990-х годов территория – практически без присмотра и охраны. За это время окончательно разрушена беседка-ротонда на обрыве, украдены кованые чугунные калитка и уличный фонарь (такие же ворота удалось спасти от хищения в последний момент), полностью сгорел домов № 8А и частично № 8Б, выходящий фасадом на Морскую улицу. В нем выломаны изразцы печей. Таким образом, находящиеся под охраной деревянных строений практически нет. При этом несколько лет назад по неоднократным письмам общественности пос. Комарово и лично Д.А. Гранина на территории парка были расчищены каскад из трех прудов и ведущая к ним каменная лестница. Участок по Морской ул., 8 неоднократно выставлялся на продажу, и дальнейшая судьба оставшихся на территории объектов не ясна.

Дача Ф.А. Канегиссера (генерала Воронина), Большой пр., 15А. ОКН регионального значения (№ 34).

Согласно плану поселка Келломяки 1913 года, спискам членов пожарного общества поселка и документам, хранящимся в архиве г. Миккели, участок «Каннала» принадлежал доверенному Общества меднопрокатного и трубного завода (бывш. Розенкранц) Фердинанду Адольфовичу Канегиссеру и был приобретен им в 1904 г. Фердинанд Адольфович и его жена Анна Ипполитовна проживали на Васильевском острове, на Тучковом пер., 11, телефон 12711. Канегиссеру принадлежало, по крайней мере, два участка в Келломяках. Известно, что один был продан в 1905 году под строительство церкви во имя Сошествия Святого Духа.

После Второй Мировой войны советское правительство подарило дачу генералу Воронину. Впоследствии передана санаторию «Мать и дитя».

В настоящее время медленно разрушается и находится в аварийном состоянии.

Дача архитектора В. Ф. Габерцетеля (вилла «Оя»), начало XX века, Кавалерийская, 12 (Приморское шоссе, 483Б). Вновь выявленный ОКН (№ 941). Согласно данным из финских архивов, участок и вилла «Оя» принадлежали архитектору, надворному советнику Виктору Фёдоровичу Габерцетелю² (1864–1912), служившему архитектором Товарищества тюлевых фабрик и проживавшему в Петербурге на Николаевской наб., 15, где был также управляющим домом.

Известно, что в начале XX века по проектам В. Ф. Габерцетеля был построен ряд дач под Петербургом. И собственную дачу, скорее всего, он проектировал сам. Скончался в возрасте 47 лет. В № 47 журнала «Зодчий» за 1912 год ему посвящён некролог, написанный М. Я Виллие. В «Ежегоднике Общества архитекторов-художников на 1913 год» (вып. 8) приведён рисунок одной из дач, спроектированных В. Ф. Габерцетелем, и надгробный памятник ему на Волковом лютеранском кладбище работы архитектора Е. Е. фон Баумгартена.

Отец Виктора Фёдоровича, статский советник Федор Иванович Габерцетель³ (1832–1909), также архитектор был приписан к Собственной Её Императорского Величества Канцелярии по учреждениям императрицы Марии, состоял членом 2-го Российского страхового общества. Проживал с женой Александрой Карловной на 4-й линии ВО, 23.

В советское время дача принадлежала детскому выездному лагерю, территория которого включала в себя также участок бывшей дачи Агафона Фаберже (483А), сгоревшей в начале 2000 года. В настоящее время медленно разрушается и находится в аварийном состоянии. Через территорию протекает ручей, по берегам которого сохранились остатки оснований мостиков.

Дача А. М. Юхневича, начало XX века, Морская ул., 5. Вновь выявленный ОКН (№ 944). (За пределами охраняемой территории дачи Юхневич, но в Охранной Зоне-1, находилась дача Штутмана, разобранный в апреле 2011 г.). Согласно плану поселка Келломяки 1913 года и списку членов келломякского пожарного общества, владельцем участка был

² Постройки В. Ф. Габерцетеля в Петербурге: доходный дом на Теряевой ул. (ныне Вс. Вишневого), 1; цеха Механического завода «Новый Лесснер» (им. Карла Маркса) на ул. Ватенина (Александра Матросова), 1; комплекс построек Тюлевой фабрики между Петроградской наб. и Большой Вульфовой (ул. Чапаева)

³ Постройки Ф. И. Габерцетеля в Петербурге: особняк Н. Ульянова на Малом пр. В. О.; дом Болотникова на Пирогова, 3; доходный дом на Шпалерной, 48. Здание Волковской купеческой богадельни на наб. р. Волковки, 3; комплекс зданий мануфактуры братьев Максвелл (фабрика «Рабочий») на нынешнем пр. Обуховской Обороны, 86.

Александр Мечиславович Юхневич, заведующий театральной комиссией Невского общества устройства народных развлечений. Он проживал в Шлиссельбургском участке, по правому берегу Невы в доме № 78. Известно, что дача сдавалась внаем на протяжении нескольких лет после смерти А. М. Юхневича в 1911 году. По косвенным свидетельствам, одним летом ее снимали для артистов Народного дома на Петроградской стороне.

Дача вплоть до недавнего времени находилась во владении военного министерства, и там размещался детский выездной лагерь. В настоящее время территория, на которой находится дача, продана частному лицу, который, по заверениям КГИОПа, ознакомлен с обременением (статусом вновь выявленного ОКН). По наблюдениям, дача Юхневича находилась в достаточно хорошем состоянии еще в начале 2000-х годов, затем начался процесс обветшания, потери резного декора и остекления на фасадах. В это же время были выломаны и похищены изразцовые плитки каминов и печей в комнатах. На территории дачи Юхневича, ближе к обрыву, находятся остатки фундамента еще одной дачи, хорошо просматриваемой на старых фотографиях.

Дача «Анечка» Г. И. Сандина, начало XX века, ул. Лейтенантов, 19. Вновь выявленный ОКН (№ 942). Согласно плану поселка Келломяки 1913 года, «Описанию построения храма в Келломяках», документам из семейного архива Сандиных, а также данным из архива г. Миккели, участок и дача «Анечка» принадлежали потомственному почетному гражданину, купцу, главе Торгового дома «Сандин и сын» Григорию Ивановичу Сандину. Согласно купчей от 3 июля 1906 года Григорий Иванович Сандин приобрел участок в Келломяках площадью 0,483 га за 2200 рублей. К моменту покупки участка в Келломяках семья состояла из Ивана Григорьевича Сандина (1833-1907/08), его жены Матроны Ивановны (1833-1915), их сына Григория Ивановича (1869-1958), женатого на дочери купца и соседа по даче Арсения Андреевича Забелина, Анне (1870-1963).

До недавнего времени территория принадлежала военному ведомству, на даче размещался детский выездной лагерь. Недавно вся территория продана неизвестному физическому или юридическому лицу, по непроверенным данным, для устройства мини-гостиницы.

Дача А. Я. Лоховой, начало XX века, ул. Кавалеристов, 6В. Вновь выявленный ОКН (№ 940). Согласно карте поселка 1913 года, списку келломякского пожарного общества и «Описанию строительства церкви Св. Духа», владелицей участка была купчиха Анна Яковлевна Лохова. В Справочнике Купеческой управы Санкт-Петербурга на 1891 год

*Дача
Г.И. Сандина.
Фото
Е.М. Травинной*

значится ее муж, Николай Антипович, 53 лет, веры православной, получивший домашнее образование, в купечестве с 1879 года. Он имел торговлю суровским¹ товаром в магазинах по Малой Морской ул., Могилевской (один участок нынешнего Лермонтовского проспекта), 12 и 16. На Анне Яковлевне был женат вторым браком. Детей от первого брака не было, а от второго – сын Николай четырех лет и дочери Серафима, Александра, Анна и Екатерина. Семья Лоховых проживала на Могилевской, 12, в собственном доме. В этом же доме проживали чиновник Николай Яковлевич Андреев, по всей вероятности, брат Лоховой, и купец Василий Михайлович Духновский, имевшие смежные с Лоховой участки в Келломяки.

Территория, на которой стоит дача Лоховой, равно как соседние дачи Сандина, Андреева и Духновского, представляла собой пример первоначально сохранившегося межевания участков. В советское время она принадлежала военному ведомству. В настоящее время территория продана неизвестному лицу, и судьба дачи Лоховой неизвестна. Возможно, в ней также разместится мини-гостиница. По другой версии, дача подлежит разборке и сборке на новом месте. Рядом с дачей Лоховой сохранился каменный ледник, относящийся ко времени постройки дачи, сложенный из тесаных гранитных глыб.

Дача М. Д. Шихина, начало XX века, ул. Лейтенантов, 39. Вновь выявленный ОКН (№ 943). Первоначально дача принадлежала потомственному почетному гражданину Михаилу Дмитриевичу Шихину

¹ Суровский (суровской) товар – шелковый, бумажный и легкий шерстяной. Прим. ред.

(1859–1924), владельцу Электромеханического завода. На Комаровском кладбище сохранилась могила М. Д. Шихина. Дача находится в частном владении, и владелец реставрирует ее в соответствии с правилами, регламентирующими реставрацию памятников истории и культуры.

За последние три - четыре года были выведены из списка «Вновь выявленных объектов культурного наследия» и снесены четыре дачи

Дача «Отрада» купца А. А. Забелина, начало XX века, Горная ул, 2/13. Бывший вновь выявленный ОКН (№ 937). Согласно карте пос. Келломяки 1913 года и информации из семейного архива, участком и дачей «Отрада» владел купец Арсений Андреевич Забелин, глава паровой и судоходной компании «Забелина А. Р. наследники». Он проживал в Петербурге по Калашниковской (ныне Синопская) наб., 52. В 1890 году дочь Арсения Андреевича, Анна Арсеньевна, вышла замуж за Г. И. Сандина, и они купили участок в Келломяках неподалеку от Забелиных.

В советское время дача принадлежала выездному детскому учреждению. До сноса в 2009 году она была в прекрасном состоянии. В настоящее время на этом месте «замороженная» строительная площадка.

Дача купца В. А. Канарейкина, начало XX века, Большой пр., 2А. Бывший вновь выявленный ОКН (за № 936). Первоначально участок и дача на нем принадлежали Василию Андреевичу Канарейкину. Данные справочника Купеческой управы на 1912 год дают следующую информацию о Канарейкине: купец 2-й гильдии, вероисповедания православного, образование домашнее. Состоит в купечестве с 1891 года. Жительство имеет по Саратовской ул., 24, в собственном доме. При нем: жена Мария Ивановна, сыновья Николай 26 лет; Гавриил 25 лет с женой Клавдией Александровной; Иван 24 лет и Андрей 17 лет. Дочери Варвара, Зинаида, Екатерина.

В советское время дача принадлежала выездному детскому учреждению. До сноса в 2007 году находилась в прекрасном состоянии. В настоящее время на этом месте построен дом, практически ничем не напоминающий уничтоженную дачу.

Дача Н. Я. Андреева, начало XX века, Кавалеристов, 6А. Бывший вновь выявленный ОКН (№ 938). До 1917 г. участок и дача принадлежали губернскому секретарю Николаю Яковлевичу Андрееву, чиновнику Главного управления неокладных сборов. В Петербурге он проживал по Могилевской улице в доме № 12 (как и соседи по участкам в Келломяках А. Я. Лохова и В. М. Духновский). В советское время дача принадлежала военному министерству. В мае 2011 г. была снесена.

Дача В. М. Духновского, начало XX века, Кавалеристов, 6Б. Бывший вновь выявленный ОКН (№ 939). До 1917 года участок и дача принадлежали купцу Василию Михайловичу Духновскому, имевшему мануфактурную торговлю. В Справочнике Купеческой управы на 1912 год он значился как купец 2-й гильдии, вероисповедания православного, получивший образование в Опочецком городском училище. В купечестве с 1896 года. Являлся выборным от Санкт-Петербургского купеческого сословия в 1909 году и 1912-м; членом Санкт-Петербургской Купеческой комиссии о пользах и нуждах общественных и торгово-промышленных; членом Коммерческого суда. Жена Евгения Николаевна и дети: сын Анатолий семи лет и дочь Вера. Жительство имел на Могилевской, 12. (как и его соседи по дачам в Келломяках, А. Я. Лохова и ее брат Н. Я. Андреев). В советское время принадлежала тому же военному министерству. В апреле-мае 2011 года снесена.

Дача Лидии Фаберже, Приморское шоссе, 483 и Кавалерийской ул.

Она входила в список вновь выявленных ОКН Лидия-Юлия была женой второго сына придворного ювелира Карла Густавовича Фаберже, Агафона-Фёдора. В советское время изумительной красоты дача Фаберже использовалась под выездной детский сад, затем пустовала до середины 2000-х годов и, наконец, сгорела дотла, подожженная ночевавшими там бомжами. На территории остался каменный колодец, превращенный, как многое сейчас в Комарово, в помойку.

Уничтоженные дачи, не входившие в охранные списки, но являвшиеся постройками начала XX века

Дача купца П. Г. Чечулина на углу улиц Осипенко и Водопьянова. Владельцем участка был купец 2-й гильдии Петр Григорьевич Чечулин: Торговый Дом «П. Г. Чечулин и братья Мелеховы»: торговал хлебом и зерном. В Петербурге он проживал с женой Верой Ивановной по Калашниковскому пр., 2. В советское время на территории дачи Чечулина находился пионерлагерь. Дача снесена летом 2010 года.

Дача К. А. Штутмана находилась на территории, ограниченной улицами Морской, Горной и Большим пр. Ее первым владельцем был Константин Андреевич Штутман, член Санкт-Петербургского Яхт-клуба и Санкт-Петербургского Общества велосипедных любителей. Проживал по Эстляндской, 7/78 в доме, принадлежавшем Калининскому пивоваренному заводу. К. А. Штутман значится в списке членов келломякского пожарного общества. В «Описании построения храма в Келломяках» сказано, что Константин Андреевич был членом строительной комиссии, он пожертвовал храму четыре иконы евангелистов, а также оказывал финансовую поддержку при строительстве.

В советское время дача К. А. Штутмана, присоединенная к участку Юхневича, принадлежала военному министерству. Не была включена ни в один охранный список, поэтому не являлась «обременением» для нового хозяина. Дача Штутмана, находившаяся в прекрасном состоянии, была снесена новым владельцем участка в апреле 2011 года.

Участки Штавемана, Федотова, Ньюберга, Виптинга и Микульского находились на территории, ограниченной улицами Школьной, Пушкина и Водопьянова. Они находились в границах первоначального межевания и сохранили некоторые постройки начала XX века.

**Объекты, оставшиеся за рамками охранный
списка, сформированного в начале 2000-х годов,
по которым в самое ближайшее время необходимо
провести историко-культурную экспертизу.**

Дача «Шишка» Й. Гернанд, начало XX века, Большой пр., 11. Вилла «Шишка» принадлежала Йоханне Гернанд, которая приобрела этот участок в 1905 году. Ее муж, Джон Гернанд, был владельцем завода лаков и красок в Петербурге.

Дача стоит на краю обрыва, под которым сохранились остатки пруда с берегами, выложенными камнями. Пруд, видимо, наполнялся ключевой водой, и в настоящее время по дну пруда бежит маленький ручеек. Рядом, в направлении залива, проходит дорожка, теряющаяся в болоте – напоминание о Тарасовой улице (от обрыва в сторону железной дороги она называлась Духовской) с просмоленными электрическим столбами. В настоящее время бывшая вилла Гернанд находится в частном владении. Состояние хорошее.

Дача С. П. Каролькевича, начало XX века, угол Большой пр. и улицы Отдыха. Это один из двух участков, приобретенных в 1904 году Стефаном Петровичем Каролькевичем. В адресных справочниках «Весь Петербург» на 1904, 1911 и 1913 годы он значится торговцем обувью, проживал на Мойке, 71. В 1917 году местом жительства С. П. Каролькевича является «ст. Келломяки Финляндской ж/д, собственный дом на Большом проспекте». В настоящее время дача находится в частном владении.

Дача Е. Н. Макаровой, начало XX века, ул. Лейтенантов, 23. Согласно данным адресного справочника «Весь Петербург», наиболее вероятной владелицей участка была купчиха Елизавета Никитична Макарова, проживавшая на Забалканском проспекте, 34. В 1898 году был еще жив ее муж, купец Василий Иванович, владевший мануфактурной торговлей. Сама Елизавета Никитична входила в Спасско-Казанское Общество

попечения о бедных и больных детях. На 1904 год и далее сведений о Василии Ивановиче нет, а сама Елизавета Никитична значится как купчиха.

Сохранились воспоминания о том, что в 1920-е годы на даче Макаровой располагалась почта. В настоящее время дача находится в частном владении. Дом в хорошем состоянии, но отсутствует балюстрада верхней террасы.

Дача Н. Р. Шляпужникова, начало XX века, угол Озерной и Школьной, № 13/17. Согласно карте поселка Келломяки 1913 года и списку келломякского пожарного общества, участок принадлежал Николаю Родионовичу Шляпужникову, директору правления Подольской железной дороги. Кроме того он был Управляющим главной конторой Высочайше учрежденного опекунского управления над имуществом князя Белосельского-Белозерского; председателем хозяйственного комитета Крестовского отделения Санкт-Петербургского пригородного пожарного общества. В Петербурге проживал по Гулярной ул., 24 (ныне ул. Лизы Чайкиной). Брат Николая Родионовича, Григорий Родионович служил бухгалтером конторы князя В. Н. Орлова. В настоящее время бывшая дача Шляпужникова находится в частном владении.

Дача Бательта, начало XX века, Морская ул., 2. Владельцем участка и дома мог быть один из двух братьев Бательт: Гуго Иванович, владевший конторой «Бательт А. И.» или Александр-Альберт Иванович, владевший агентско-комиссионной конторой и бывший директором правления акционерного общества «В. Керстен». Согласно Справочнику Санкт-Петербургской купеческой управы на 1912 год, купец 2-й гильдии Александр-Альберт Иванович Бательт, 39 лет, получил образование за границей, вероисповедания лютеранского. В купечестве с 1900 года «и ранее». Жительство имел на Александринской пл., дом 5. С ним тогда проживали жена, Берта-Матильда, сыновья Максим-Лотарь 11 лет, Гейнц-Альберт-Теодор четырех лет, Эгон-Артур двух лет и дочь Ирментраут-Диотвина-Армгард-Бертильда. Содержал торгово-посредническую контору внутри Гостиного двора, № 14. Контора занималась продажей беловых и галантерейных товаров.

Во второй половине XX века на территории бывшей дачи Бательта находился пионерский лагерь. Дача находится в аварийном состоянии.

Дача В. Г. Поммер, начало XX века, Морская ул., 1. Согласно данным архива в г. Миккели, официальной владелицей участка была Вильгельмина Германовна Поммер. Адресные справочники дают нам о ней следующую информацию: В. Г. Поммер, проживавшая по Екатерининскому каналу, 19, домовладелица, вдова коллежского регистратора.

Дача Бательта. Фото Е. М. Травинной

Возможно, принадлежала к семье потомственного почетного гражданина и коммерции советника Андрея Яковлевича Поммера. Вильгельмина Германовна Поммер была сестрой Елизаветы Германовны Принц, владевшей соседним участком в Келломяках, выше по Морской улице. На территории Принц не сохранилось дома, но сохранилась система прудов и купальня.

Существуют воспоминания о том, что летом 1935 года в пансионе Веры Поммер останавливался писатель В. К. Зайцев с супругой. Они совершали поездку на о. Валаам и были проездом в Келломяки для того, чтобы повидаться с Н. Г. Кауше, родственницей В. А. Зайцевой. Известна фотография, на которой запечатлены супруги Зайцевы на фоне пансиона Поммер.

В советское время участки Е. Г. Принц и В. Г. Поммер были объединены в одну территорию пионерского лагеря, принадлежавшего военно-морскому ведомству. В настоящее время дача находится в аварийном состоянии.

Дача А. А. Сидорова «Орешек», начало XX века, ул. Лейтенантов, 9. Согласно карте пос. Келломяки 1913 года, данным архива в г. Миккели и семейному архиву, владельцем участка и дачи «Орешек» был Александр Афанасьевич Сидоров, который приобрел данный участок в 1905 году. А. А. Сидоров служил в разные годы в Управлениях торгового мореплавания и портов; почт и телеграфов; государственных сберегательных

Дача Поммер.

Фото Е. М. Травинной. 2010 г.

касс. С 1913 года местом его жительства (согласно данным «Всего Петербурга») значится ст. Келломяки Финляндской железной дороги, Французская улица, собственный дом. Семья Александра Афанасьевича состояла из жены Марии Павловны (урожденной Смирновой) и детей: Ореста, Нины и Олега. Могила А. А. Сидорова, скончавшегося в 1926 году в Келломяки, сохранилась на Комаровском кладбище. В настоящее время в бывшей даче Сидорова располагается администрация дома отдыха Союза театральных деятелей.

Дача И. С. Томарса, начало XX века, Кавалерийская, 4.

Практически единственным возможным претендентом на вла-

дение этим участком (благодаря уникальности фамилии) является артист Иосиф Семенович Томарс. В дополнение к основной своей службе давал уроки пения. Согласно справочным указателям в 1911 и 1913 годах проживал на Загородном пр., 24.

*Купальня
на участке
Е. Принц.*

*Фото
Е. М. Травинной.
2010 г.*

Так выглядела дача Новикова в 2004 г.

Дача Мюзера

Один из каминов дачи Мюзера

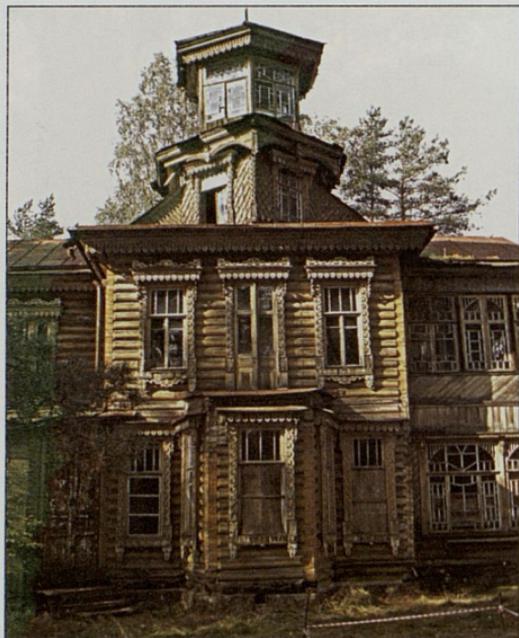

Майоликовый камин в стиле германского ренессанса на даче Мюзера

Фрагменты каминов дачи Мюзера

*Дачу Лоховой может постичь
судьба дачи Духновского.
Фото Е.М. Травиной. 2010 г.*

*Дача М.Д. Шихина.
Фото Е.М. Травиной. 2010 г.*

*Разрушающаяся дача А.М. Юсневича.
Фото Е. М. Травиной. 2009 г.*

*Дача В.А. Канарейкина
была спесена в 2007 г.
Фото. А.Е. Браво. 2005 г.*

*Дача Н.Я. Андреева,
разрушенная в 2011 г.
Фото Е.М. Травиной. 2010 г.*

*Вилла Герланд - пример правильного отношения
к нашему наследию. Фото В. Смирнова*

*Дача Л. Фаберже (увы, ныне не существующая).
Фото Р.М. Даянова*

*Дача
А. П. Куренкова.
Фото
Е. Травиной.
2010 г.*

В послевоенное время это был один из корпусов Дома творчества Союза писателей СССР, повидавший много известных советских писателей. В настоящее время этот корпус закрыт для проживания по причине аварийного состояния.

Дача А. П. Куренкова «Лепомая» («Отдых»), начало XX века, Большой пр., 18. Дача на участке «Лепомая» («Отдых») принадлежала доктору медицины, статскому советнику Александру Павловичу Куренкову. Он служил младшим врачом Павловского военного училища и имел частную практику. В Петербурге А. П. Куренков проживал по Большой Спасской ул., 12. В первые послевоенные годы бывшая дача Куренкова находилась в аренде у композитора Д. Д. Шостаковича. Впоследствии здесь разместился выездной детский сад, который функционирует и по сей день. Дача медленно разрушается, на ремонт у района нет денег. На которых окнах второго этажа – фанера вместо стекол.

Дача В. П. Рогалёва, начало XX века, ул. Лейтенантов, д. 1 (3?). Участком владел Василий Павлович Рогалёв, дававший в Петербурге уроки танцев и проживавший по Гороховой, 46. Изображение дома сохранилось на дореволюционной фотографии панорамы поселка Келломяки, снятой с крыши пансиона Королёвой. В настоящее время бывшая дача Рогалёва находится в ведомственном владении.

Дача А. П. Хиетанена, начало XX века, 2-я Дачная ул., 5. Согласно карте поселка Келломяки 1913 года и списку келломякской пожарной дружины, владельцем участка «Хиетала» был Адольф Павлович Хиетанен, который приобрел его в 1907 году. А. П. Хиетанен имел частную службу и проживал в Петербурге по Полтавской ул., 5. В настоящее

*Большой проспект
у территории
Конституционного
суда. Фото
Е.М. Травиной.
2010 г.*

время на бывшей даче Хиетанена находится выездной детский сад. Дом медленно разрушается.

Дача Д. Савельева, начало XX века, Лесная ул., 5.

Фамилия и имя Д. Савельева значатся на карте пос. Келломяки 1913 г. К сожалению, пока о Д. Савельеве других сведений нет.

В настоящее время на бывшей даче Савельева располагается выездной детский сад. Территория была выставлена на продажу в августе 2010 года.

Дача Коха, начало XX века, Школьная ул., 7. Фамилия Коха значится на карте пос. Келломяки 1913 года. Других сведений о владельце участка пока нет. В настоящее время на бывшей даче Коха находится выездной детский сад. Территория была выставлена на продажу в августе 2010 года.

Дача М. Николаи а участке «Мария», предположительно начала XX века, Школьная ул., 9. Фамилия и имя М. Николаи значатся на карте пос. Келломяки 1913 года. Известно также, что в 1914 году участок «Мария» принадлежал Марии-Доротее Ивановне Николаи. Других сведений о владельце участка пока нет.

В настоящее время на бывшей даче Николаи находится выездной детский сад. Территория была выставлена на продажу в августе 2010 года. Участки Коха и Николаи находятся в границах первоначальных участков пос. Келломяки согласно плану 1913 года и в настоящее время принадлежат одному собственнику. Детский сад не функционирует уже второе лето, а значит, дома разрушаются. Объявление о продаже снято, возможно, что территория уже куплена. При этом дачи не являются «обременением», их можно снести так же легко, как простой дровяник.

Дача А.Й. Паронена, начало XX века, угол Озерной и Морской. Возможным владельцем участка был Антон Йонасович Паронен, который,

согласно адресным справочникам «Весь Петербург» на 1911 и 1913 годы, проживал по 6-й Рождественской (ныне 6-я Советская) ул., 31, род занятий не указан.

В 1930-е годы в бывшем доме Паронена располагались почта и на втором этаже магазинчик ниток и пряжи сестер Ниссен. В настоящее время в доме по-прежнему находится почтовое отделение.

Дача Е. В. Макаровой, начало XX века, территория ГДОУ № 49 (государственное дошкольное образовательное учреждение) Центрального р-на, ограниченная улицами Ленинградской, Привокзальной и 4-й Дачной. Имя Е. В. Макаровой значится на карте пос. Келломяки 1913 года. Других сведений о владелице участка и дачи пока не найдено. Дом в хорошем состоянии, но отсутствует балюстрада.

Дача К. А. Гайдаенко, начало XX века, территория ГДОУ № 49 Центрального района. Владельцем участка был Константин Алексеевич Гайдаенко, присяжный поверенный и присяжный стряпчий, купивший его в 1907 году. В 1910-1911 годах Гайдаенко входил в Келломякское пожарное общество.

В настоящее время на бывшей даче Гайдаенко находится детский сад № 49 Центрального р-на. Территория этого детского сада включает в себя три участка, на которых сохранились деревянные постройки начала XX века: дача Е. В. Макаровой, дача К. А. Гайдаенко и служебная постройка на участке А. К. Ниселовского (сама дача не сохранилась). Проезд на территории садика, параллельный Привокзальной улице, является остатком бывшей Северной улицы, которая когда-то проходила на запад до 2-й Дачной. Таким образом, здесь сохранены первоначальные границы участков с улицей и высаженными вдоль нее елями. Весной 2011 года проводился ремонт.

Дом А. И. Шахова, начало XX века, Морская ул., 20. Возможным владельцем участка и строений на нем был Алексей Иванович Шахов, которому принадлежали семь участков в Келломяки. Известно, что Шахов принимал участие в строительстве церкви св. Духа и получил по ведомости 1534 рубля за произведенные подрядные работы.

После окончания Второй мировой войны в одной из сохранившихся построек на участке Шахова жил драматург Евгений Шварц, а затем писатель Юрий Герман. Его сын, будущий кинорежиссер Алексей Герман, провел здесь детство и учился в местной школе. В настоящее время дом находится в частном владении.

Дом А. А. Ахматовой «Будка», середина XX века, ул. Оспенко, 3. С 1955 г. в литфондовской даче (которую называла «будкой») жила А. А. Ахматова. Сюда к ней приезжали друзья и поклонники ее творчества.

Несмотря на внушительный список имен знаменитых людей, которые посещали этот домик при жизни Ахматовой, после ее смерти он остался обычной литфондовской дачей. Сейчас этот дом арендует председатель Союза писателей Санкт-Петербурга В. Г. Попов.

Послесловие

Комарово за последние два-три года стало меняться на глазах и, наверное, символом этих изменений стали высокие заборы. Заборы вокруг частных владений и заборы вокруг строительных площадок, чтобы, упаси Бог, никто не видел, кто там живет и что там происходит. Старые же дачи, открытые раньше соснам, ветру и восхищенным взглядам, не совместимы с тюремными оградами...

Если задать вопрос, зачем были нужны эти старые уже развалюшки-дачи, ни по размаху, ни по престижу совершенно не соответствующие стандартам современного дачного строительства на статусной «комаровской рублёвке», то ответить на него можно коротко.

Они были красивы...

Е. А. Балашов

Улицы города Зеленогорска

Авиационная ул.

от Приморского шоссе до Среднего пр.

Первоначальное название Семеновская улица, финский вариант названия Симеонинкату (Simeoninkatu). Переименована предположительно в 1940 году

Александровская ул.

от Артиллерийской ул. до Зеленогорского шоссе

Первоначальное название не установлено.

Аптечная ул.

от Красноармейской ул. до Комсомольской ул.

Первоначальное название не установлено.

Артиллерийская ул.

от Приморского шоссе до Прямой ул.

Улица появилась в послевоенное время.

Бассейная ул.

от Приморского шоссе до Среднего пр.

Финское название - Ойвакату (Oivakatu). В переводе на русский - Превосходная ул. Переименована предположительно в 1940 году

Березовая ул.

от Приморского шоссе до Финского залива

Финское название - ул. Лоухи или Лоухикату (Louhikatu). Лоухи - персонаж карело-финского эпоса «Калевала». Переименована предположительно в 1940 году

Берёзовый пер.

от Берёзовой ул. за Кооперативную ул.

Первоначальное название не установлено.

Бронная ул.

от Приморского шоссе до Десантной ул.

Финское название - Марианкату (Mariankatu). Происходит, вероятно, от личного имени. Переименована предположительно в 1940 год

Вокзальная ул.

от пр. Ленина за Загородный пер.

Финская калька названия - Асемакату (Asemakatu).

Восстания ул.

от Хвойной ул. до Артиллерийской ул. и Нижней ул.

Улица появилась, очевидно, в послевоенное время.

Выборгская ул.

от Торфяной ул. до ул. Красных Курсантов

Улица появилась в послевоенное время.

Выборгский пер.

от Торфяной ул. до ул. Мира

Переулок появился в послевоенное время.

Гаванная ул.

от Приморского шоссе до Финского залива

Финская калька названия - Сатамакату (Satamakatu).

Героев пер.

от Кривоносовской ул. за Квартальный пер.

Финское название - Линтукату (Lintukatu). В переводе на русский - Птичья ул. Переименована предположительно в 1940 году

Героев ул.

от пр. Ленина до пер. Героев

Финский вариант названия Савонкату (Savonkatu). В переводе на русский - ул. Губернии Саво. Переименована предположительно в 1940 году

Горная ул.

от Приморского шоссе до Курортной ул.

Финское название - Суоракату (Suorakatu). В переводе на русский - Прямая ул. Переименована предположительно в 1940 году

Госпитальная ул.

от пр. Красных Командиров до Торфяной ул.

Финское название - Нуутиланкату (Nuutilankatu). Происходит от личного имени Нуутти (Кнут). Переименована предположительно в 1940 году Улица проходила в непосредственной близости от госпиталя (ныне Зеленогорская больница). Переименована предположительно в 1940 году

Гостиная ул.

от пр. Ленина за пр. Красных Командиров

Первоначальное название не установлено.

Гражданская ул.

от Кривоносовской ул. до 2-го Путейского пер.

Финское название - Пеуранкату (Peurankatu). В переводе на русский - Оленья ул. Переименована предположительно в 1940 году

Дальняя ул.

от Комсомольской ул. до Служебной ул.

Финское название - Куккакату (Kukkakatu). В переводе на русский - Цветочная ул. Переименована предположительно в 1940 году

Деповская ул.

от Кривоносовской ул. до ул. Героев.

Финский вариант названия Хелсингкату (Helsinginkatu). В переводе на русский - Хельсинкская ул. Переименована предположительно в 1940 году

Деповский пер.

от Деповской ул. до Путейской ул.

Первоначальное название не установлено.

Десантная ул.

от Приморского шоссе до ул. Мичурина.

Финский вариант названия Марьянкату (Marjankatu). В переводе на русский - Ягодная ул. либо Марьянская ул. Переименована предположительно в 1940 году

Длинная ул.

от пр. Ленина до Институтской ул.

Финская «калька» названия - Питкякату (Pitkakatu).

Единства ул.

от пр. Ленина до Сапожной ул.

Финская «калька» названия - Юхдюзкату (Yhdyskatu).

Загородная ул.

от Вокзальной ул. до ул. Героев.

Первоначальное название не установлено.

Загородный пер.

от Вокзальной ул. до Кривоносовской ул.

Первоначальное название не установлено.

2-й Загородный пер.

от Загородной ул. в направлении Путейской ул.

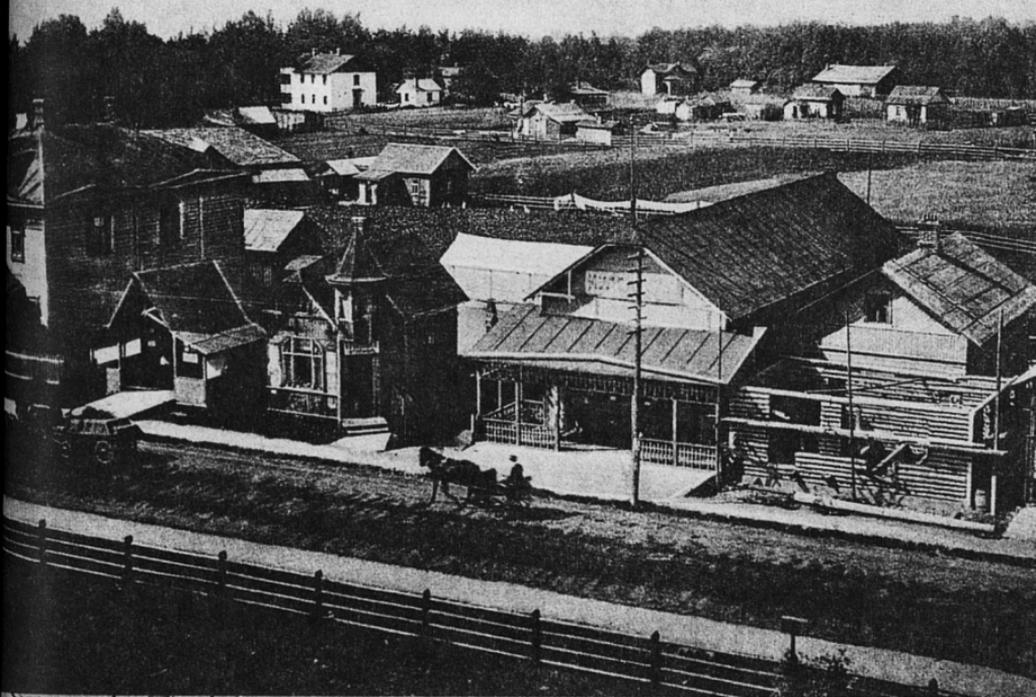
Первоначальное название не установлено.

Terijoki.

Terijoki — Теріоки

Улицы пос. Терийоки

Зеленогорское шоссе

от границы пос. Комарово до Служебной ул. и пр. Ленина
Шоссе построено в конце 1960-х годов

Инженерная ул.

от Сапожной ул. до Институтской ул.
Первоначальное название не установлено.

Институтская ул.

От Невской ул. за Сапожную ул.

Финский вариант названия Эроттаякату (Erottajakatu). В переводе на русский - Разлучницкая ул. Переименована предположительно в 1940 году

Исполкомская ул.

от Приморского шоссе и пр. Ленина до Комендантской ул.

Финский вариант названия Есикуннанкату (Esikunnankatu). В переводе на русский - Штабная ул. Переименована предположительно в 1940 году

Кавалерийская ул.

от Приморского шоссе до Комендантской ул.

Финский вариант названия ул. Куллерво или Куллервонкату (Kullervonkatu). Куллерво - персонаж карело-финского эпоса «Калевала». Переименована предположительно в 1940 году

Квартальная ул.

от ул. Героев до 1-й Лесной ул.

Первоначальное название не установлено.

Квартальный пер.

от Квартальной ул. до пер. Героев

Первоначальное название не установлено.

Клубная ул.

от Приморского шоссе до пр. Ленина и Парковой ул.

Первоначальное название - Церковная улица. Финская калька - Кирккокату (Kirkkokatu). Переименована предположительно в 1940 году

Комендантская ул.

от пр. Ленина до пр. Красных Командиров.

Финское название - ул. Вяйнеля или Вяйнелянкату (Vainolankatu). Вяйнеля - сказочная страна из карело-финского эпоса «Калевала». Переименована предположительно в 1940 году

Комсомольская ул.

от пр. Ленина до ул. Хвойной.

Финский вариант названия ул. Сампо или Саммонкату (Sammonkatu). Сампо - волшебная мельница из карело-финского эпоса «Калевала». Переименована предположительно в 1940 году

Комсомольский пер.

от Комсомольской ул. до Станционной ул.

Первоначальное название не установлено.

Конная ул.

от пр. Красных Командиров в направлении Выборгской ул.

Финское название - Саксанкату (Saksankatu). В переводе означает - Немецкая улица. Улица переименована предположительно в 1940 году

Кооперативная ул.

от Приморского шоссе до Берёзового пер.

Улица являлась продолжением Антинкату. Переименована предположительно в 1940 году

Красноармейская ул.

от проспекта Ленина до Приморского шоссе

Первоначальное название Захаровская улица. После 1918 года известна под финским названием Пеллервонкату (Pellervonkatu). Пеллерво - персонаж карело-финского эпоса «Калевала». Переименована предположительно в 1940 году

Красный пер.

от пр. Красных Командиров до Северной ул.

Первоначальное название не установлено.

пр. Красных Командиров

от Приморского шоссе до Гостиной ул.

Первоначальное название Андреевская улица, финский вариант названия - Антинкату (Antinkatu). Переименована предположительно в 1940 году

ул. Красных Курсантов

от пр. Красных Командиров до Зеленогорского автопарка.

Финский вариант названия Отсоланкату (Otsolankatu). В переводе на русский - Топтыгинская ул. Переименована предположительно в 1940 году

Кривоносковская ул.

от пр. Ленина за Кривоносковский пер.

Первоначальное название - Екатерининская улица, финский вариант названия - Катариинанкату (Katariinankatu). Переименована предположительно в 1940 году

Улица Вьертотие в Терийоках. 1930-е гг.

Кривоносковский пер.

от Кривоносовской ул. в направлении Звонкого ручья.

Первоначальное название не установлено.

Круглая ул.

от Авиационной ул. до Приморского шоссе.

Финское название – Нокеланкату (Nokelankatu). В буквальном переводе с финского – Сажная ул. Вероятно, название образовано от антропонима.

Переименована предположительно в 1940 году

Кузнечная ул.

от Речного пер. до Комендантской ул.

Финская «калька» названия – Паякату (Pajakatu).

Кузнечный пер.

от Кузнечной ул. до Комендантской ул.

Первоначальное название не установлено.

Купальная ул.

от Приморского шоссе до 4-й Пляжевой ул.

Первоначальное название не установлено.

Проспект Ленина в 1960-е гг. Аптека № 21 и ларек «Пиво – воды» располагались на месте нынешней остановки автобуса около школы № 445 в сторону Петербурга. За аптекой видна башенка дома, в котором при финнах была полиция, теперь – наша полиция

Курортная ул.

от Хвойной ул. и Нижней ул. до Спортивной ул.

Финское название – Келломаентие (Kellomaentie). В переводе на русский – Келломакская (Колокольногогорская) дорога. Переименована предположительно в 1940 году

пр. Ленина

от Исполкомской ул. и Приморского шоссе за Длинную ул. Первоначальное название, Виертотие (Viertotie) или Большая дорога, известна с XVIII века. Предположительно в 1949 году переименована в честь В. И. Ленина.

Лесная ул.

от ул. Героев до 2-й Лесной ул.

Финская «калька» названия – Метсякату (Metsakatu).

1-я Лесная ул.

от пр. Ленина до Квартальной ул.

Первоначальное название не установлено.

2-я Лесная ул.

от Лесной ул. до Моховой ул.

Первоначальное название не установлено.

3-я Лесная ул.

от Моховой ул. в направлении пр. Ленина

Первоначальное название не установлено.

1-й Лесной пер.

от 1-й Лесной ул. до Звонкого ручья

Первоначальное название не установлено.

2-й Лесной пер.

от ул. Героев до 2-й Лесной ул.

Первоначальное название не установлено.

Липовая ул.

от Приморского шоссе до Среднего пр.

Финское название - Хулинкату (Hulinkatu). Образовано, вероятно, от антропонима. Переименована предположительно в 1940 году

Лиственная ул.

от Приморского шоссе и ул. Танкистов до Финского залива

Первоначальное название не установлено.

Лиственный пер.

от Лиственной ул. до Средней ул.

Первоначальное название не установлено.

Ломаная ул.

от Круглой ул. в направлении Среднего пр.

Любимая ул.

от пр. Красных Командиров до Выборгской ул.

Финское название - Миеликинкату (Mielikinkatu).

Миеликки - персонаж карело-финского эпоса «Калевала», хозяйка леса, попечительница стада. Переименована предположительно в 1940 году

Малинная ул.

от Приморского шоссе до Финского залива.

Финский вариант названия Сеуранхуонеенкату (Seurahuoneenkatu).

В переводе на русский - Клубная ул.

Межевая ул.

от Кривоносовской ул. до ул. Героев.

1-й Межевой пер.

от Загородной ул. до пер. Героев.

2-й Межевой пер.

от Загородной ул. до пер. Героев.

Мира ул.

от Торфяной ул. до Широкой ул.

Мичурина ул.

от Приморского шоссе до Экипажной ул.

Финский вариант названия Хонкакату (Hoi kakatu). В переводе на русский - Сосновая ул. Переименована предположительно в 1940 году

Морская ул.

от Приморского шоссе в направлении Финского залива.

Мостовая ул.

от Приморского шоссе до Финского залива.

Моховая ул.

от ул. Героев за 3-ю Лесную ул.

Финский вариант названия Риентокату (Rientokatu). В переводе на русский - Порывная ул. Переименована предположительно в 1940 году

Набережная ул.

от Приморского шоссе до Финского залива.

Невская ул.

от Сапожной ул. до Паровозной ул.

Невский пер.

между пр. Ленина и Сапожной ул.

Нижняя ул.

от Приморского шоссе до Курортной ул.

Новая ул.

от Северной ул. до ул. Мира

Новая ул.

от Лиственной ул. до Средней ул.

Объездная ул.

от Красноармейской ул. до Комсомольской ул.

Овражная ул.

от Бассейной ул. за Экипажную ул.

Финский вариант названия Элокату (Elokatu). В переводе на русский - Житная ул. Переименована предположительно в 1940 году

Памятная ул.

от Приморского шоссе до Фабричной ул.

Парковая ул.

от Красноармейской ул. до Клубной ул. и пр. Ленина.

Парковый пер.

от Парковой ул. до Клубной ул.

Паровозная ул.

от пр. Ленина до Невской ул.

Финский вариант названия Асемакату (Asemakatu). В переводе на русский - Вокзальная ул. Переименована предположительно в 1940 году

Пионерская ул.

от берега Финского залива до Приморского шоссе (у д. 520).

Финский вариант названия Тиканкату (Tikankatu). В переводе на русский - ул. Дятлова. Переименована предположительно в 1940 году

Пляжевая ул.

от Приморского шоссе до Финского залива.

1-я Пляжевая ул.

от Пляжевой ул. до 4-й Пляжевой ул.

2-я Пляжевая ул.

от Пляжевой ул. до 4-й Пляжевой ул.

Финский вариант названия Руннункату (Runnunkatu). Вероятно, образовано от антропонима. Переименована предположительно в 1940 году

3-я Пляжевая ул.

от 1-й Пляжевой ул. до Финского залива.

4-я Пляжевая ул.

от Приморского шоссе до Финского залива.

Пограничная ул.

от Десантной ул. до Экипажного пер.

Финский вариант названия Килпикату (Kilpikatu). В переводе на русский - Щитовая ул. Переименована предположительно в 1940 году

Полевая ул.

от Зеленогорского шоссе в направлении Хвойной ул.

Прибрежная ул.

от Приморского шоссе до Финского залива.

Финский вариант названия Велламонкату (Vellamonkatu).

Велламо - персонаж карело-финского эпоса «Калевала». Переименована предположительно в 1940 году

Привокзальная ул.

от пр. Ленина до Служебной ул.

Приморская ул.

вдоль Финского залива до Лиственной ул.

Приморское шоссе

от границы пос. Комарово до ул. Мичурина.

Первоначальное название участка дороги от православной церкви до пос. Келломяки (ныне пос. Комарово) - Куоккалантие, финский вариант названия Kuokkalantie (Куоккальская дорога). Первоначальное название участка дороги от православной церкви до дер. Тюрисева (ныне пос. Ушково) - Viertotie (Большая дорога). Переименована предположительно в 1940 году

Прямая ул.

от Приморского шоссе до Курортной ул.

Путейская ул.

от Кривоносовской ул. до ул. Героев.

1-й Путейский пер.

от Путейской ул. до Гражданской ул.

2-й Путейский пер.

от Путейской ул. до Гражданской ул.

Разъезжая ул.

от Комсомольской ул. до Зеленогорского шоссе.

Речной пер.

от Кузнечной ул. до пр. Красных Командиров.

Садовая ул.

от Спортивной ул. на восток.

Сапожная ул.

от Паровозной ул. до Институтской ул.

Связи ул.

от Приморского шоссе до Красноармейской ул.

Связная ул.

от пр. Красных Командиров до Приморского шоссе.

Финский вариант названия ул. Лаукко или Лауконкату (Laukonkatu).

Название образовано от антропонима. Переименована предположительно в 1940 году

Северная ул.

от Широкой ул. за Красный пер.

Служебная ул.

параллельно Зеленогорскому шоссе за пр. Ленина

Сосновая ул.

от Комсомольской ул. до Разъезжей ул.

Сосновый пер.

от Комсомольской ул. в направлении Зеленогорского шоссе

Состязаний ул.

от Красноармейской ул. до Хвойной ул.

Спортивная ул.

от Финского залива до Курортной ул.

Средний пр.

От ул. Бассейной до ул. Широкой.

Финский вариант названия Юхонкату (Juhonkatu). Название образовано от антропонима. Переименована предположительно в 1940 году

Средняя ул.

от Финского залива до ул. Танкистов.

Финский вариант названия Тойволанкату (Toivolankatu). В переводе на русский - Надеждинская ул. Переименована предположительно в 1940 году

Станционная ул.

от Комсомольской ул. до Разъезжей ул.

Строителей ул.

от линии Финляндской железной дороги до Торфяной ул.

Танкистов ул.

от Приморской ул. до Зеленогорского шоссе

Театральная ул.

от Приморского шоссе до Финского залива.

Финский вариант названия ул. Микко или Миконкату (Mikonkatu). В переводе на русский - Михайловская ул. Переименована предположительно в 1940 году

Театральный пер.

от Малинной ул. до Театральной ул.

Тихая ул.

от 4-й Пляжевой ул. до Морской ул.

Финское название - Колмиканнанкату (Kolmikannankatu). В переводе на русский - Трехкоренная ул. Переименована предположительно в 1940 году

Торфяная ул.

от пр. Красных Командиров до ул. Строителей.

Финская калька - Мутакаату (Mutakatu).

1-й Торфяной пер.

от пр. Красных Командиров в направлении ул. Мира.

Узкая ул.

от ул. Восстания до Александровской ул.

Фабричная ул.

от Исполкомской ул. до Кавалерийской ул.

Хвойная ул.

от Курортной ул. до Зеленогорского шоссе.

Финский вариант названия Кортейкколату (Korteikkokatu). В переводе на русский - Хвощенная ул. Переименована предположительно в 1940 году

Цветочная ул.

от Дальней ул. до Служебной ул.

Широкая ул.

от Приморского шоссе до Связной ул.

Финский вариант названия Юрьенкату (Yrjonkatu). Название образовано от антропонима. Переименована предположительно в 1940 году

1-й Широкий пер.

от Приморского шоссе до Широкой ул.

2-й Широкий пер.

от Связной ул. до Широкой ул.

Экипажная ул.

от Овражной ул. до ул. Мичурина.

Финское название - ул. Синикка или Синиканкату (Sinikankatu), Юлякату (Ylakatu). Первое название образовано от антропонима. Последнее название в переводе на русский означает Верхняя ул. Переименована предположительно в 1940 году

Экипажный пер.

от Десантной ул. до Экипажной ул.

Первоначальное название не установлено.

Л. И. Андрущенко

«Все побывали тут...» (История создания портретных зарисовок И. Е. Репина в альбоме Н. Б. Нордман-Северовой)

Альбом, о котором мы говорим сегодня, уникален. Это – 38 графических портретов работы Ильи Ефимовича Репина, созданных в период с 1906 по 1911 год в усадьбе художника «Пенаты». Этот альбом стал заполняться еще в то время, когда Илья Ефимович работал в «Пенатах» преимущественно летом. Впоследствии этот альбом получил название «Альбома Нордман». Так он был именован в документе, который отыскала в свое время авторитетный исследователь творчества И. Е. Репина – Елена Владимировна Кириллина – «Список портретов из альбома Н. Б. Нордман раб[оты] И. Е. Репина (акварель рисунки), посылаемых на выставку в Рим: размер рисунков 42 x 34 сант.»¹.

Альбомы бывают разные: фотографические, стихотворные, с автографами или нотами, украшенные рисунками или вовсе без них. Обычай заводить и хранить домашние альбомы пришел к нам из Западной Европы, и к концу XVIII века они стали неотъемлемой принадлежностью русского усадебного быта. Составлением их увлекались, это была мода; во многих дворянских семьях на столиках в гостиной лежали так называемые гостевые альбомы, куда приходившие могли вписать какие-либо пожелания, оставить рисунок, стихотворение, нотные записи.

¹ Весной 1911 г. в Риме состоялась Всемирная выставка, в честь 50-летия объединения Италии. Программа была разработана особым комитетом, учрежденным городским правлением, под председательством известного профессора Гвидо Бочелли, неоднократно занимавшего должность министра. Каждая из стран имела на ней свои павильоны, в которых представлялось все, что заслуживало внимания и чем могла бы гордиться страна – участница выставки. По разделу изящных искусств кроме общей экспозиции два русских художника были отмечены особо. И. Е. Репину и В. А. Серову отвели отдельные залы. Репин тогда впервые выставил картину «17 октября 1905 года». Кроме неё были показаны живописные портреты и большое количество графических изображений.

Существовали и такие, в которых все листы заполнялись рисунками. Их называли картинными книгами. В зависимости от своего прямого адресата альбом мог быть семейным, дружеским, салонным. В мемуарной и эпистолярной литературе сохранились свидетельства современников, отмечавших историческую ценность того или иного известного им альбомного экземпляра. Для нас, сегодняшних зрителей, интерес представляет не только личность автора того или иного автографа, но и то, что стоит за этими экспромтами, любительскими стихами и зарисовками. Альбомы позволяют установить круг общения и увлечения владельцев, то есть открывают целый пласт нашей культуры.

Рубеж XIX–XX веков принес новое влияние в русскую культуру – ретроспективизм, пристальное изучение художественного и историко-культурного наследия. Ретроспективизм культивировал «идею красоты», образцы которой видели в «галантном XVIII веке». Рукописные альбомы становятся повсеместным явлением, превращаясь в своеобразные дневники не только в барских усадьбах и салонах, но и квартирах горожан. В домах стало привычкой раскладывать листы бумаги или уже сброшюрованные альбомы для записей визитеров. В них благодарные гости оставляли «реверансы» хозяевам. Такие альбомы были заведены и в доме у Ильи Ефимовича Репина и Натальи Борисовны Нордман в «Пенатах», как только они обустроились на загородной даче в небольшой финской деревушке Куоккала, в 44 верстах к северу от столицы².

В начале XX века Куоккала была поистине знаменитым местом. Не каждый губернский российский город мог похвастаться таким вниманием людей творческих³. В домах на берегу Финского залива селились семьи столичных писателей, художников, ученых и артистов. Одни из них жили на своих дачах круглый год, другие появлялись здесь только в летний период: семьи Шишкиных, Риденгеров, Пуни, Анненковых, Богдановичей, Чуковских. Именно они составили впоследствии интеллектуальную славу поселка.

Уже в 1900-х годах усадьба «Пенаты» стала достопримечательностью этих мест. Наталья Борисовна и Илья Ефимович жили, что называется

² 15 (27) мая 1899 г. на имя Натальи Борисовны Нордман была оформлена купчая. Деньги были уплачены владелице участка вдове Репо Ильей Ефимовичем Репиным в сумме 10 тысяч рублей. Свой шаг художник объяснил в письме 1922 г.: «...Из боязни, чтобы по моей смерти ее не выселили мои наследники, я перевел на ее имя „Пенаты“». «Пенаты», усадьба Ильи Ефимовича Репина и Натальи Борисовны Нордман-Северовой, сегодня известна как музей знаменитого русского художника на Карельском перешейке в поселке Репино (Куоккала).

³ Этот поселок (в 1949 г. деревня Куоккала была переименована в поселок Репино) включен в российские и советские энциклопедические издания разных лет наряду с другими дачными литературными и артистическими «столицами».

Усадьба И. Е. Репина «Пенаты». 1910-е гг.

открытым домом. В отличие от дачной публики, окружавшей их, приемный день в «Пенатах» был среда, а не воскресенье. На знаменитые репинские среды, от трех часов дня, мог прийти каждый, кто хотел повидаться или познакомиться с Репиным и его неординарной подругой. Прежде всего – многочисленные гости, приезжавшие из Петербурга.

Первыми гостями были В. Стасов, М. Горький, А. Куприн, Н. Гарин-Михайловский, Ф. Шаляпин. Приезжали многие: художники В. Поленов, А. Куинджи, В. Серов, В. Кустодиев, Ф. Малявин, Н. Фешин; музыканты Ц. Кюи, А. Лядов, А. Глазунов, Б. Асафьев. Здесь в 1910-е годы постоянно бывал К. Чуковский, приходили поэты С. Есенин и Н. Клюев, В. Маяковский и Д. Бурлюк, философы В. Розанов и С. Каблуков, ученые В. Бехтерев и И. Павлов, а также И. Тарханов и Н. Морозов. Знаменитостей, бывавших на репинских «средах» не счесть: «Все побывали тут», как напишет сам Репин позже К. И. Чуковскому, доброму другу и автору еще одного чудесного рукописного альбома, родившегося здесь же, в Куоккале, – «Чуккоколы».

Ведущий специалист музея-усадьбы И. Е. Репина «Пенаты» Е. В. Кириллина обратила внимание исследователей на то, что кроме имени модели рукой Репина на каждом из рисунков сделана поясняющая надпись: «артист», «литератор», «художник». Очень существенным оказалось и то обстоятельство, что Репин указал размеры рисунков. И сотрудники музея занялись планомерным розыском этих портретов.

Естественно, мы начали с себя, тщательно изучив основной фонд нашего музея.

В результате поисков выяснилось, что основой рисунков служили листы гладкого серо-зеленого картона, приятного светлого тона, холодноватого с одной стороны и более теплого с другой. На него хорошо ложатся тушь и акварель, гуашь и пастель, сангина и карандаш.

Как оказалось, на этой же бумаге выполнены находящийся в «Пенатах» портрет Репина работы Паоло Трубецкого и работа Крыжицкого «Одновременный сеанс лепки Е. П. Тархановой и И. Е. Репина»¹ – они были гостями усадьбы. Примечательно, что альбомы для гостей состоят из таких же точно листов. На них те, кто приходил в «Пенаты», писал экспромты, или же просто расписывался. В отличие от традиционных альбомов, где заполняемые страницы переплетались в кожу или сафьян, картон или цветную бумажную обложку, листы из «Альбама Нордман» не были переплетены. Репин рисовал, держа в руках вынутый из него лист, поэтому и продавались они впоследствии как отдельные рисунки.

Стало понятным, что «Альбом Нордман» заполнялся только в «Пенатах», и если кого-то Репин изобразил на таком листе, значит, человек непременно был гостем в усадьбе. Зная, что это – альбом, мы связали изображение с росписями на листах и теми датами, которые художник имел обыкновение ставить на своих работах.

Волею судеб листы эти рассеяны по разным собраниям. Многие владельцы рисунков даже не догадываются об их принадлежности к «Альбому Нордман», но некоторые из них всё-таки имеют свои адреса. К «Альбому Нордман» относятся портреты Л. Н. Яковлевой, В. Блиновой, композитора А. Ф. Каля и неизвестной дамы в зеленом платье из собрания «Пенатов». Портрет Ивана Романовича Тарханова не так давно был приобретен на аукционе Русским музеем, атрибутирован рисунок из коллекции Третьяковской галереи – портрет В. В. Веревкиной-Аббег.

Сегодня мы имеем представление о том, как выглядел примерно половина из 38 рисунков Репина в «Альбоме Нордман». Собранный коллекция изображений с подробными аннотациями и фотодокументами была представлена на юбилейной выставке, приуроченной 110-летию усадьбы Репина «Пенаты» в 2009 году.

С первого же взгляда стало понятно, что более всего альбом заполнялся в 1906 году. Тогда были сделаны портреты Н. А. Морозова, И. Р. Тарханова,

¹ П. П. Трубецкой. Портрет И. Е. Репин. 1906.

Серый картон, графитный карандаш. 39,3 x 32,3. Справа внизу подпись и дата: *Paul Troubetoroi 13 Mai 1906 Penato*. Справа внизу надпись: *Anni Manžka 1920* Санкт-Петербург, музей-усадьба И. Е. Репина «Пенаты».

К. Я. Крыжицкий. Е. П. Тарханова-Антакольская лепит бюст И. Е. Репина в Пенатах. 1907. Картон, белила, акварель, графитный карандаш. 41,5 x 34. Слева внизу авторская надпись и дата: *К. Крыжицкий 1 июня 1907 «Пенаты»*. Санкт-Петербург, музей-усадьба И. Е. Репина «Пенаты».

Е. А. Нератовой, В. П. Канкриной, В. И. Базилевекого, М. А. Федоровой, Н. И. Синельникова, П. П. Гнедича, Е. Н. Чирикова, Б. А. Лазаревского, Н. Д. Ермакова, Г. Г. Ге, а также Л. Н. Яковлевой, В. В. Стасова⁵.

Портрет Владимира Васильевича Стасова оказался последним, написанным при жизни старинного друга Ильей Репиным⁶. Об обстоятельствах создания его Стасов поведал в письме к брату: «Недавно я был на двух рождениях: одно - профессора ИЛЫИ Ефимовича, которому стукнуло 24 июля 62 года. Мы все там были, обедали (но уже ничуть не вегетариански, это уже заброшено к черту), а после обеда новорожденный потребовал непременно нарисовать мой портрет - и нарисовал (грудной en face, карандашом, с прибавкой капельки красной краски на щеках). Вышло прекрасно. [...] Это, кажись, 8-й мой портрет, деланный г. профессором. [...] С меня потребовали непременно написать тут же что-нибудь своей рукой. Я долго отнекивался, однако нечего делать, написал сбоку, пониже плеча: „Рисован этот мой портрет в Куоккала, в попугайской клетке, в русский черный месяц, в красный репинский день 24 июля 1906 года“, и при этом мы с Ильей перебирали разные старые 24 июля в Лондоне, в Париже, проведенные нами троеими вместе (Анток[ольский], Илья и я)...»⁷. 24 июля 1906 года Репину исполнилось 62 года. Этот день Нордман назвала «наш, стасовский», а «черный месяц» - это по поводу разгона Государственной Думы⁸. «Попугайской клеткой» Стасов в шутку называл первую мастерскую художника, пристроенную к дому с северного фасада. Это был восьмигранный стеклянный киоск, сравнительно небольшой. В нем не было ничего лишнего, мольберт и ковер на полу для тепла, но все равно он был тесноват для художника, не оставалась места для отхода, чтобы посмотреть на работу издали.

А за два месяца до этого Репин выполнил портрет Л. Н. Яковлевой, секретаря В. В. Стасова. На этом портрете надпись: «Поезжайте, непременно поезжайте на Мурман!!! Лид. Яковлева 5 Апр. 1906 г. Ниже: Ах, как сегодня Илья Ефимович недоволен мною за Государственную думу!!!». Лидия Николаевна Яковлева (1866-1934), друг семьи Стасовых, сподвижник в его литературных трудах. Общественный деятель, педагог, преподавала в школе при Народном доме графини С. В. Паниной в Петербурге. После смерти В. В. Стасова Лидия Николаевна продолжала

⁵ Этот портрет Стасова известен по Нью-йоркскому каталогу 1921 г., когда в Америке были показаны живописные и графические произведения Репина, и где из «Альбома Нордман» было представлено 20 рисунков.

⁶ В. В. Стасов скончался 10 октября 1906 г.

⁷ ИРЛИ Ф. 294. Оп. 1. № 13.

⁸ 8 июля 1906 Царское правительство под тем предлогом, что Дума не только не успокаивает народ, но ещё более разжигает смуту, распустило её.

Лист Пенатского
 рукописного
 альбома
 от 25 февраля
 1907. Автор
 рисунка ученик
 И. Е. Репина
 Г. Горелов

И. Е. Репин.
 Портрет Лидии
 Николаевны
 Яковлевой. 1906

1

2

3

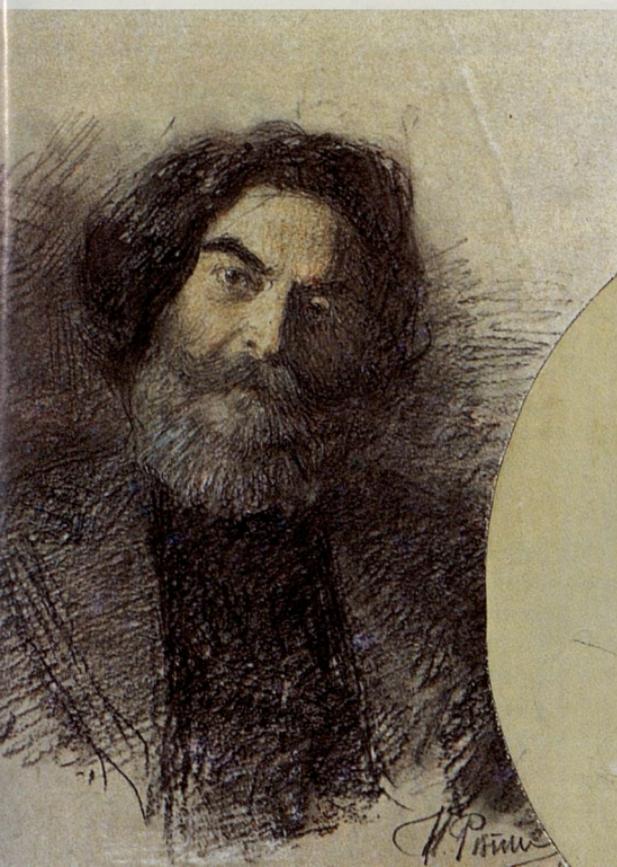

4

1. И. Е. Репин. Портрет В. Д. Арбузовой. 1908
2. И. Е. Репин. Портрет В. В. Стасова. 1906
3. Вера Федорова на сеансе у Репина в мастерской «Пенатов». 1910 -е гг.
4. И. Е. Репин. Портрет В. И. Базилевского. 1906

Петр Петрович Гнедич, Григорий Григорьевич Ге и Илья Ефимович
Репин. «Пенаты» 19 апреля 1906 года. Фото Н. Б. Нордман

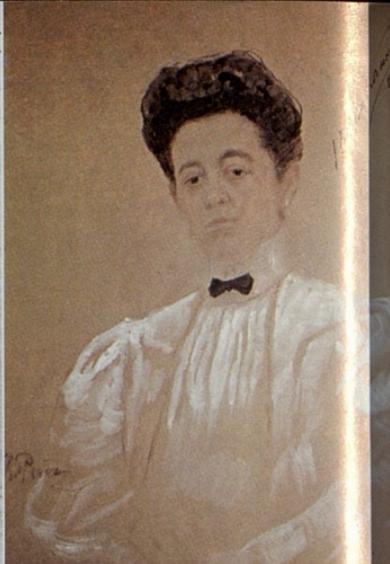
И. . Репин.
Портрет физиолога
И. Р. Тарханова. 1906

И.Е. Репин. Портрет
М. Б. Чуковской. 1909

И. Е. Репин. Портрет
Людмира Вацлавовича
Свенторжецкого. 1908

И. Е. Репин. Портрет
графини Веры Петровны
Канкриной. 1906

И. Е. Репин. Портрет
Евгения Николаевича
Чирикова. 1906

Е. Н. ЧИРИКОВ

И. Е. Репин. Портрет
Степана Петровича
Крачковского. 1907

приезжать в «Пенаты» к Репину и Нордман, а с Ильей Ефимовичем состояла в переписке до конца его дней.

В 1906 году рухнули надежды либеральной интеллигенции на перемены, и Репин подал в отставку и покинул Академию Художеств и Высшее художественное училище. Ему казалось бессмысленным оставаться профессором и никого не учить⁹. Он переселился в «Пенаты» и занялся благоустройством дома и собственной мастерской, которую он решил построить на втором этаже и непременно со стеклянной крышей.

За помощью в решении столь ответственной архитектурной задачи Репин обратился к В. П. Стаценко, профессору Николаевской Инженерной Академии. Репин изобразил в «Альбоме» и самого Вадима Платоновича и его жену, Александру Васильевну. Она вспоминала, что познакомились они с Репиным и Нордман при строительстве собственной дачи в 1903 году. Вскоре семьи подружились и часто бывали друг у друга. Тем более, что взгляды на жизнь, желание как-то действовать, быть полезным обществу были Александре Васильевне так же близки, как и Наталье Борисовне: организовав первый детский сад в Куоккале они с энтузиазмом взялись и за издательскую деятельность, открыв в Санкт-Петербурге первую Женскую типографию при общине св. Евгении. К ее работе была привлечена и двоюродная сестра Натальи Борисовны – Вера Петровна Канкринна (в девичестве Струкова). Ее портрет появляется в альбоме рядом с портретами Л. Н. Яковлевой и А. В. Стаценко.

Вера Петровна – графиня, член Комитета научно-художественных изданий, жена кишиневского губернатора графа И. В. Канкринна¹⁰.

⁹ 11 Февраля 1906 Репин пишет А. В. Жиркевичу: «Я действительно вышел в отставку из Академии худ[ожеств] больше всего потому, что учить некого, а даром пользоваться квартирой и жалованием я не хочу...». Художник рассказывает, что устранивается полностью за городом, но петербургская квартира будет за ним еще до лета, и Жиркевич сможет туда к нему приехать, чтобы выбрать один из эскизов к «Искушению Христа», который он хочет купить. Рп, 174.

¹⁰ В 1903 г. для развития издательской программы общины св. Евгении, которую изначально вел И. М. Степанов, была образована комиссия под председательством графини В. П. Канкринной, в которую вошли А. Н. Бенуа, В. Я. Курбатов, Н. К. Рерих, С. П. Яремич и др. Одной из особенностей выработанной комиссией программы стал ее просветительский характер. В последующие годы общиной было выпущено более 6 400 наименований открыток суммарным тиражом около 30 миллионов экземпляров, в том числе с репродукциями живописных произведений старых и современных художников, изображениями памятников архитектуры и старины, иллюстрациями к литературным произведениям, портретами членов императорской семьи и выдающихся государственных деятелей прошлого, серии открыток, приуроченные к 100-летию войны 1812 года, к 300-летию Дома Романовых и др. Было выпущено немало иллюстрированных книг, в числе которых путеводители по дворцовым пригородам Санкт-Петербурга, по Эрмитажу, Русскому музею, по городам русской провинции, составленные

Она родилась в одном из самых богатых семейств Екатеринославской губернии. Ее стараниями в 1892 году был организован приют для девочек в Александровске. За все время существования приюта (1895–1919) из его стен по достижении семнадцатилетнего возраста было выпущено свыше 200 воспитанниц. Благотворительностью Вера Петровна занималась и в столице.

17 марта 1907 года Канкрин от имени Общины св. Евгении благодарит Репина за участие в издании открытых писем: «Благодаря Вашим трудам, открытые письма Красного Креста приобрели известность не только по всей России, но и за границей»¹¹. Художник много рисовал для открыток, издаваемых общиной. Дружественно-деловые отношения с графиней Канкриной Репин сохранил и позже, когда Нордман уже не стало. Интересная деталь. В одном из коротких писем Нордман 1906 года Канкрин пишет: «Извини, я ему на конверте написала „Его Превосходительство...“. Действительно, Репин и Нордман после 1905 года просили не писать им на конвертах титула: «Прошу Вас никакими титулами меня не именовать (он к тому времени имел чин действительного статского советника. – Л. А.) – теперь мы все граждане: и я никому не пишу титулов, Россия их должна бросить – бюрократство».

Хозяева усадьбы в эти годы были тесно связаны с деятелями театра и актерами, именно в театре появлялись новые герои, которых так ждала русская интеллигенция в бурные 1910-е годы. Один из героев альбома Евгений Николаевич Чириков¹², писатель и драматург, пытавшийся ставить на столичной сцене свои драматические опыты. Правда, многое

В. Я. Курбатовым, А. Н. Бенуа, Н. Н. Врангелем, Г. К. Лукомским и др. Издавались и книги по медицине – «Первая помощь в несчастных случаях до прибытия врача», написанная главным врачом общины К. А. Вальтером, и «Таблицы подачи первой помощи», разработанные профессором Г. И. Турнером с иллюстрациями Н. С. Самокиша. В 1904 г. в здании Общества поощрения художеств на Большой Морской ул., 38 открылся специализированный магазин общины, который стал популярным среди знатоков искусства. Наряду с продажей в нем устраивались небольшие выставки оригиналов, с которых печатались открытки, а также старинных гравюр, акварелей и рисунков. В 1914–1918 гг. в магазине проводились благотворительные аукционы в пользу раненых воинов, а в ноябре 1914 г. здесь по инициативе Н. К. Рериха состоялась выставка-аукцион «Искусство союзных народов», сбор от которой был направлен в пользу пострадавшего от военных действий населения Франции, Бельгии и Польши.

¹¹ НБА РАХ Ф. 25. Оп. 1. Д. 179. Л. 2.

¹² Тот самый Е. Н. Чириков, «толстовец» В начавшейся Гражданской войне Чириков принял активное участие на стороне белого движения. А в 1920 г. он получил записку от волжанина и однокашника по Казанскому университету Ульянова-Ленина: «Евгений Николаевич, уезжайте. Уважаю Ваш талант, но Вы мне мешаете. Я вынужден вас арестовать, если Вы не уедете». Е. Н. Чириков в 1920 г. эмигрировал из России. Умер 18 января 1932 г. в Праге.

из них запрещалось, как например, «Мужики» и «Евреи». Но сам он был интересен Репину и часто появлялся в «Пенатах» со своей женой, актрисой Иолшиной. Его портрет датирован 30 июля 1906 года. Слева, почти у середины надпись сделанная драматургом: *«Слезы надо беречь: их никогда не хватает человеку на всю жизнь»*. Есть в альбоме и портрет Григория Григорьевича Ге (его Репин рисовал не раз), помогавшего Нордман с постановкой ее пьес в Александринском театре. А пьесы ее, по сути, списаны с натуры. Главный герой ее пьесы «Амнистированный» является довольно точным портретом шлиссельбургца Н. А. Морозова, тоже нарисованного в альбоме.

С Николаем Александровичем Морозовым Репин познакомился на вечере у Е. С. Зарудной-Кавос, устроенном по случаю его освобождения из Шлиссельбургской крепости. Репин в то время входил в состав комитета, созданного для оказания помощи бывшим узникам. За участие в покушении на Александра II в 1882 году Морозов, революционер-народник, член кружка «чайковцев» и общества «Земля и воля» был приговорен к пожизненному заключению (но был освобожден 26 сентября 1905 года). Мужество и целеустремленность Морозова, его юношеский задор после долгих лет заключения очаровали Репина. Вскоре знакомство переросло в дружбу, и Морозовы неоднократно бывали в «Пенатах». В 1906–1907 годах Репин работает над живописным портретом бывшего узника Шлиссельбургской крепости¹³. Графический портрет Н. А. Морозова выполнен 1 октября 1906 года¹⁴.

Между тем в Александринском театре прошла читка пьесы Натальи Борисовны «Возмутительно». «Синельников просил дать ему пьесу хорошенько проштудировать. Гнедич делал много пометок [...] А Синельникова я как-нибудь привезу вам в Куок[калу]», – обещал Григорий Ге. Он выполнил обещанное, и вскоре московская знаменитость, режиссер-новатор Николай Николаевич Синельников приехал в «Пенаты». Репин нарисовал Синельникова в «Альбоме». В 1911 году портрет был показан на выставке в Риме. Сегодня его местонахождение неизвестно.

«На Фоминой неделе приеду к вам с Гнедичем», – писал Ге в марте 1906 года. П. П. Гнедич, писатель, драматург, переводчик, историк искусства, в то время был управляющим русской драматической труппой Петербургских театров. В своих воспоминаниях «Книга жизни» он писал: «Весной 1906 я ездил с Гр. Гр. Ге в Куоккала к Репину, куда

¹³ Николай Александрович Морозов (1854–1946). 1906–1907, холст, масло. 89 x 70. Санкт-Петербург. Государственный Русский музей (временное хранение). Принятая датировка 1910 г. неверна. Портрет виден на стене мастерской художника на фотографиях 1907 г

¹⁴ Воспоминания К. Морозовой, Репин, Художественное наследство, М.-Л., 1949, Т.2, С.2520.

Сеанс одновременной работы И.Е. Репина и В.П. Стаценко над портретом В.Д. Арбузовой на балконе в «Пенатах» (впоследствии переоборудованного под летнюю мастерскую). Слева сидит Вера Дмитриевна Арбузова — напротив И.Е. Репин, рядом с Репиным семья Стаценко — Александра Васильевна и Вадим Платонович. 1908

он приглашал меня неоднократно. Там я познакомился с владелицей „Пенатов“, где жил И. Е. Репин, Наталией Борисовной Нордман. Ге читал свою пьесу, Репин рисовал с меня портрет в свой альбом. Нордман сняла нашу группу – и весьма удачно¹⁵.

Одновременно с мастерской, о которой пишет Гнедич, Репин закончил отделку зимней веранды. Она снаружи была украшена резьбой: грифоны и двухцветная решетка. Чуть выше веранды появилась маленькая пристройка, рамы которой изогнуты в виде подковы. Из нее вела лестница на балкон, граничивший с новой мастерской. Сохранилась фотография, сделанная на балконе – гости во главе с Репиным рисуют друг друга. Этот момент очень характерен для репинских «сред». Обычно Репин щедро приглашал гостей рисовать: «Берите, господа, карандаши и бумагу и рисуйте». Мы видим, что рядом с Репиным рисует Вадим Платонович Стаценко и его жена. Моделью служит Вера Дмитриевна Арбузова, близкая подруга Нордман и родственница по матери. Эта, весьма

¹⁵ 19 апреля 1906 Репин рисует приехавшего в «Пенаты» П. П. Гнедича. Днем Репин, Нордман, Гнедич и Г. Г. Ге гуляли по берегу Финского залива. Репин показал место, где стояла его будка, откуда он писал «Какой простор». К обеду приехал Л. Л. Толстой. В только что отстроенной мастерской Репин показывал свои картины. Нордман сфотографировала Репина, Ге и Гнедича. Гнедич. Книга жизни. 1929. С. 315.

привлекательная, светская женщина стала фельдшерницей, построила на свои деньги в Белгородской губернии амбулаторию, где принимала каждый день по 20 больных. Построила также школу и читальню.

Портрет Веры Дмитриевны Арбузовой, выполнен уже в 1908 году и входит во вторую менее значительную по количеству листов группу рисунков из альбома. В это время у Репина и Нордман появился обширный круг новых знакомых и среди них Корней Иванович Чуковский. Портрет Марии Борисовны, жены Чуковского, из альбома Нордман сегодня украшает музей Чуковского в Переделкино, под Москвой. Тогда же был нарисован портрет Леонития Свенторжецкого, портрет известной пианистки и педагога Марии Альбертовны Федоровой и ее дочери Веры. Вера Федорова позировала художнику для картины «А. С. Пушкин на торжественном акте в Лицее».

Как уже упоминалось, листы «Альбома» рассеяны по разным собраниям. Один из листов попал в Чехию. Это портрет певицы Марьи Альбертовны Федоровой, которая проводила так много времени в «Пенатах», что была почти членом семьи. Она изображена в профиль, за роялем. Не только Репин, но и Стасов с большой похвалой отзывался о ее игре и пении. Она же изображена на знаменитом репинском рисунке «За роялем» 1905 года (рисунок находится в собрании Третьяковской галереи).

Как выглядел портрет Веры Федоровой, неизвестно, как неизвестны и некоторые другие изображения из «Альбома Нордман». Мы знаем, что Репин рисовал писателя и философа Василия Розанова и его друга Сергея Каблукова, бывшего директора Александровского лицея Ф. Ф. Врангеля и его жену, директора библиотеки Академии художеств Ф. Г. Беренштама, художника Я. Ф. Ционглинского и И. И. Толстого. Вновь активизировавшийся аукционный мир подарил нам неизвестные изображения коллекционера и собирателя С. П. Крачковского, изобретателя, инженера и штатного электротехника при дирекции императорских театров Л. В. Свенторжецкого, писателя А. И. Свирского и публициста И. И. Ясинского. По-видимому, обнаружатся еще и другие изображения. Узнать героев будет нетрудно, потому что на всех листах, побывавших на выставке в Риме, в левом верхнем углу Репин поставил номера согласно римскому каталогу, а наверху обозначил фамилию изображенного на рисунке. Так, например, на портрете Тарханова есть номер 29, совпадающий с каталогом, а на портрете Веры Арбузовой проставлен номер 20.

Портретные зарисовки И. Е. Репина в альбоме Нордман существенно дополняют наше представление о нем, как о портретисте. Четкая характеристика образов каждого героя имеет не только иконографическую ценность, но являет собой великолепный образец графического и живописного мастерства художника.

Иллюстрации на вклейке

1-я стр. Лист Пенатского рукописного альбома от 25 февраля 1907 г. Автор рисунка ученик И. Е. Репина Г. Горелов

И. Е. Репин. Портрет Лидии Николаевны Яковлевой. 1906 г. Слева сверху № 35. Справа сверху авторская надпись: *Л. Н. Яковлева*. Справа по середине автограф Л. Н. Яковлевой: *Позжайте, непременно позжайте на Мурман!!! Лид. Яковлева 5 Апр. 1906 г.* Ниже: *А как сегодня Илья Ефимович не доволен мною за Государственную Думу!!!* В правом нижнем углу, ближе к середине, розовым графитным карандашом подпись: *И. Репн*

2-я стр. И. Е. Репин. Портрет Вера Дмитриевна Арбузовой. 1908 г. Слева сверху: № 20. Слева внизу дата: *1908*. Справа сверху авторская надпись: *Г-жа Арбузова*. Справа внизу подпись: *И. Репинъ*

И. Е. Репин. Портрет Владимира Васильевича Стасова. 1906 г. Серый картон, графитный карандаш, растушка, белила. 42 x 34. Слева внизу подпись и дата: *И. Репнъ 1906 24 июля*. Справа у плеча, ближе к середине автограф В. В. Стасова: *Рисован с меня этот мой портрет в Куоккала, в полузайской клетке, в русский черный месяц, в красный репинский день 24 Июля 1906.*

И. Е. Репин. Портрет физиолога Ивана Романовича Тарханова. 1906 г. Серый картон, графитный карандаш, белила. 42 x 34. Слева сверху карандашом: № 29. Справа сверху авторская надпись: *Кн. П. П. Тарханов*. Справа внизу подпись и дата: *И. Репинъ 1906 8 е Окт.*

И. Е. Репин. Портрет Виктора Ивановича Базилевского. 1906 г. Слева, ниже середины подпись и дата: *И. Репн 1906*. Справа внизу автограф В. И. Базилевского: *В. И. Базилевский 18 Июня 1906*

3-я стр. П. П. Гнедич, Г. Г. Ге и И. Е. Репин. Пенаты. 19 августа 1906 г. Фото Н. Б. Нордман

И. Е. Репин. Портрет физиолога Ивана Романовича Тарханова. 1906 г. Серый картон, графитный карандаш, белила. 42 x 34. Слева сверху карандашом: № 29. Справа сверху авторская надпись: *Кн. П. П. Тарханов*. Справа внизу подпись и дата: *И. Репинъ 1906 8 е Окт.*

И. Е. Репин. Портрет Марии Борисовны Чуковской. 1909 г. Справа внизу подпись: *1909 И. Репн*

4-я стр. Портрет Людомира Вацлавича Свенторжецкого. 1908 г. Справа сверху тушью автограф Л. В. Свенторжецкого: *29108 Пенаты*. Слева внизу подпись и дата: *И. Репинъ 1908*

И. Е. Репин. Портрет графини Веры Петровны Канкриной. 1906 г. Слева внизу подпись: *Ил. Репинъ*. Справа сверху автограф: В. П. Канкриной: *Взра Канкринна 11/У 1906*

И. Е. Репин. Портрет Степана Петровича Крачковского. 1907 г. В левом верхнем углу: № 14. В правом верхнем углу авторская надпись: *С. П. Крачковский*. Ниже, автограф С. П. Крачковского: *От души желаю дорогому Илье Ефимовичу высот как в жизни, такъ и в искусстве. Ст. Крачковский 20 января 1907 г.* Справа внизу подпись и дата: *И. Репн 1907 20 янв.*

И. Е. Репин. Портрет Евгения Николаевича Чирикова. 1906 г. Слева внизу: № 7. Справа сверху авторская надпись: *Е. Н. Чириков*. Слева, почти у середины автограф Е. Н. Чирикова: *Слезь надо беречь: ихъ никогда не хватаетъ человеку на всю жизнь... Евгений Чириков 30/УIII 1906 Куоккола.*

Содержание

<i>Л. И. Амирханов</i>	
Сестрорецкий Оружейный завод в первой половине XX века.....	3
<i>О. Г. Растворова</i>	
Прапорщик Выборгской крепостной минной роты (история одной русско-финской семьи в 1880-1950-х гг.).....	47
<i>Р. Н. Гараева</i>	
Три судьбы Елена Сергеевна Корнеева (1902-1992).....	61
<i>Н. И. Агранова-Копоненко</i>	
«Не смейте забывать учителей!».....	72
<i>Е. В. Евдокимов</i>	
Сестрорецк Михаила Кузмина.....	81
<i>Е. В. Евдокимов</i>	
Фонтан «Девочка удэ с рыбой».....	99
<i>Е. В. Евдокимов</i>	
Ресторан «Олень».....	104
<i>А. Е. Брасо, А. И. Роденков</i>	
Два образца дачной архитектуры в Зеленогорске.....	109
<i>Е. М. Травина</i>	
Комаровские дачи в стиле модерн.....	116
<i>Е. А. Балашов</i>	
Улицы города Зеленогорска.....	133
<i>Л. И. Андрущенко</i>	
«Все побывали тут...» (История создания портретных зарисовок И. Е. Репина в альбоме Н. В. Нордман-Северовой).....	148

Наши книги можно заказать по адресу:
199004, Санкт-Петербург, а/я 71, Амирханову Леониду Пльясовичу
E-mail: zitadel@bk.ru

Курортный район. Страницы истории
Выпуск 6

ООО «Издательско-Торговый Дом «ОСТРОВ»

Составители *Р. Н. Гараева, Л. П. Амирханов*

Редактор *Л. П. Амирханов*

Корректор *Н. П. Иванова*

Дизайн, верстка, обложка *Ю. А. Корневская*

Формат 60 x 90/16. Бумага офсетная. Тираж 1000 экз.

Отпечатано с готовых диапозитивов
в типографии «А-Принт»
Санкт-Петербург, Большая Монетная ул., 16
Тел. 325-28-21

130 =

Теріюки Шоссе.

